

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ БУРЯТ

Монография

Под редакцией

Р. Д. Санжаевой, доктора психологических наук, профессора

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2020

УДК 159.922.4

ББК 88.59

Э 913

Утверждено к печати редакционно-издательским советом Бурятского государственного университета

Монография размещена в системе РИНЦ на платформе научной электронной библиотеки Library.ru

Рецензенты

А. Д. Карнышев, доктор психологических наук, проф., Иркутский ГУ
Л. Л. Абаева, доктор исторических наук, профессор, МБИТ СО РАН
Д. Ш. Цырендоржиева, доктор философских наук, проф., Бурятский ГУ

Авторы: *Р. Д. Санжаева*, д-р психол. наук, проф. (Бурятский ГУ, гл. редактор, гл. 1, 2, 5, 10); *Т. Л. Миронова*, д-р психол. наук, проф. (гл. 3); *А. Р. Монсонова*, канд. психол. наук, доц. (гл. 6, 9); *Д.-Р. Р. Галсанова*, канд. психол. наук, доц. (гл. 8); *Б. А. Гунзунова*, канд. психол. наук, доц. (гл. 11)

Э 913 **Этнопсихология бурят:** монография / под ред. проф. Р. Д. Санжаевой.

— Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2020. — 268 с.

ISBN 978-5-9793-1522-5

DOI 10.18101/978-5-9793-1522-5-2020-1-268

Монография посвящена теоретическим и практическим аспектам этнопсихологии бурят, геополитически проживающих в Предбайкалье (Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский округ), Республике Бурятия, Забайкальском крае (Агинский Бурятский округ) совместно на протяжении многих веков с эвенками, русскими, семейскими; характеристике основных категорий этнопсихологии: ценностно-смысловой сфере, этнической и конфессиональной идентичности, толерантности и др.

Предназначена для психологов, работающих в различных сферах профессиональной деятельности, студентов и всех, кто интересуется и занимается исследованием личности как субъекта этноса.

Ethnopsychology of Buryats: a monograph / Ed. by R. D. Sanzhaeva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2020. — 268 p.

The monograph is devoted to the theoretical and practical aspects of the ethnopsychology of Buryats, geopolitically living in Cisbaikalia (Irkutsk Oblast, Ust-Orda Buryat District), the Republic of Buryatia, in the Transbaikal Territory (Aginsky Buryat District), together for many centuries with Evenks, Russians, with Semeiskii; the characteristics of the main categories of ethnopsychology: the value-semantic sphere, ethnic and confessional identity, tolerance, etc.

It is intended for psychologists working in various fields of professional activity, students and all those who are interested in and are engaged in the study of personality as a subject of an ethnic group.

УДК 159.922.4

ББК 88.59

© Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова, 2020

ISBN 978-5-9793-1522-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Этнопсихокультура бурят в контексте постнеклассической психологии (Санжаева Р.Д.)	21
Глава 2. Байкал таинственный, многоликий, разноязыкий (Санжаева Р.Д.)	73
Глава 3. Этническая толерантность студентов Байкальской Азии (Миронова Т.Л.)	102
Глава 4. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты (по материалам Всероссийского исследования)	120
Глава 5. Этнопсихологические особенности отношений родителя с ребенком (кросс-культурное исследование) (Санжаева Р.Д.)	143
Глава 6. Ценностные ориентации личности: этнопсихологический аспект (Монсонова А. Р.)	163
Глава 7. Идентичность образа Я как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контексты формирования (по материалам Всероссийского исследования)	173
Глава 8. Психосемантика образа мира молодежи Байкальского региона (Галсанова Д. Р.)	191
Глава 9. Этноконфессиональная идентичность современной молодежи (Монсонова А. Р.)	210
Глава 10. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе (Санжаева Р.Д.)	223
Глава 11. Развитие способностей личности в поликультурной среде (Гунзунова Б. А.)	246
Заключение	265

*Посвящается
75-летию Победы нашей страны в Великой Отечественной войне
и 20-летию социально-психологического факультета
Бурятского государственного университета
имени Доржи Банзарова*

Я хочу сказать, что такое земля... Земля — это не то, что попираем мы двумя ногами и измеряем длиной конского пробега. Но земля — это то, без чего нет и не может быть жизни на Земле, ибо я не знаю ни об одной живой твари, которая могла бы существовать без земли. Пусть птицы проводят свою жизнь среди облаков, но гнезда вьют они на земле. Пусть рыбы живут в воде, но русла рек все же пролегают по земле...

Земля есть основа всей державы, и земля есть основа каждого человека. Потеряв землю, человек теряет все: могилы своих предков, что есть одна треть его силы; кочевье, где живет он сам, что есть вторая треть его силы; юрту, где он взрастит свое потомство, что есть остальная треть его силы.

Я не хочу и не допущу, чтобы земли моего народа постепенно растаяли, подобно куску льда на солнце, и чтобы никому не повадно было покупать себе спокойствие ценой родной земли!

Модэ, предводитель хунну
(209–174 гг. до н.э.)

ВВЕДЕНИЕ

Термин «культура» Л. С. Выготский использовал в названии своей гениальной теории культурно-исторического развития высших психических функций личности, при этом он придавал огромное значение социальным и культурным факторам в объяснении природы и генезиса психического. Сравнительно-культурный тип исследования, кросс-культурная парадигма, намеченная создателем культурно-исторической концепции личности, составляет в XXI в. качественно новый этап в психологии.

В конце 20-х гг. XX в. по инициативе Л. С. Выготского этнопсихологические исследования были предприняты А. Р. Лурия, в результате которых были получены (на основе узбекского материала) ценные данные о том, как овладение грамотой влияет на процесс обобщения в ходе решения логических задач, на характер и успешность учения, на структуру интеллекта в целом. Как мы знаем, сравнительные исследования были вскоре прерваны в результате выхода постановления ВКП(б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпроса». Если в связи с этим А. В. Запорожец писал: «Следует лишь пожалеть, что никто не повторил подобного рода исследование в настоящее время, ибо таким образом можно было бы собрать совершенно уникальный по своей научной ценности материал...», то начало XXI в. характеризуется огромным интересом человека к истории, культуре, традициям своего народа, к самому себе как представителю своего этноса, несмотря на проблемы глобализации.

Соотнести между собой психологию и культуру — важнейшая задача социально-психологической науки. Многие западные социально-психологические теории используют термин «культура» как объяснительный принцип. Противопоставление сознания как деятельности духовной материальной деятельности порождало у нас недооценку феномена культуры, влияние которой на развитие личности в XXI в. огромно.

Человек как высшее существо на Земле, осознавая детерминированность своей жизни внешними условиями, стремится компенсировать потерю душевных качеств поисками гармонии. Это приводит к поведенческим изменениям, преобразованию своего внутреннего «я», т. е. к трансформации личности, системы ее ценностных ориентаций.

Приходит время, как говорят, разбрасывать камни и собирать камни, когда хочется чуть остановиться, посмотреть назад и увидеть, что остались камни и камешки — слова благодарности, прощения, которые не все высказаны родителям, близким, друзьям... Гранит науки, самый крепкий камень, поделился своими золотыми осколками, принес радость познания мира, мы увидели красоту мироздания и стараемся ее понять, как и глубину культуры своего народа. Кто я? Кто мы? Буряты или все бурят-монголы?

Все чаще ставится под сомнение существование традиционных ценностей. Человек теряется в оценке правильности или неправильности эстетических, социальных личностных ценностей, и здесь не обойтись без этнических ценностей. Природа прекрасна и вечна. Народ мудр и силен.

Мы живем у озера Байкала — жемчужины мира. Наши предки оставили нам эти земли, создали юрту — самое универсальное жилище человека. Гордость наша — Байкал, но и ответственность огромная. Еще Чингисхан наряду со своим степным законом «Их засаг» создал закон о защите Байкала «Их хориг» (Большой запрет), в котором озеро Байкал, хребты Хамар-Дабана, долина Селенги были объявлены сакральной заповедной зоной, где был введен запрет на обработку земли, строительство городов, на массовую облавную охоту. Свод всех правил сопровождался негласным «сээртэй». Тогда Байкал был защищен полосой многих километров.

Мудрые наши предки считали 9 месяцев жизни человека в лоне матери годом жизни, и в культуре бурят-монголов ребенок рождается уже годовалым. Этот интересный период в жизни человека еще недостаточно исследован современной эмбриональной психологией. Проживая свою традиционно 12-летнециклическую жизнь, человек проходит критические периоды в 13, 25, 37 и т. д. лет. Как не вспомнить стихи Владимира Высоцкого:

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель.
Вот и сейчас как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37. Коварен бог —
Ребром вопрос поставил: или-или.
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо,
А нынешние как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или перенесена,
А в тридцать три распяли, но не сильно.
А в тридцать семь — не кровь, да что там кровь — и седина
Испачкала виски не так обильно.

Эти стихи связывают с гибелью на Байкале в августе 1972 г. нашего земляка, широко известного драматурга Александра Вампилова, гордости бурятского народа. Он был братом Сержены Валентиновны Вампиловой, любимого куратора нашей группы на филологическом факультете БГПИ (БГУ) имени Доржи Банзарова, первого бурятского ученого. В 2022 г. будем отмечать 200-летие этого великого сына бурятского народа.

Эпиграфом к книге выбраны слова князя Модэ — создателя великого хуннского государства наших предков. В шесть лет отданный отцом под «залог» как гость Великого Китая, в 16 он бежал, так как старец-шаман сказал, что его завтра убьют (в нем уже угадывался характер предводителя). Потом он вынужден был отдать невесту в день свадьбы богатым китайским гостям, после — жеребца-ахалтекинца, купленного на золото с Каспия (всегда есть мудрецы: старый конюх успел пустить жеребца в табун — отсюда пошли монгольские лошади Чингисхана). Но когда в третий раз наведались гости из Китая и, ища повод для войны, попросили кусок земли между ними, на котором ничего не росло. Модэ отказал и произнес эти слова. Очень ярко этот эпизод представлен в романе замечательного писателя В. Митыпова «Долина бессмертников». Наши предки оставили нам эти прекрасные земли, политые потом и кровью, наше дело — передать их своим детям, внукам.

Смена веков, тысячелетий не проходит для человечества без кризисов, безмятежно, также как и у человека — возрастные периоды. Через 1000 лет после Модэ родился Чингисхан, признанный в конце XX в. Человеком второго тысячелетия. Начало третьего тысячелетия мы почувствовали на себе — развитие в высшей степени эпидемического процесса коронавируса, глобализация и т. д.

Наряду с «Сокровенным сказанием монголов» — древней летописи о Чингисхане и его эпохе — создано огромное количество работ во всем мире об этой гениальной личности. Интересна попытка создания реконструкции психологического портрета Чингисхана на основе психолого-исторического анализа «Сокровенного сказания монголов», предпринятая преподавателем психологии Монгольского госуниверситета, кандидатом психологических наук Мунхчулууном [35]. Автор рассматривает потребностно-мотивационную сферу личности Чингисхана и как у человека «длинной воли» (Л. Н. Гумилев) выделяет потребность в достижении цели. Он умел ждать и терпеть. Лишь в 45 лет в 1206 г. на хуралтае провозглашен Чингисханом Великого Монгольского государства. Выраженная потребность в контроле над событиями и людьми нашла выражение в законе «Великая Яса», где содержались положения, направленные на единение духовной силы народа и защиту нации. Потребность во власти возникла в процессе воспитания матерью осознания статуса первого ребенка, компенсации за чувства обиды, нанесенные ему в детстве и т. д. Нестереотипность мышления, склонность к риску и уравновешенность, интуиция, решительность и справедливость и многие другие качества выдающейся личности говорят о том, что Чингисхан — харизматический лидер, умеющий повести за собой народные массы и на протяжении веков владеть умами их потомков!

«Кто мы — бурят-монголы?» — так называется книга известного ученого, доктора исторических наук, профессора Шираба Бодиевича Чимитдоржиева, которая вышла в 1991 г. и поставила в то сложное время вопрос о переходе к историческому самоназванию «бурят-монголы», а не «буряты». Это вызвало горячие дискуссии и по другому вопросу — объединению Республики Бурятия и двух бурятских автономных округов — Агинского, на территории Читинской области (ныне Забайкальского края) и Усть-Ордынского (в Иркутской области).

Многолетние дискуссии стихают, исследования и поиски продолжают... На наш взгляд, наиболее объективна точка зрения известного общественного деятеля Бурятии, ученого, доктора социологических наук, профессора Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова Эрдэма Данзановича Дагбаева. Он создавал и был первым вице-президентом межрегионального общественного движения «Всебурятская ассоциация развития культуры» (ВАРК), работал главным редактором газеты «Бурятия».

В своей фундаментальной монографии «Буряты. Главные вопросы бытия» Э. Д. Дагбаев подчеркивает: «Так кто мы — бурят-монголы? Мы, что совершенно очевидно, буряты. С тех пор, как у нас действительно несправедливо отобрали самоназвание «бурят-монголы», прошло слишком много времени. Мы изменились. Главным нашим этнодифференцирующим признаком бурятской идентичности становится этническое самосознание, базирующееся на общности бурятского языка и культуры. Сами себя мы причисляем к бурятам, что проявляется прежде всего в том, что мы осознаем родство... и отличие от монголов в языке и некоторых элементах культуры. Важный момент: конечно, наше этническое самосознание есть во многом результат усилий и политики государства, и этнического сообщества в целом, его элиты. Поэтому вопрос о сохранении и развитии этнической идентичности бурят (независимо от страны проживания) становится актуальным для всех бурятских диаспор, это вопрос адаптации и выживания в современном мире».

Личность реализует свое место в жизни, обществе по-своему, так как смысл жизни, потребности и ценности различных людей не совпадают. Для большинства основным механизмом реализации смысложизненных ориентаций является профессиональная деятельность. В связи с этим актуальна проблема психологической готовности человека к деятельности. В отечественной психологии она недостаточно разработана, хотя имеется определенный потенциал теоретических и практических исследований готовности к различным видам деятельности (военной, спортивной, трудовой, операторской, педагогической и т. д.). Сформированное ответственное отношение к любой общественно полезной деятельности (Д. И. Фельдштейн) обеспечивает устойчивую психологическую готовность человека к конкретной профессиональной деятельности. Вместе с тем психологическая готовность к деятельности является составной ча-

стью этнопсихокультуры данного общества, этноса и зависит от его культурно-психологических традиций.

В год 75-летия Победы нашей страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. мы видим и верим, что традиции благодарности и преклонения перед нашими дедами, отцами, всеми ветеранами войны и тыла, память о них будут вечны!

Светлая память моим отцам Дугарову Санжа и Базарову Ракша, дяде Дугарову Амоголону, погибшим Базарову Бамбалу, Жапову Базар-Гуро, дядям моего супруга Базарова Раднанимы.

В предверии 20-летия социально-психологического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова с глубоким уважением и благодарностью вспоминаем тех, кто основал в 1976 г. кафедру психологии Бурятского госпединститута им. Д. Банзарова: кандидатов психологических наук, доцентов: первого заведующего кафедрой Валерия Петровича Битуева, Галсана Батоевича Батоева, Эрдэни Карповича Хадаханэ, старшего преподавателя Лию Ошировну Константинову и всех других коллег.

Байкальский регион является одним из полиэтнических районов России, где на протяжении веков мирно сосуществуют бурятские (буддисты, шаманисты), эвенкийские и русские этнические общности (православные, семейские или староверы), проходят границы с Монголией и Китаем. Поэтому в Прибайкалье, Бурятии (г. Улан-Удэ), Забайкалье (г. Чита) и Предбайкалье (г. Иркутск) активно исследуются различные этнопсихологические проблемы. Необходимо выделить в Иркутском госуниверситете научную школу по межкультурной компетентности д-ра психол. наук, проф. А. Д. Карнышева, этнопсихологические исследования под руководством д-ра психол. наук, проф. Т. А. Тереховой, канд. психол. наук, доц. Е. Л. Трофимовой, канд. психол. наук, доц. Е. А. Ивановой и др.). В Бурятском госуниверситете проводятся этнопсихологические и кросс-культурные исследования (с данными по монгольскому и китайскому этносу) под руководством докторов психологических наук проф. Р. Д. Санжаевой по готовности и этнопсихокультуре личности, проф. Т. Л. Мироновой по самосознанию профессионала, Т. Ц. Дугаровой — по этническому самосознанию бурят.

В 2020 г. в Бурятии ожидаются юбилейные мероприятия, посвященные 400-летию со дня рождения пророка Аввакума — легендарной в истории России личности, гонимого мученика, противника

патриарха Никона. Протопоп посетил наши места в 1657 г. и по реке Селенге, современному Тарбагатайскому району, дошел до Даурии. Это все глубоко и трагично описано в романе бурятского писателя Владимира Корнакова «Дикое поле». Диким полем на Руси называли Сибирь в XVII в.

В 2001 г. самобытная духовная культура семейских Тарбагатайского района была признана ЮНЕСКО «шедевром устного и нематериального наследия человечества». На юбилее пройдет третья встреча старообрядцев мира «Путь Аввакума». Предки этих людей преодолели крестный год в 7,5 тысячи километров, думая, что найдут здесь свою погибель, а обрели любимую Родину и украсили эту землю у Байкала.

Данная монография является результатом многолетних исследований по этнопсихологии бурят и кросскультурных исследований психологов, учеников профессора Р. Д. Санжаевой (1 доктора и 18 кандидатов наук) в контексте ее научной парадигмы этнопсихологии личности и психологической готовности к деятельности. Это следующие проблемы: этническая социализация (С. Б. Дагбаева, первый доктор наук, гордость учителя), этническая и этноконфессиональная идентичность (А. Р. Монсонова), этнопсихологические аспекты развития способностей детей и студентов в педагогической деятельности (Б. А. Гунзунова, И. И. Басхаева, Б. В. Соктоева, Б. В. Ламаева), семейных отношений (С. Ю. Мохова), образа мира молодежи (Д. Р. Галсанова), этнопсихолингвистические аспекты (Е. Ю. Кабановская), межполушарной асимметрии мозга в обучении (С. С. Баяртуева) и др. Все актуальные проблемы этнопсихологии рассматривались комплексно, в контексте сотрудничества с кафедрами социальной работы, педагогики, философии и другими научными сообществами.

Монография посвящена 20-летию образования социально-психологического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, и мы, психологи двух кафедр, общей и социальной; возрастной и педагогической, благодарны коллегам кафедры теории социальной работы за наше сотрудничество и дружбу, за общую работу во благо и процветание любимого факультета! Наша совместная работа на кафедрах привела к созданию факультета! Первым деканом социально-психологического факультета стал

молодой кандидат социологических наук, доцент Андрей Юрьевич Мацкевич. Создание факультета дело хлопотное, направлений много, но со всеми проблемами молодой руководитель справился и через пять лет он стал проректором по научной работе БГУ. Конечно, это результат личностных достижений, но и коллективных — факультет помог реализовать свои организационные способности, стал плацдармом для дальнейшего карьерного роста!

Кафедра теории социальной работы во главе с заведующей, кандидатом социологических наук, доцентом Надеждой Сергеевной Антоновой: А. М. Бадонов, канд. социол. наук, доцент; Д. Д. Бадараев, канд. социол. наук, Н. Г. Лагойда, канд. филос. наук, доцент; Е. Б. Базарова, ст. преп.; И. Б. Буртонова, канд. пед. наук, доцент; З. А. Бутуева, канд. филос. наук, доцент; Л. С. Елгина, канд. филос. наук, доцент; Н. В. Патрушева, канд. социол. наук, доцент; В. В. Ихисонова, ст. преп., директор Колледжа БГУ; Н. Н. Хартаева, ст. лаборант, — была и остается в центре социальных проблем Республики Бурятия, Байкальского региона и зарубежья. Результаты исследований представлены в материалах международной научно-практической конференции, проводимой с 2012 г. ежегодно»

Обращаемся со словами благодарности и с пожеланием творческих успехов к создателю и долгое время работавшей заведующей кафедрой теории социальной работы, деканом факультета, доктору педагогических наук, профессору Татьяне Содномовне Базаровой; к ветерану кафедры ТСР, бывшему министру социальной защиты РБ, канд. социол. наук, профессору, организатору республиканского движения «По серебряному возрасту» Степану Гавриловичу Ефимову; декану СПФ, кандидату философских наук, доценту Ольге Владимировне Котомановой, ко всем заведующим кафедрами факультета и членам кафедр и нашим студентам!

Методологическая основа исследований обширна и глубока, отличается толерантностью, но именно их направленность и характер выдвигают на первый план ценностно-смысловой и культурно-деятельностный подходы, детерминацию данных и будущих исследований. На это влияют и многовековые культурно-экономические связи с Монголией и Китаем, их расширение в современных условиях актуализирует проблемы исследования молодежи как интерактив-

ной группы в межкультурном взаимодействии. Вместе с тем следует отметить, что на данном этапе исследований системы ценностно-смысловых ориентаций еще недостаточно освещена проблематика их места и роли с точки зрения кросскультурного и этнопсихокультурного подходов.

Благодарна судьбе за пять лет работы в г. Хабаровске, в Дальневосточном госуниверситете путей сообщения, куда была приглашена для открытия докторского диссертационного совета по психологии на основе работающего кандидатского под руководством доктора психологических наук, профессора К. И. Воробьевой. Это позволило мне познакомиться с незабываемыми красотами Дальнего Востока, Камчатки, Сахалина, с прекрасными людьми. Получила огромный этнопсихологический опыт и радость исследования среди коренных народов вместе со своей аспиранткой Мариной Бельды! Очень рада за совместную работу в совете с такими коллегами высочайшего уровня, как Р. И. Цветкова, Л. В. Яссман, Т. Х. Невструева, Л. В. Каширина, М. В. Сокольская, Л. В. Вязникова, Г. П. Звенигородская, Ю. М. Сердюков, Л. П. Лазарева и др. (Хабаровск), А. А. Шумейко (Комсомольск-на-Амуре), Л. Г. Дикая (ИП РАН, Москва), Ю. К. Стрелков и Е. М. Иванова (МГУ им. М. В. Ломоносова), Е. Б. Весна, А. А. Бучек (Петропавловск-Камчатский), В. П. Серкин (Магадан), Т. А. Терехова (Иркутск), М. С. Яницкий, А. В. Серый (Кемерово) и др.

Этнопсихокультурная готовность человека к деятельности является интегральным психологическим образованием, представляющим собой проявление психического состояния и устойчивой характеристики личности, результатом интериоризации традиционных и общечеловеческих ценностей. Это целостная система, имеющая многокомпонентную структуру, а также иерархию форм и видов, фаз и этапов готовности. Психологические механизмы готовности представляют также динамическую систему неоднородных, соподчиняемых базовых, генерализованных механизмов (локус контроля, механизм идентификации, механизм динамического равновесия) и частных, производных от них (в нашем исследовании это механизмы кармического детерминизма, этнопсихокультурной идентификации, «срединного пути» и др.).

Сформированность этнопсихокультурной готовности к деятельности во многом зависит от типологии психологических механизмов,

включающей в себя врожденные (различные предрасположенности, диспозиции) и приобретенные (сложившиеся в индивидуальной и общественной практике), психофизиологические и психические, специфические и универсальные, наиболее и менее обобщенные механизмы. Модель поэтапного формирования этнопсихокультурной готовности к деятельности предполагает введение системы конструируемых средств на ценностно-смысловом, мотивационно-диагностическом, информационно-практическом и обобщающем этапе. Процесс формирования этнопсихокультурной готовности человека к деятельности протекает успешно при соблюдении следующих условий:

— диагностических (изучение и учет состояния компонентов готовности с помощью начального, промежуточного, итогового «срезов», изучение индивидуально-типологических особенностей субъектов деятельности);

— содержательных (овладение субъектом умениями организации деятельности в соответствии с определенным набором критериев: уровень и характер мотивации, адекватность содержанию и структуре деятельности, ориентировочная, операциональная полнота и др.);

— процессуальных (создание системы знаний философского, психологического, культурологического плана с учетом специфики региона и ориентированной на общечеловеческие ценности).

Концепция этнопсихокультурной готовности включает уровни этнопсихокультурной компетентности и уровень практического использования представлений о психике, технологии формирования психических качеств в различных сферах культурной практики. Этнопсихокультурная готовность к деятельности имеет структуру, включающую три основных компонента:

— когнитивный — его образует комплекс представлений, знаний о природе психики, ее возможностях, резервах функционирования и т. д.;

— эмоционально-аффективный компонент включает способы контроля и управления психическими процессами, состояниями, приемами восстановления уровня функционирования психических процессов;

— конативно-поведенческий компонент образуют ценностно-смысловые детерминанты совершенствования психики, принципы и методы коррекции и развития психических качеств, гармонизации психики.

На основе результатов теоретического и экспериментального исследования показано, что этнопсихологическая готовность формируется в полимотивированной деятельности, в контексте диалога культур (М. М. Бахтин, Б. Барадин). Новизна заключается в том, что психологическая готовность рассматривается с позиций культурно-деятельностного подхода. Впервые традиционная деятельность исследовалась в комплексе общепсихологических, философских, культурологических концепций. На основе нашего исследования разработаны и предложены рекомендации по оптимизации этнопсихокультурной готовности студентов государственных и буддийских вузов, совершенствованию их учебного процесса в контексте интеграции светских и духовных знаний. Всестороннее рассмотрение проблемы психологической готовности к деятельности позволяет расширить проблему и выделить отдельно понятие «готовность» как метакатегорию, самостоятельное научное явление.

Концепция этнопсихокультурной готовности включает уровни этнопсихокультурной компетентности и практического использования представлений о психике, технологии формирования психических качеств в различных сферах культурной практики. Как объяснить уникальный феномен природы, Хамбо-ламы Итигэлова?

В сентябре 2002 г. в СМИ было напечатано сенсационное сообщение: в Бурятии в Иволгинском районе в местности Хухэ-Зурхан был раскопан деревянный саркофаг, в котором находилось тело Даши-Доржо Итигэлова, пандито хамбо-ламы XII (главы буддистов). Даши-Доржо Итигэлов родился в 1852 г. и прожил 75 лет. Захоронение прошло 15 июня 1927 г. В день смерти в состоянии медитации в присутствии своих учеников лама ушел в нирвану, дав последнее наставление: «Вы навестите и посмотрите мое тело через 75 лет»... Когда в указанный срок его раскопали, лама Итигэлов сидел в той же «позе лотоса». Из «Акта наружного осмотра...»: были обнаружены все признаки живого тела. Экспертиза Академии наук несколько раз свидетельствовала, что структура белка тела Итигэлова соответствует структуре белка живого человека. Феномен объяснению не поддается. Проводятся международные конференции, тысячи людей со всего света приезжают в Иволгинский дацан увидеть его.

В буддийской практике добровольный уход в нирвану выдающихся учителей-лам встречался довольно часто и с позиций этнопсихокультуры, современной постнеклассической психологии это высочайший уровень саморегуляции личности, ведь все популярные сегодня медитативные техники родились на Востоке.

26 июня 2020 г. исполняется 105 лет, как ушел в нирвану выдающийся лама конца XIX — начала XX в. Эрдэни Хайбзун Галшиев, современник упомянутого пандидо хамбо ламы Даши Доржи Итигэлова. Э. Х. Галшиев молодым уехал в Тибет, в университет Гоман при монастыре Брэйбун, где после 16 лет обучения получил одну из высших буддийских ученых степеней — дооромбо 42 года на родину, в Кижингинский дацан. Буддийский ученый, поэт-философ, он был очень скромен, прост в общении, был почитаем и любим всеми. Он создал шедевр бурятской литературы и культуры — книгу «Бэлигун толи» (Зерцало мудрости). Завершив великий труд, прослужив 18 лет в родном дацане, 26 июня 1915 г. в возрасте 60 лет он ушел в нирвану.

«Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам» — великий труд, свод жизненных правил из 1000 четверостиший на все случаи жизни, которые объединены в 8 глав. Первая глава включает 137 четверостиший и излагает, как беречь тело и имущество; вторая — как совершенствовать разум; третья — как действовать бдительно; четвертая — как вести себя по отношению к врагам и близким; пятая — как в действиях предусматривать далекое будущее; шестая — как без хитрости и вреда другим действовать прямо; седьмая — как в действиях воздерживаться от прегрешений; восьмая — о творении добродетели.

Огромная благодарность доктору филологических наук, профессору Цырен-Анчику Дугарнимаеву за перевод с монгольского и издание этого труда.

Как заповеди Конфуция, Степной закон Чингисхана подтвердили свою значимость в развитии своих народов, так и «Зерцало мудрости» должно стать для нас настольной книгой в каждой семье. Он отличается тонким авторским знанием человеческой психологии и помогает нам, нашим детям быть готовыми к настоящей и будущей жизни.

С точки зрения житейской психологии, мы понимаем, что «быть готовым» к чему-либо — значит иметь все необходимое для этого,

пребывать в таком состоянии, когда необходимое действие эффективно выполняется или может быть выполнено в любой момент при необходимости. Многие старшие поколения выросли под пионерские девизы: «Будь готов!» — «Всегда готов!», в настоящее время внедряются снова нормы ГТО (Готов к труду и обороне). Перед образовательной системой страны встают задачи воспитания человека, успешно прошедшего все возрастные этапы развития, культурный возраст (Л. С. Выготский), готового счастливо и плодотворно жить в третьем тысячелетии, творить, самореализовываться, самосовершенствоваться.

Этим задачам была посвящена жизнь двух замечательных деятелей образования и науки Республики Бурятия и России — Намсараева Сергея Дашинимаевича и Гуружапова Виктора Александровича. Никто не ожидал, что так неожиданно, в одно время они уйдут. С. Д. Намсараев 20 лет проработал министром образования Республики Бурятия. Огромный опыт руководителя образовательной системы, одного из авторов концепции национально-регионального компонента образования в системе инноваций в труднейшие 1990-е годы конца прошлого века и другие идеи необходимо обобщить и представить во всей полноте. Каждая школа в республике тогда боролась за статус «Федеральная экспериментальная площадка», у каждого учителя появилась возможность представить свою авторскую программу. Как он отстаивал малокомплектные школы! И как они нужны сейчас. По его инициативе в Монголии были открыты русско-монгольские школы, и сейчас многие школы Бурятии имеют школы-побратимы в Монголии. Очень много помогал нам, психологам. Когда в 1992 г. в стране была создана система школьных практических психологов, он говорил: «Благодарите Асмолова». Александр Григорьевич Асмолов — выдающийся психолог современности, заведующий кафедрой психологии личности МГУ им. М. В. Ломоносова, основатель психологической службы в образовании России

Первые курсы в регионе были открыты в Бурятском государственном университете, на региональном ФППК руководителей школ Бурятии, Якутии, Тувы, Иркутской и Читинской областей, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских округов, где я работала заведующей кафедрой научных основ управления школой, что послужило осно-

вой для открытия позже специальности «психология», двух кафедр, факультета. Руководителем курсов стал доктор психологических наук Александр Дмитриевич Карнышев. Первые школьные психологи региона — наши выпускники.

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, один из известных психологов не только России, но и в системе международной ассоциации «Развивающее обучение» Виктор Александрович Гуружапов стоял у истоков инноваций в образовании. Научным руководителем и его учителем был выдающийся психолог В. В. Давыдов, директор НИИ ОПП АПН СССР. В. А. Гуружапов много лет работал экспертом в Третьяковской галерее. Но детищем его, делом жизни является создание Концепции культурно-исторического типа школы совместно с академиком РАО В. В. Рубцовым, ректором МГППУ А. А. Марголисом. Школа — это тонкий социальный организм, связанный с социальной практикой. Каждая школа уникальна. Культурно-историческая школа, отвечающая современным социокультурным тенденциям, связана прежде всего с идеей воспроизводства в снятом виде самих форм исторических типов сознания и деятельности, ориентацией на овладение учеником не одним типом сознания и деятельности (даже столь продвинутым, как научное или теоретическое мышление), а на последовательное освоение исторически сложившихся обобщенных форм и способов деятельности. Правомерно говорить о четырех основных исторических типах сознания (мифологическое, цеховое, научное, продуктивное) и деятельности (мифотворчество, ремесло, исследование, проектирование) и соответствующих им типах исторических общностей (родовая, цеховая корпорация, научное сообщество, сообщество разнопрофильных специалистов), которые могут иметь место в школе и в современных типах деятельности:

- деятельность в соответствии с социальной ролью (функционирование);
- деятельность по культурно-заданному образцу, воспроизводство образцов;
- исследование (создание моделей, теорий, экспериментирование);
- проектирование (создание образцов, новых деятельностей).

Культурно-исторический тип школы может быть построен как система школ разных ступеней (ориентированных на учащихся разного возраста), в каждой из которых создаются условия, необходимым образом моделирующие формы, присущие конкретному историческому типу сознания и деятельности. Эта система состоит из школ четырех ступеней. На каждой ступени ученики осваивают по преимуществу одну из форм сознания и соответствующий тип деятельности, которые являются аналогами в свое время возникших и сохранивших сейчас актуальность исторических типов сознания и деятельности. Последовательный переход из одной школы в другую определяет особенности образования детей: на 1-й ступени — в «школе мифотворчества» (дети 5–6 лет), на 2-й ступени — «школе-мастерской» (дети 7–9 лет), на 3-й ступени — в «школе-лаборатории» (ученики 10–14 лет) и, наконец, на 4-й ступени — в «проектной школе» (ученики 15–17 лет).

Данный проект школы прошел успешную экспериментальную апробацию в стране и принят во многих регионах. В. А. Гуружапов успешно реализовал проект культурно-исторического типа школы на базе СОШ № 32 г. Улан-Удэ и школы-сада «Медвежонок», Селенгинской гимназии Кабанского района, которые сегодня являются центрами инновационного движения в Республике Бурятия. Данный проект актуален для школ Бурятии, известных мастерами художественного промысла по металлу, серебру, кости, дереву, которые могут передавать свое мастерство и готовить новое поколение носителей этнической культуры.

В. Г. Леонтьев отмечал роль установки как состояния готовности к определенному поведению, давая ей статус важнейшего психологического фактора. В своей динамической модели мотива он вводит установку в качестве его ядерного свойства. Но установка, пишет В. Г. Леонтьев, не является однотипным психическим явлением. Она, по-видимому, различна по своему происхождению и видам. Есть глобальные личностные установочные образования, которые действительно определяют развертывание многих форм активности, но есть ситуативные, которые возникают под действием результатов деятельности или каких-то воздействий ситуативных факторов. В этом случае можно говорить, что установка порождается самим поведением, воспитанием, деятельностью и становится важным условием для новых актов поведения и деятельности личности».

Роль установки велика. Почему человек, не умеющий плавать, бросается в реку спасать тонущего человека, ребенка? А подвиг матроса Алдара Цыденжапова на эсминце «Быстрый» во Владивостоке 24 сентября 2010 г.? Возник пожар в машинном отделении, и Алдар ценой своей жизни закрыл вентиль, спас не только 380 своих сослуживцев, и не город, а может, и более, ведь на рейде было множество разных кораблей. Через месяц он должен был демобилизоваться домой, в родную Агу в Забайкальском крае. Алдар Цыденжапов стал Героем России, он был готовым к подвигу. Он — гордость бурятского народа, России! И сейчас рассекает волны корвет «Алдар Цыденжапов».

Д. Н. Узнадзе подчеркивал, что готовность — такой существенный признак установки, который обнаруживается во всех случаях поведенческой активности субъекта. Готовность не возникает помимо установок, если их понимать как налаживание, настройку субъекта на предстоящую деятельность. Но готовность включает не только осознанные и неосознанные установки на определенные формы реагирования, но и осознание задачи, модели вероятного поведения, определение оптимальных способов деятельности, оценку своих возможностей в их соотношении с предстоящими трудностями и необходимостью достижения определенного положительного результата. Только в некоторых случаях состояния установки и готовности совпадают, и готовность — более сложное образование, характеризующее зрелую, высоконравственную личность, какими были Алдар и многие герои нашей Родины.

Санжаева Римма Дугаровна

*доктор психологических наук, профессор
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, e-mail: rimmasan24@mail.ru*

Sanzhaeva Rimma Dugarovna

*PhD in Psychological Science,
Professor of General and social psychology
Buryat State University, Ulan-Ude*

ГЛАВА 1
ЭТНОПСИХОКУЛЬТУРА БУРЯТ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

CHAPTER 1
ETHNOPSYCHOCULTURE DRILLED
IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL PSYCHOLOGY

© *Санжаева Римма Дугаровна*
доктор психологических наук, профессор
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, e-mail: rimmasan24@mail.ru

Sanzhaeva Rimma Dugarovna
PhD in Psychological Science,
Professor of General and social psychology
Buryat State University, Ulan-Ude

Преемственность в развитии культуры этноса, человечества, основным механизмом которой является традиция, имеет огромное значение. Великий художник, философ, гуманист XX в. Н. К. Рерих, провозгласивший лозунг: «Мир через культуру», — видел принципиальное различие между понятиями «культура» и «цивилизация». Цивилизация обозначает внешние формы человеческого общества, поэтому она преходяща, она может погибнуть, как погибли цивилизации Египта, Греции, Рима. Культура имеет в виду прежде всего внутренние, духовные ценности человеческой жизни и поэтому она бессмертна, как бессмертны культуры Египта, Греции, Рима.

Слово «культура» Н. К. Рерих делил на два корня: культ (почитание) и ур (свет) в переводе с тибетского, монгольского и бурятского языков. В традиционных культурах Востока «свет» всегда ассоциировался со «знанием», «учением», «образованием». Традиционные культуры (в том числе и бурятская) характеризуются культом и почитанием предков, следованием установленным обычаям и законам, которые передаются из поколения в поколение в виде знаний, которые, по существу, носят сократельный характер.

1. Традиция и этнопсихокультура

Традиция — это совокупность знаний «нечеловеческого» происхождения и характера, передаваемых из уст в уста в течение тысячелетий и составляющих духовную основу как любого здорового общества, так и отдельного человека. Традиционное знание сокровенное, в силу этого оно выражается не прямо, открыто, а с помощью символов, а символ всегда многозначен. Поняв специфическую целостность восточной культуры, можно постичь свойственный ей образ мышления, который неразрывно связан с буддийской «моделью мира», с системой и концепцией буддийского образования. Идеи Будды об обучении, об отношениях между учителем и учеником, наглядные пособия, методы обучения и т. д. удивительно современны и интересны как практика повышения и развития обучения.

Образовательные идеалы и технологии буддизма имеют широкие возможности для использования в современной системе образования, так как ее основной принцип — личностно-ориентированность обучения адекватен цели буддийской системы образования — процессу интеллектуального развития, выявлению индивидуальных способностей ученика и планированию для каждого из них индивидуального курса обучения. Знание как абсолютный результат обучения не является самоцелью, главное — направить ученика на путь интеллектуального развития личности. Процесс обучения должен быть персонифицированным, личностным. Знание же, лишенное этики, моральных принципов, подобно красивому цветку без аромата. Учение ценно тогда, когда оно подводит человека к духовному и моральному совершенствованию. Несомненно, в наше время двадцатипятивековой опыт буддийской традиции должен изучаться более шире и глубже, хотя конец XX и начало XXI века показывают, что психология и другие науки деонтологического цикла ярко характеризуются личностно-центрированной направленностью.

Основные положения буддийского образования являются основой того, что бурятский народ всегда ценил образование, знания, был мотивирован на познание, обучение своих детей. Традиция каждой семьи, рода отдавать сына в монастырь подтверждает это, как и то, что божественные книги покупались достаточно дорого,

ценой живности. Эта традиция сохранилась до наших дней. Сегодня образовательный уровень населения Республики Бурятия и двух национальных округов высокий в России. По данным еще 1973 г., в Бурятии на 100 тысяч населения приходилось 430 научных работников, республика занимала 9-е место из 150 народов и народностей СССР. Среди народов, проживающих в РСФСР, бурят-монголы были на третьем месте (Балдоржиев В. Океан Жамсо // Бурятия. № 82. 2019. 30 окт.).

В восточных религиозных традициях было много людей, которых народ выделял и называл Учителем. Сам Будда служил символом Учителя для людей. Будда безгранично верил в силу слова, чтобы убеждать людей изменить их образ жизни, принять новые ценности и добиваться новых целей. Будда придерживался только одного способа чуда: «чуда обучения», в которое прежде всего включалось искусство размышления.

Будда не одобрял знание ради знания. Оно приобретало ценность только в силу своего приложения. Определенное знание, используемое в необходимый момент жизни, оценивалось гораздо выше обширных познаний без практики. Он побуждал в учениках способность размышлять и спорить, часто являясь при этом единственным судьей. Добившихся успехов учеников он готовил к роли учителя. Спустя три месяца после кончины Будды ученики могли начать основательное изложение и систематическую классификацию всего учения.

Монастыри становились хранилищами бесценных манускриптов и документов. Каждый буддийский храм имел собственную библиотеку, а более древние институты (монастыри) являлись настоящими сокровищницами литературы. Образовательная деятельность охватывала все известные науки. Музыка также являлась неотъемлемой частью церемоний.

Отношения *учитель — ученик* — это элемент буддийской системы образования, достойный аналитического изучения. Буддийская концепция об учителе чрезвычайно широка; любой, от которого некто узнает что-либо, является для него учителем. Родители — самые первые учителя. Концепция Будды об обязанностях учителей и учеников изложена в «Сигаловада Сутте». Учитель должен:

- 1) проявлять любовь к ученику;
- 2) учить его достойному и хорошему поведению;
- 3) старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних;
- 4) хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам;
- 5) оберегать его от опасности.

Как это соответствует современным гуманистическим, психологически выверенным требованиям к учителю! Будда не проявлял пристрастного отношения к авторитету учителя. Пристрастность могла бы идти вразрез с его основными принципами бесспорного права каждого человека иметь собственное мнение, свое отношение. Подход Будды к учению как к свободному нестереотипному занятию интеллектуальной деятельностью был красноречиво выражен в «Калама Сутре», где он сказал: «Не верь в то, что услышал. Не верь в традиции только потому, что они завещаны многим поколениям. Не верь во что-то только потому, что оно распространяется и говорится многими. Не верь только потому, что это соотносится с твоим Священным Писанием. Не верь домыслам. Не принимай что-либо по явному выходу. Не принимай ничего, не учитывая причин. Не верь во что-либо только потому, что это соотносится с твоим пристрастием. Не соглашайся только потому, что это кажется приемлемым. Не полагайся на авторитет учителей и старших, зная, что они уважаемы. Но когда осознаешь, наблюдая и анализируя, что эти понятия этичны, безупречны, мудры, выполнимы, способствуют благополучию и счастью каждого, тогда восприми их и живи согласно им».

При рассмотрении проблемы соотношения культуры и деятельности мы понимаем, что корни культуры (в том числе и бурятской) уходят в человеческую традиционную деятельность.

Традиция — это определенный тип отношений между последовательными стадиями развивающегося объекта, в том числе и культуры, когда «старое» переходит в новое и продуктивно в нем «работает». Люди каждого последующего поколения включаются в жизнь, в мир предметов и отношений, мир знаков и символов, созданных предшествующими поколениями. Так образуется традиция как социальная по своему механизму форма передачи человеческого опыта. Если эта продуктивная традиция способна преобразоваться в контексте

общественно нового, способствуя его развитию, она приобретает устойчивость. Традиция, которая мешает развитию общества, постепенно изживает себя. Следование определенным канонам характерно для традиционных культур с их культом и почитанием предков, следованием изначально установленным обычаям и законам, которые передаются из поколения в поколение и носят, по существу, сакральный характер. Сюда можно отнести различные культуры Востока, в том числе и этническую культуру бурят.

В теории этносов традиционно выделяют шесть его основных характеристик или параметров:

1. Территория (ландшафтные, климатические, погодные условия), где можно выделить «горные» и «степные» этносы, имеющие свои неповторимые черты, темперамент, ментальность и речь. В этнопсихологии говорят, что характер человека формирует даже линия горизонта (резкая или плавная). Не надо обращаться к классическому кавказскому примеру. На территории этнической Бурятии к горным представителям можно отнести жителей Окинского, Закаменского и Тункинского районов, местной «Швейцарии», отличающихся быстрой речью, активностью. Жители степного пространства расположены к неторопливости, спокойствию, уравновешенности (Хори, Еравна, Ага).

2. В истории человечества известны пять хозяйственно-культурных типов: охота, рыболовство и собирательство; раннее земледелие; пашенное земледелие; скотоводство, присущее всем монгольским народам; оленеводство (таежное, степное, конное).

3. Язык — важнейший параметр, формирующий уникальность этноса не только как средство общения, язык жестов и мимики, но и как язык культуры. Под нашим научным руководством была успешно защищена кандидатская диссертация преподавателя Забайкальского ГУ Е. Ю. Кабановской «Психолингвистические механизмы выражения эмоций в картине мира личности» на сравнительном анализе представителей русской и бурятской культур (Агинский округ). Полученные ею интереснейшие данные позволили сделать вывод: «Внутренним стержнем, основой этничности, определяющей гибкость культурных традиций и подвижность этнических групп, является «центральная зона культуры». Несмотря на возможные изменения картины мира этноса в различные периоды его жизни,

именно «центральная зона культуры» будет оставаться неизменной и именно вокруг нее будут сформированы новые картины мира. Культура, свойственная определенной этнической группе, овнешняется посредством культурного кода с переменной субстанцией плана выражения. Одним из способов выражения данного культурного кода выступает вербальный. Именно в языке отображается образ мира того или иного этноса, несущий не только совокупность представлений данного этноса к действительности, но и их особый психологический уклад, а соответственно и их ментальность. При помощи языковых средств, участвующих в выражении образа мира, мы можем судить о языковой картине мира данного лингвокультурного общества, о его способе языкового членения мира. Именно благодаря данной связи, изучая какой-либо язык, мы можем проникнуть в мир, в сознание и условия жизни того народа, который на нем говорит и говорил. Язык являет собой важнейшее для человека средство получения и передачи концептуальной информации, но до тех пор, пока существует деление на различные этнические группы, язык будет всегда нести определенный культурный багаж и отражать специфику менталитета этноса».

4. Культура, созданная этносом, является следующим его параметром с материальными и духовными ценностями и достижениями народа. Этническая культура вырабатывает в отдельном человеке, индивиде, личности, во всем этническом сообществе то чувство этнической принадлежности, осознание себя как субъекта данной конкретной культуры, которое является показателем этнического самосознания. Этническая идентификация базируется и формируется на принятии, интериоризации всех названных факторов формирования конкретного этноса.

5. Мы особо выделяем важную составляющую, фактор этнопсихокультуры, включающей особенности психологического склада, генетически заложенные в индивиде и закрепленные многими поколениями, что представлено в разных культурах архетипом Древа жизни, рода, семьи.

Именно эти составляющие любой этнической общности формируют неповторимый, уникальный, свойственный только конкретному этносу стереотип мышления, мировосприятия, его менталитет.

Под культурой в широком смысле слова ученые выделяют специфическую, генетически наследуемую субъектами историю в той или иной цивилизации, совокупность взглядов, идеалов, средств, способов, форм, конкретных образцов, мотивов и ориентиров взаимодействия людей со средой их обитания и жизнедеятельности.

Известные в науке понятия западной и восточной культур и цивилизаций подчеркивают актуальность для россиян решения вопроса о соотношении этих понятий. Запад и Восток рассматриваются не как географические, а как геосоциокультурные и цивилизационные понятия. Цивилизация западного типа по свойственным ей характерным чертам и признакам является техногенной. Выделяя восточный тип культуры и цивилизации, известный в научной литературе под синтетическим названием «традиционное общество», известные философы и социологи отмечают, что исторически, геополитически, мировоззренчески и духовно-нравственно восточная цивилизация детерминирована общей спецификой, отличной от западной цивилизации, культурами Древней Индии и Китая, а также национальными особенностями образования буддийского мира. К традиционным чертам восточной культуры относятся аккумулирующий опыт предков как высшая ценность, взгляды и концепции, базирующиеся на канонизированных стилях мышления, синкретический подход к ментальному без разделения мира на мир природы и социума, естественный и сверхъестественный, материальный и нематериальный, т. е. признание «одного в другом» или «всего во всем». В кросскультурных исследованиях различают типы культур, которые, как и личности, ориентированы преимущественно или на экстравертную модель жизнедеятельности (активность направлена на внешнюю, предметную деятельность, общение и активное познание окружающего), или на интравертную, ориентированную на самопознание, на анализ явлений внутреннего мира как высшей ценности. Экстравертный тип культур (условно — западная культура) активнее, подвижнее и динамичнее, но обладает недостаточным иммунитетом к вирусу потребительства, более прагматичен в своих творческих устремлениях. Культуры же интравертного типа (условно — восточная культура) более насыщены духовно, но зачастую их жизнедеятельная активность ослаблена. Обобщая многие

исследования (особенно классификацию культур П. Сорокина) и на основе наших результатов можно выделить нормы различных типов культур, формирующих определенный тип личности в зависимости от того, как стимулирует данный тип культуры проявление активности личности.

1. Традиционный тип культуры. Нормой будет являться положение «будь, как все». Активность возможна только в рамках этноконфессиональных традиций, требований, запретов. Тип личности здесь конформистский, общинский. Для этого типа культуры и личности характерно господство канонов, норм, предписаний, что типично для восточной культуры.

2. Нетрадиционный тип культуры формирует «индивидуалистический» тип личности с установкой на развитие собственного «я» и на свою совесть, дает большой простор для активности личности. Может возникнуть опасность манипулирования другим человеком для достижения своей цели. Доминируют не нормы, а знания и техника, которые часто находятся в отрыве от моральных норм и ценностных ориентаций.

3. Толерантный тип культуры формирует тип личности с установкой, доминантой, по А. А. Ухтомскому, на другого человека в контексте концепций диалога культур М. Бахтина, Б. Барадина. Нормой для такого типа личности будут выступать не узкие нормы своего «мы» или «я», а общечеловеческие ценности. Общаясь с представителем другой культуры, такой человек будет сравнивать различные культуры между собой, вынося толерантную оценку.

Очевидны характеристики первого типа культуры как восточного и второго как западного. Третий тип культуры — толерантный — идеациональный, по П. Сорокину, связан с будущим человечества.

Есть еще одна парадигма, характеризующая культуры западного и восточного типов — межполушарная асимметрия мозга (МПА). Считается, что западная культура левополушарная, практическая, логичная (мужская), восточная культура правополушарная, творческая, образная (женская). По этой проблеме проведено огромное количество исследований. В середине прошлого века американский нейрохирург Роджер Сперри получил Нобелевскую премию за исследование МПА.

В диссертационной работе С. С. Баяртуевой «Особенности мотивационно-потребностной сферы у право- и левополушарных подростков с ограниченными возможностями здоровья и ее развитие в условиях надомного обучения» (2012), выполненной под нашим руководством в школе № 60 (школа социальной адаптации детей-инвалидов г. Улан-Удэ), были определены две группы детей с доминирующими левым и правым полушариями, обучающихся на дому (ЭГ) и 1-я группа класса адаптации в школе (КГ).

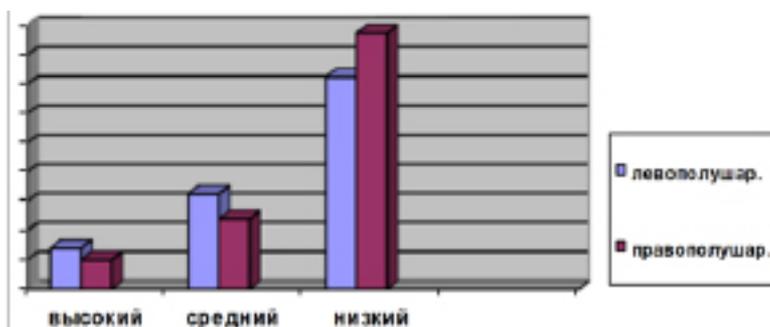

Рис. 1. Результаты исследования мотивации достижения по тесту Т. Элерса

Эффективным механизмом обучения, развития мотивационной сферы детей-инвалидов является учет МПА (межполушарной асимметрии мозга).

Анализ результатов мотивации достижения детей (рис. 1) показал, что у детей с доминирующим левым полушарием преобладают высокий и средний уровни мотивации достижения, в то время как у правополушарных детей более выраженным оказался низкий уровень мотивации достижения, что показывает: левополушарные более целеустремленные, ответственные, с обостренным чувством долга. Высокий уровень мотивации достижения наблюдается у детей, обучающихся на дому, с доминирующим левым полушарием — 12%, с доминирующим правым полушарием — 8%, что подтверждает особенности личностного развития детей-инвалидов. В то же время средний уровень мотивации достижения у детей с доминирующим левым полушарием в классах адаптации значительно выше и со-

ставляет 52%, низкий уровень мотивации достижения выражен слабее. Анализ диагностики мотивации одобрения лево- и правополушарных детей (рис. 3) показывает, что левополушарные дети, которые предпочитают действовать по заранее составленным схемам, с трудом перестраивают свои отношения с людьми, больше нуждаются в одобрении окружающих людей, и стремление заслужить одобрение со стороны для них важнее, чем у правополушарных. Последние отличаются большей мотивацией к нестандартному поведению, решению жизненных и учебных задач, творческим подходом ко всему.

Все типы мотивации детей-инвалидов определяют особенности направленности как ведущей психологической подструктуры личности. Одним из основных конструкторов этого является аккультурация личности в условиях двойного образовательного континуума, двойного языкового пространства, в котором проходит общение людей, представляющих разные культуры, что характерно для бурятской культуры.

Данная проблема двойного языкового пространства особенно актуальна в современных условиях взаимодействия, диалога культур, концепции евразийства, взаимодействия, взаимопроникновения, взаимопонимания великих культур Востока и Запада, где основным механизмом реализации данного проекта является язык как важнейшая составная часть любой культуры. Картина мира и культуры каждой этнической группы обусловлена, согласно гипотезе Сепира-Уорфа, также структурой соответствующего языка.

Проблема языковой парадигмы особенно актуальна для бурятского этноса, где большое количество молодых людей уже не знает своего родного языка. Тенденция эта может углубиться, если обратиться к данным А. Д. Карнышева, где на вопрос: «В какой школе, на ваш взгляд, ваши дети получили бы более полное и современное образование?» — 66,8% бурят-родителей предпочли русскоязычную школу с обучением бурятского языка и лишь 18,8% — бурятскую школу с изучением русского языка. Наши данные подтверждают ситуацию (табл.).

Таблица

*Ответы респондентов на вопрос:
«Что Вы включаете в понятие “культура народа”»*

		Буряты		Русские	
		Кол-во	в %	кол-во	в %
1	Особенности взаимоотношений между людьми	236	36,0	165	55,9
2	Обычаи и традиции	541	82,6	196	66,4
3	Национальный характер	122	18,6	53	17,9
4	Национальное искусство	285	43,5	85	28,8
5	Религия	245	37,4	60	20,3
6	История народа	268	40,9	124	42,0
7	Язык	259	39,5	97	32,8
8	Другое	2	0,3	5	1,7
9	Затрудняюсь ответить	2	0,3	4	1,4
10	Итого	655	100	295	100

Опрос проводился в Агинском Бурятском автономном округе. Для представителей русской национальности в силу их экстравертированности особенно значимо общение, особенности взаимоотношений между людьми (например, открытость русских). То, что буряты оценивают данный параметр низко, является показателем интравертированности, что выражается в сдержанности. Представители двух национальностей на первое место поставили «обычаи и традиции» как определяющий фактор культуры. Обряды (совокупность символических стереотипных коллективных действий), обычаи (неписанные правила поведения) и традиции (элементы и системы социального и культурного наследия) как образцы поведения определяют смысловое содержание культуры. Пренебрежительное отношение к обрядам, обычаям и традициям в теории и практике ведут к нарушению преемственности в развитии культуры, к утрате ценностных, цивилизационных достижений в истории человечества.

Язык как компонент культуры в ранговом ряду стоит на четвертом месте и у бурят, и у русских. Одинаковые ранги у составных «история народа» (третье место) и «национальный характер» (последнее, седьмое, место). Интересна дивергентность рангов между «национальным

искусством» (второе у бурят и пятое у русских) и «особенностями взаимоотношений между людьми» (соответственно второе и седьмое). В первом случае различие можно объяснить, во-первых, более естественной средой обитания коренного (бурятского) народа в полном контексте культурного проживания, что, во-вторых, генетически предопределило способности жителей данного региона к различным видам народного творчества, особенно певческого.

Антитеза «традиционное — антитрадиционное» была введена французским философом, эзотериком Рене Геноном. Всю жизнь он посвятил разработке понятия «традиция», опираясь на сокровищницу традиционных знаний, общую для всего человечества. Традиция для него — совокупность знаний «нечеловеческого» происхождения и характера, передаваемых из уст в уста в течение тысячелетий и составляющих духовную основу как любого здорового общества, так и отдельного человеческого существа.

Традиционное знание сокровенно, в силу этого оно выражается не прямо, открыто, а с помощью символов, а символ всегда многозначен. Лишь поняв специфическую целостность, системность восточной культуры, можно постичь свойственный ей образ мышления, который неразрывно связан с буддийской «моделью мира». Особенностью буддийского стиля мышления является то, что здесь отсутствует обычное деление на субъект и объект... нет возможности разделить мир внутренний (психический) и мир внешний (материальный).

Традиционная народная культура бурят хранит в глубинных слоях память о своих первоисточках. На заре человеческой истории закладывались основы того, что впоследствии получило название «идеология», а тогда представляло собой синтез мифологического мышления с зачатками рациональных знаний о мире. К традиционным относятся обычно культуры так называемых «примитивных народов». В культурологии огромный пласт работ и самые известные имена ученых связаны с исследованием культуры первобытного общества, мышления первобытного человека. И без обращения к этим фундаментальным работам, к глубинам истоков традиционной культуры невозможно до конца понять культуру своего народа.

Важное значение в данном контексте приобретает понятие «коллективное бессознательное» К. Г. Юнга, исследователя, глубоко

знавшего и чувствовавшего восточное мировосприятие, и об архетипах, находящих свое внешнее выражение в фольклоре и религии, особенно в ритуальной части религии. Учение об архетипах имеет существенное значение для представлений о психологии народов. К. Леви-Стросс является ярчайшим представителем такого направления в культурологии, как структурализм. Мы обращаемся к идеям Леви-Стросса, когда говорим о бинарных оппозициях, например, в понимании философии, культуры юрты (жилища бурят-монголов) — одной из основных составных в философии бурят. Круглое отверстие для света наверху «тооно» не только выполняло утилитарную функцию дымового отверстия, а больше открывало звездное небо для наших предков, которые знали в отличие от нас созвездия, под какой звездой они родились, и эта звезда действительно была для них путеводной; жердь, которая подпирает «тооно» — это не только опорный шест, но и символ магической связи поколений и времен. Старики рассказывают, когда в семье рождался ребенок, на шесте делался надрез; когда женщина рожала, нередко она держалась руками за этот шест; когда умершего везли к месту погребения, с ним вместе везли и шест. Он связывал человека с землей и Вечным Синим Небом, передавал ему энергию Космоса. Философия юрты поможет усвоить традиционное мышление наших предков-кочевников, которое строилось на бинарных оппозициях, было глубоко дуалистичным: юг–север (дверь юрты всегда выходит на юг, а на противоположной, северной, стороне алтарь с изображением богов и туда сажают важных гостей); запад–восток, правый–левый, мужской–женский (если сидеть лицом к югу, спиной к северу, то правая, западная, сторона в юрте — это мужская, а левая, восточная, — женская). На мужской половине юрты находятся кровать главы семьи, охотничье снаряжение, конское седло и прочие принадлежности традиционного скотоводческого хозяйства — мужского занятия; на левой стороне — постель старшей незамужней женщины в семье (сестры или дочери хозяина), а у входа — полки с посудой, шкафчик с продовольствием «үхэг» и другие предметы традиционного женского труда. Тысячелетиями живут в традициях народа такие оппозиции, двоичные коды, дуалистические фрагменты, проявляя себя в самых будничных и неприметных внешне ситуациях,

например, размещение вещей в юрте, что было для бурят основным инструментом хронометрии по солнечному лучу.

С юртой связано важное понятие для бурят «тоонто» — место рождения человека. Сложный обряд зарытия постола подробно описан в книге известного учителя, краеведа Лодона Линховойна «Лодон багшын дэбтэрһээ», отца Народного артиста СССР Лхасарана Линховойна.

Исторический процесс — это процесс развития культуры. Культура есть совокупность всего сотворенного или признанного данным обществом на той или иной стадии его развития. В ходе этого развития общество создает различные культурные системы: познавательные, религиозные, этические, эстетические, правовые и т. д. Главное их свойство — тенденция их объединения в систему высших рангов — в культурные сверхсистемы.

Ценность — основа и фундамент всякой культуры. В соответствии с характером доминирующей ценности П. А. Сорокин делит все культурные сверхсистемы на три типа:

1) идеациональный — базируется на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности (культура брахманской Индии, буддийская и лаосская культуры). В этих культурах господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления поддерживали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное или безличное отношение к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям» [56, с. 108];

2) идеалистический — промежуточный тип, так как доминирующая ценность этой культуры ориентирована как на небо, так и на землю (западноевропейская культура XIII–XIX вв., древнегреческая культура V–IV вв. до н. э.);

3) современный тип культуры. Доминирующий принцип: объективная действительность и смысл ее чувственны. Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, реально и имеет смысл. Начало — в XVI в., апогей — середина XX в. Эта культура стремится освободиться от религии, морали и других ценностей идеациональной культуры. Ее ценности сконцентрированы вокруг повседневной жизни в реальном земном мире. Ее герои — фермеры, рабочие, домохозяйки и даже преступники. Нынешняя

«чувственная» культура, считал П. Сорокин, обречена на закат, поскольку именно она повинна в деградации человека, в предании всем ценностям относительного характера. В то же время он подчеркивал, что культура не погибнет, пока жив человек, и, что важно, подчеркивал, что уже сейчас наметились очертания новой великой идеациональной (восточной) культуры, базирующейся на ценностях альтруистической любви и этики солидарности.

Самым продуктивным и гуманным путем является концепция диалога культур, основополагающие идеи которой выражены, конечно, в философско-личностной концепции М. М. Бахтина, который рассматривает диалогизм как основной принцип развития, мировой диалектики. Он писал: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге — вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум». В отношении культуры эта мысль трансформируется так: «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но и имеющее внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет. Она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее... Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность, отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [3, с. 309].

В 20-е годы прошлого столетия, когда создавалась концепция диалога культур М. М. Бахтина, проблему взаимодействия культур разрабатывал бурятский ученый Базар Барадин (погибший в 1937 г.), ученик выдающегося буддолога Ф. И. Щербатского. Основным концептом явилась мысль о закономерности общения народов и их взаимном обогащении. Б. Барадин полагает, что «культура бурят явилась результатом синтеза, в ней можно встретить элементы различных культур; национально-монгольской, индо-тибетской и отчасти китайской и русской». По своему происхождению бурят-монголы составляют монгольскую нацию и являются восточным народом. Поэтому Б. Барадин указывает, что в развитии культуры бурят-монголов «мы найдем: монгольский язык, шаманскую мифологию, искусство,

устои и нравы монголов и всю их кочевую культуру с ее стадами, юртами и аргальным дымом. В лице индо-тибетской культуры мы видим монгольский ламаизм с его ламами, монастырями, храмами, бурханами, религиозными театрами и т. д. и отсюда вытекающие религиозно-бытовые привычки и мировоззрение. С приходом православной культуры происходит некоторое смешение направлений в культуре бурят. Проникновение элементов чужой культуры в культуру бурят-монголов имело под собой глубинную основу — формирование единой мировой культуры, которая бы дала возможность развить нравственные основы в достижении того высшего Духа, который обосновывал суть человеческого существования. Бурят-монголы предстают как наиболее самобытный народ в силу своего географического расположения и в результате евразийской направленности ее культуры. Б. Барадин подчеркивал уникальность Байкальского региона — пространства, куда пришли и обосновались три великие культуры: шаманизм, буддизм, православие. Территория Бурятии есть особый евразийский регион, место соединения восточных и западных культур, где пересекаются духовно-нравственные, торгово-экономические пути разных народов (например, в прошлом это великие Чайный путь, Шелковый путь). Соединение этих путей создаст благоприятные условия для образования новой культуры в Байкальском регионе, ибо именно этот район, по мнению ученого, обладает тем потенциалом, который обеспечит становление единой культуры. Б. Барадин особо подчеркивал, что каждая культура обладает самобытностью и несет для мировой культуры нечто естественное и необходимое. Диалог, взаимодействие культур закономерно в силу их единой направленности — совершенствование сущности человека. В восточной культуре много «путей» совершенствования человека. Каков совершенный человек, готовый к жизни, какие этапы и уровни готовности он проходит, какие факторы традиционной культуры влияют на процесс совершенствования — это предмет исследования в контексте соотношения понятий «культура» и «психология».

1.1. Когнитивный компонент этнопсихокультуры

В традиционной (восточной) культуре мы наблюдаем вышеуказанные типологии, иерархии, подсистемы культуры, но в отличие от западной культуры (мы указывали ранее, что такое деление не-

сколько условно, но оно бытует) понятия «культура», «психология» и «деятельность» нашли самое гармоничное выражение в триединстве.

Н. В. Абаев выделил фактор культуры — традицию, которую определил как культуру психической деятельности или как психическую культуру (психокультуру): «в широком и самом общем смысле культура психической деятельности — это определенная степень психического развития личности в направлении, характеризуемом общими тенденциями развития всей культуры, тот уровень психического совершенствования человека как личности и субъекта деятельности, который достигнут в процессе освоения определенных ценностей, выработанных в данной культуре, приобретения характеристик культурного человека» [1, с. 3].

Роль психической культуры в различных сферах деятельности обуславливалась тем, что она приобретала «характер очень устойчивой традиции, выработавшей достаточно стабильные организационные формы, специальные «технические» приемы и методы психического воздействия, бережно хранившиеся и передававшиеся из поколения в поколение — целый ряд различных систем психотренинга и психической саморегуляции...» [1, с. 5].

Н. В. Абаев рассматривает культуру психической деятельности в рамках культурной суперсистемы — буддийской культуры, системы конфуцианской, даосской и чань-буддийской культур. В понятийном плане нам представляется, что термин «психокультура» больше относится к «психологической культуре», чем к «психической культуре», ибо первое как наука определяет второе как предмет его содержания. В этом смысле «психокультура» — понятие более широкое, чем культура психической деятельности, поэтому мы рассматривали и ввели новое понятие «этнопсихокультура».

Этнопсихокультурный подход к проблеме готовности человека к жизни, к деятельности, или культурно-деятельностный подход, представляет следующее. Глубина психологических знаний и умений, широта их использования, несомненно, взаимосвязаны. Психологические умения предстают как технология использования знаний. В основе психологических умений лежат особые знания правил воздействия на душу, изменения душевного состояния. В житейской психологии, не имея знаний о психике, душе, человек использовал

приемы воздействия на свою психику и психику другого человека, что и составляло содержание психокультуры. Психокультура любого этноса определяется обыденными представлениями о психике. Изучая проблему психокультуры, Л. В. Куликов подчеркивает, что уровень знаний современной научной психологии не является критерием психологической компетентности. Успех внедрения психологических знаний зависит не только от наличного уровня психологической компетентности людей, которым адресованы знания, от потребности и готовности воспринять предлагаемые психологические подходы, методы, приемы, но и от состояния психокультуры как общества в целом, так и от того контингента, к которому они обращены.

Этнопсихокультуру мы понимаем как уровень развития психологической культуры народа, его компетентности, уровень практического использования представлений о психике как технологии формирования психических качеств в различных сферах культурной практики. Это результат длительного и глубокого процесса интериоризации традиционных этнокультурных ценностей. В этнопсихокультуру личности входят представления не только о собственной психике, но и о психике вообще, психических особенностях этноса, других социальных групп, окружающих людей. Этнопсихокультура должна стать предметом психокультурологии — междисциплинарной области науки, наиболее тесно связанной с этнологией и антропологией.

В качестве основных компонентов этнопсихокультуры мы выделяем: 1) когнитивный компонент: комплекс представлений о природе психики, ее возможностях, резервах функционирования и т. д.; 2) эмоционально-аффективный компонент включает способы контроля и управления психическими актами, процессами, состояниями, приемами восстановления уровня функционирования психических процессов; 3) конативно-поведенческий компонент образуют ценностные ориентации совершенствования психики, принципы и методы коррекции и развития психических качеств, гармонизации психики. В когнитивном компоненте этнопсихокультуры личности необходимо выделить осознаваемую и неосознаваемую части. Он может быть разделен также и по другому основанию: а) представления о психике вообще, о природе психики; б) представления о групповых

особенностях психики, этнических, профессиональных, свойственных референтной группе и т. д.; в) представления о собственной психической индивидуальности.

Источниками наполнения когнитивной части этнопсихокультуры являются: собственный опыт, знания, полученные из социума, научные знания. В него входят также ошибочные представления, иллюзии, мифы о психических явлениях и индивидуальных особенностях психики, предрассудки. Эмоционально-аффективный компонент этнопсихокультуры опирается на эталоны, то есть элементы, которым социальные нормы данной группы придают статус обязательных. Отклонение от них контролируется в различной степени жесткостью, табу. У этнической личности складываются субъективные эталоны психокультуры, культурные установки. В конативно-поведенческом компоненте важнейшее значение имеют ценностные ориентации на совершенствование психики, выбор своей модели. Каждая культура имеет свои традиционные ценности самосовершенствования, саморегуляции, гармонизации психики.

В буддийской культуре (индийской, китайской, японской, бурят-монгольской) деятельность, мышление и нравственность являются тремя главными характеристиками существования человека. В индийской религиозной философии понятие «действие» (деятельность, деяние) обозначается словом «карма». Тем же словом обозначается и закон причинно-следственной связи (закон кармы): ни одно деяние в универсуме не проходит бесследно. Человек рассматривается как часть данного мира, подверженного действию этого универсального закона, сопоставимого с законом всемирного тяготения. Действия понимаются широко — как любые физические, биохимические и прочие действия, а также малейшие, подсознательные процессы в глубинах человеческого «я». Бытие уже есть действие, вне его существование немислимо.

Человек в индийской культуре — психофизическая сущность, соединение природного и внеприродного, вечного и конечного, духа и тела. По закону кармы человек одновременно и творец, и творимое, субъект и объект действия — объект действия своих же прошлых деяний и субъект творения следующего состояния. С трансцендентной точки зрения его жизнесуществование во всем многообразии

деятельности (хозяйственной, познавательной, репродуктивной, игровой и пр.) — это непрекращающееся преобразование самого себя, постепенное продвижение к духовному совершенству.

Универсальный принцип жизнедеятельности должен быть «срединным»; «не вреди» — руководство к выбору варианта поведения и к деятельности, что в современной психологии определяется как механизм динамического равновесия (В. Г. Леонтьев).

В китайской культуре главной составной ее частью является конфуцианство. Центральное место в нем отводилось проблемам нравственного поведения человека, жизни государства, семьи и принципам управления. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) в своем основном трактате «Лунь-юй» все эти проблемы рассматривал с точки зрения главной задачи своего учения — определения идеального типа личности цзюнь-цзы («благородного мужа»), который должен был стать социально-психологическим эталоном. Очевидна роль психологического механизма идентификации. Н. Абаев рассматривает конфуцианство социально-психологическим учением с акцентом на социальную психологию, под которой подразумевается определенная система психического воспитания, призванная сформировать определенный тип личности с желательными (или приемлемыми) для данного социума психологическими параметрами: психические состояния (искренность, преданность, ответственность и т. д.); управление своей психической деятельностью с целью практической реализации норм нравственного и культурного поведения, зафиксированных в так называемых правилах «ли», охватывающих и контролирующих почти все сферы жизни человека, которая из-за этого приобретала ярко выраженный ритуализированный характер.

Результатом самонаблюдения являлась самооценка личности, которая при обнаружении в себе дурных помыслов и намерений должна была мобилизовать себя для их устранения. Самооценка конфуцианской личности была психологическим механизмом для формирования готовности к деятельности, направленной на совершенствование своего морально-психического состояния.

«Даосы рассматривали логическое мышление как составную часть искусственно созданного мира человека, наряду с общественным этикетом и нормами морали. Тщательное наблюдение за природой,

соединенное с сильной мистической интуицией, привело даосских мудрецов к поразительным откровениям, справедливость которых подтверждают современные научные теории», — пишет современный философ и физик-теоретик Фритьоф Капра, автор известной книги «Дао физики», в которой раскрывает глубинную взаимосвязь картин мира физиков и даосов, индуистов, буддистов, дзэн-буддистов, находит в современной физике подтверждение многим постулатам древних религиозных учений Востока.

С позиций современной психологии значение «видения» в восточной психологии имеет метафорический смысл, так как мистическое восприятие реальности не относится к миру чувственного восприятия. Когда говорится о «видении», имеется в виду состояние сознания, которое может включать зрительное восприятие, но никогда к нему не сводится, являясь нечувственным восприятием реальности. Вместе с тем приоритет «видения» как первой ступени в познании мира в восточной культуре адекватен важнейшему положению, что свойство апперцепции в современной психологии стало характеристикой предпрограммы психической готовности к деятельности личности.

1.2. Эмоционально-аффективный компонент этнопсихокультуры

Самая древняя мировая культура — буддизм (Васильева О. Ю., 2004) — разработала до мельчайших деталей подразделения чувств, побуждений умственного процесса для облегчения самосознания путем тренировки ума и размышления над каждым предметом во всех деталях. Следуя этим путем самопознания, человек в конечном результате приходит к знанию истинной действительности, т.е. видит истину, как она есть. Это есть метод, применяемый каждым мудрым учителем для развития умственных способностей ученика.

В буддийской культуре человек способен к добродетели, лишь если он ее осознал. Для достижения совершенствования и высшего сознательного существования требуются личные сознательные усилия и постоянный труд над собой, что возможно лишь при свободной воле. Для развития сил высокой степени нужны 4 условия; 1) воля; 2) применение воли; 3) умственное развитие; 4) распознавание истины и заблуждения. Результатом должно стать осознание скандх, конструирующих «Я» невежественного человека. Скандхи выражают

приверженность человека к стереотипам, обусловленным обучением и воспитанием. Психологией незнания порождены пять скандх: аморальные действия; эгоистическое, эгоцентрическое сознание; стереотипы наименований — форм; эгоистические чувства; эгоистическое восприятие.

Важным моментом буддийской психологии является признание необходимости достижения человеком особого психического состояния для восприятия «высших истин». Это учение о 10 ступенях самосовершенствования, которые должен пройти бодхисаттва — человек высшего уровня развития. Каждая ступень характеризуется знаком — картиной мира, парамитой (силой, необходимой энергией), самадхи (смыслом), дхарани (мантрами — формулами, обладающими сверхъестественной силой). А. Н. Игнатович (1991) находит параллели учения «10 ступеней» с современными психологическими учениями. Прохождение бодхисаттвой «десяти ступеней» самосовершенствования весьма схоже с процессом «самоактуализации», концепцию которой разрабатывает гуманистическая психология А. Маслоу. Ее автор выделил ряд «предельных ценностей («Б-ценности», «бытийные» ценности, которые выступают как «метапотребности»). Реализация последних и есть конечная цель самоактуализации.

Рис. 2. Типология сознания (по В. Корневу, 1983, с. 24):

Проблема сознания — одна из важнейших для буддийской культуры и в проблеме психологической подготовки человека в жизнедеятельности. Интеллектуальная готовность есть результат умственного

самосовершенствования. Важность и сложность концепции сознания в буддийской культуре видны из различных типологий сознания (рис. 2).

Классическая буддология чаще всего видит в количестве 29 скрытую информацию об анализе психической деятельности человека. В действительности эти типы сознания расшифровываются с помощью символики нумерологической психологии буддийской культуры: 12 — это представление о типах обыденного сознания; 8 — это сознание, достигаемое с помощью восьмеричного пути самосовершенствования; 5 — это сознание, освобожденное от 5 скандх (фрустраций); 4 — это космическое сознание.

Для достижения «просветленного» сознания необходимо освободиться от ложного мышления, т. е. непосредственное созерцание того, что находится за пределами мыслей (вне вербальной реальности), и подлинная идентификация, единение с этой реальностью. «Просветление» человек должен обрести либо с помощью практики морально-психического самосовершенствования, либо в процессе спонтанного и внезапного озарения.

1.3. Конативно-поведенческий компонент этнопсихокультуры

В странах Востока с древнейших времен практиковались различные системы психофизических упражнений, передававшиеся на протяжении многих столетий от поколения к поколению в общем комплексе культуры восточных народов и образующие множество относительно самостоятельных систем культурно-психосоматической тренировки и регуляции.

Особое место среди этих систем занимает традиционная китайская система цигун, представляющая собой своеобразное искусство психической саморегуляции с помощью дыхательных и гимнастических упражнений активно-динамического характера. Система психофизической тренировки цигун включает в себя следующие основные компоненты: 1) регуляция тела, предполагающая необходимость принять «правильное» положение тела (позу) для выполнения последующих дыхательных и психических упражнений; 2) регуляция психической деятельности посредством сознательного (мысленного) самоконтроля и управления своим психофизиологическим состоя-

нием; 3) регуляция дыхания с помощью специальных дыхательных упражнений.

Основным методом самовнушения в восточных учениях является медитация. Этимологически слово «медитация» происходит от греческого слова «медомай» («о чем-либо размышлять») и используется для перевода на европейские языки санскритского термина «дхиана», означающего «размышление, углубление». Обыденные состояния бодрствующего сознания человека могут быть разделены на три вида:

1. Вы не способны сосредоточиться: мысли мелькают и путаются в голове, и вы не можете удержать свой ум на нужном вам деле. Такое состояние не может быть названо медитацией.

2. В вашем уме неотвязно крутится одна и та же мысль (музыкальный мотив, зрительный образ и т. п.), и вы никак не можете от нее избавиться. Это состояние непроизвольной медитации.

3. Вы способны сосредоточиться на чем угодно по своей воле, либо не думать о том, что вам в данный момент может помешать. Это пример собственно медитации. Под медитацией обычно подразумевают некоторую искусственную ситуацию, в которой человек специально занят самосовершенствованием своих мыслительных или вообще психических способностей, размышляя (медитируя) над некоторыми искусственными обстоятельствами. Имеется некоторое соответствие между отдельными психическими переживаниями и определенными зонами тела, точнее, их субъективным ощущением в этих зонах. На Востоке это соответствие породило концепцию «психических центров» (чакр). Эмоциональные переживания обиды или жалости к себе часто приводят нас к щемящим ощущениям в груди; в состоянии тревожности появляется неприятное, сосущее ощущение под ложечкой; размышление сопровождается напряжением и тяжестью в области лба и т. д. Эти ощущения телесных зон в связи с психическими переживаниями были субстанциализированы в йоге и других восточных учениях как особые центры, «чакры» тела человека. Им были присвоены определенные символические изображения и звуки, призванные обозначать их и помогать в концентрации на этих центрах. Тесная связь между психическим и телесным, нашедшая свое отражение в концепции психических центров в восточной психологии, получила признание и в европейской медицине, в отрасли

психосоматики. Психосоматика выявляет связи между психическими состояниями и соматическими заболеваниями человека и тем самым подтверждает связь телесного со психическим, отраженную в идее существования «чакр». Болгарский психолог Н. Петров ставит вопрос о соответствии «чакр» (психических центров) регулятивным центрам вегетативной нервной системы человека, о материалистическом объяснении феноменов лайя-йоги, использующей в своих методах образы этих центров. Европейская психология четко не ставила перед собой проблему изучения соответствий между характером психического состояния и условной субъективной «локализацией» этого состояния в теле. Тибетская культура считает, что мы способны регулировать наши психические переживания путем концентрации на центрах. Практика восточных методов самовнушения показывает, что не исключено существование постоянных связей между состояниями и определенными областями тела. Возможно, что существует своеобразная «психическая анатомия», отражающая эти связи, которые могут быть открыты научной психологией при более глубоком изучении субъективных переживаний человека.

В зависимости от использованных специфических техник существуют различные виды систем йоги. Основными из них являются: мантра-йога, хатха-йога, лайя-йога и раджа-йога. Темой для медитации может быть все что угодно, поэтому конкретных ее форм бесчисленное множество. Одним из проявлений отражения человеком реальности являются зрительные образы формы, цвета и движения. На рисунке 3 ряд геометрических фигур подобран по степени возрастания иллюзий излучения. Эти фигуры считаются священными почти во всех религиях.

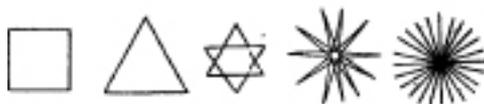

Рис. 3. Объекты медитации, концентрации

С точки зрения современных представлений нейрофизиологии и психологии их воздействие объясняется специфическими сигналами, которые они вызывают в глазодвигательных мышцах и зритель-

ном анализаторе. Глаз чисто рефлекторно прослеживает контуры изображения. На местах излома линий глазодвигательные мышцы резко сокращаются, что связано с генерированием соответствующих резко меняющихся нервных сигналов. В противоположность этому при наблюдении s-образных кривых глазодвигательные мышцы испытывают постепенно нарастающие сокращения. Геометрические фигуры, изображенные на рисунке, являются составными элементами изображений чакр в системе лайя-йоги, используемых в качестве объектов зрительной концентрации. Характер психического воздействия какой-либо формы определяется степенью ее зрительной уравновешенности. В природе наиболее устойчивы предметы, в геометрическом отношении сбалансированные. Человек, встречая несбалансированные формы, испытывает чувство дискомфорта. Осязаемое воздействие на эмоции человека оказывают цвета. Физиологи утверждают, что чистые цвета воздействуют на фоновое мышечное напряжение и на скорость кровообращения. Это воздействие максимально в красной части светового спектра и минимально в синей его части. Особенно сильным воздействием цветов может быть у людей с повышенной чувствительностью.

Содержание данной главы приводит к следующим выводам. Буддийская психология предметом своим имеет психику, которая возникла раньше науки и в разных своих направлениях развивалась с различной степенью обобщения. Если индийская психологическая (этнопсихокультурная) традиция, как и европейская, стремилась к дифференциации психических функций, феноменов, результатом чего было появление нумерологической психологии Абхидхармы (89 типов сознания и т. д.), то китайская психологическая традиция характеризуется синтезом психических функций. Как отмечает Л. Абеги, «мы или чувствуем, или философствуем, или молимся, в то время как в Восточной Азии человек это делает одновременно». Известный отечественный психолог А. А. Гостев пишет: «Отметим, что в познании мира Библия опережает науку. Об образовании мира из бесформенной материи Книга премудрости Соломона сообщает (11:18), что всемогущая рука Бога создала «мир из необразного вещества». Св. Василий Великий говорил о невещественности энергии — «невещественном свете». То, что Земля круглая, сказали третья книга

Ездры (11:32) и св. Иоанн Златоуст в толковании на Книгу пророка Исани (40:22), там же (40:26) читаем о законе сохранения энергии. Атомы — «пылинки Вселенной» — мы находим в Притчах Соломона (8:26). О том, что помимо нашего четырехмерного мира существует и мир духа, религия говорила всегда» [56, с. 80].

Наиболее разработанной является тибетская психологическая система. С момента зарождения буддийская психология стала развиваться в двух направлениях: теоретической и практической, теснейшим образом взаимосвязанных с целью реализации путей совершенствования психики человека посредством психофизиологических методов. Этот процесс должен был завершиться полной идентификацией идеалу буддийского типа личности с характерным для нее способом психической деятельности, что требует от человека высокого уровня готовности к этому. Схематически этот процесс Н. Абаев, М. Вечерский представляют так: 1) теория => 2) практика психотренинга => 3) психический склад буддистов => 4) их социально-практическая деятельность [1, с. 75].

Мы видим, что основной принцип современной психологии — единство сознания и деятельности — экстраполирует и на буддийскую психологию. Основная трудность, конечно, связана с категориальным аппаратом современной научной и буддийской психологии, понятийный аппарат которой должен быть введен в общий категориальный фонд мировой психологической мысли. В буддийской психологии огромное внимание уделяется психофизиологическим аспектам. Мы видим это на примере большого количества методов психотренинга и психической самореализации, а также богатейшего материала восточной медицины. В знаменитом трактате по тибетской медицине «Чжуд-ши» 13-я глава посвящена предписаниям повседневной поведенческой деятельности человека, способствующим предотвращению или излечению болезней. Деятельность человека делится на три вида: 1) постоянная; 2) соответствующая сезонам года; 3) деятельность при разных частных обстоятельствах. В постоянной деятельности различают мирскую деятельность настоящей жизни и высшую — на основе традиционной восточной морали [56, с. 140].

М. С. Яницкий в работе «Ценностное измерение массового сознания» с точки зрения своей многоуровневой концепции типологии

ценностных ориентаций личности пишет: «Мы полагаем, что система ценностных ориентаций оказывается сферой наиболее «чувствительной» к конфессиональной принадлежности, поскольку важную роль в формировании общества традиционно играет религия, выступающая источником моральных, а в ряде случаев и правовых норм. Например, этика буддизма предусматривает строгие нормы существования — десять «черных грехов», которые следует избегать, и десять «белых добродетелей», которым надлежит следовать... Следование таким добродетелям служит основой, первым шагом становления идеальной буддистской личности — бодхисаттвы, человека, стремящегося к «просветлению» [72, с. 202].

Рассматривая пути «просветления», особенно прохождение высших ступеней самосовершенствования личности, автор выделяет закономерность, что эти или подобные ценностные представления, свойственные для той или иной религиозной традиции, должны оказывать существенное воздействие на систему ценностных предпочтений ее последователей. Говоря об исследовании А. Р. Монсоновой, проведенном на выборке бурят-буддистов, шаманистов, евангельских христиан-баптистов, русских-православных и старообрядцев, М. С. Яницкий подчеркнул, что существуют отчетливые особенности в ценностной иерархии этих этноконфессиональных групп, причем межконфессиональные различия в ряде случаев оказываются более значимыми, чем межэтнические [72, с. 158].

М. С. Яницкий, доктор психологических наук, профессор, директор Социально-психологического института Кемеровского госуниверситета, является известным автором модификации теста ценностей Р. Инглхарта, которая имеет широкое применение в исследованиях отечественных психологов. Д. Р. Галсановой (Базаровой) в рамках диссертационного исследования по образу мира молодежи были рассмотрены их ценностно-смысловые ориентации, проведен психологический анализ их особенностей в зависимости от социокультурной ситуации этнической общности; выделены их типы в сопряженности с комплексом личностных показателей на основе использования модифицированного теста в соответствии с концепцией типологии личности М. С. Яницкого [72, 233]. Методика Р. Инглхарта — М. С. Яницкого использована с целью определения ориентированности на цен-

ности адаптации, социализации, индивидуализации в исследуемых группах студентов. Р. Инглхарт разделяет «материалистические» (физиологические) и «постматериалистические» ценности, преобладание которых в том или ином обществе отражает стадию его общего экономического и социального развития. Данные типы ценностных ориентаций имеют различное происхождение, сформулированное им в виде «гипотезы недостаточности» и «гипотезы социализации». В то же время в классификации Инглхарта постматериалистические ценности практически распадаются на две группы — социальные и ценности самоактуализации, обусловленные соответственно направленностью на «присоединение» либо саморазвитие. М. С. Яницкий модифицировал и апробировал методику Р. Инглхарта в 2001 г., основываясь на собственной трехуровневой модели ценностной структуры массового сознания. Предложенная методика позволяет выявить ориентацию на ценности адаптации (выживание и безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие, возможность пользоваться демократическими правами и свободами).

В результате испытуемые были отнесены к одному из трех ценностных типов (ЦТ): «адаптирующийся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток); «социализирующийся» (семья, карьера, общественное признание); «индивидуализирующийся» (самореализация, свобода, терпимость); «промежуточный» тип.

Молодость (от 21–23 до 30 лет) — это период овладения профессией, приобретения экономической ответственности личности и ее полное включение во все виды социальной жизни общества. Это время любви, создания семьи, рождения и воспитания детей. По данным ЮНЕСКО, молодежь сегодня является реальной социальной силой, стратегическим ресурсом развития — это 33 % населения планеты, более 50 % самодетельного состава всего населения мира; вся современная глобальная информационная сеть на 85 % (практически полностью) занята и контролируется молодежью, хотя ей может и не принадлежать. Результаты не всегда продуктивного контроля над компьютерной системой, а часто хакерства и взломов мы видим сейчас. Смысл жизни — одна из основных категорий, которой оперирует человек в молодости. Под смыслом жизни имеется

в виду «внутренне мотивированное, индивидуальное значение для субъекта собственных действий, поступков, взятых как целое и переживаемых как истинное и ценностное» (А. В. Серый).

В Байкальском полиэтничном регионе на протяжении многих веков мирно сосуществует русскоязычное население («сибиряки», «семейские», православные), коренные народы — буряты (буддисты, шаманисты), эвенки. Полиэтническое межконфессиональное общение не могло не отразиться на системе нравственных и религиозных ценностей, которая, в первую очередь, определила отсутствие этнической напряженности в регионе, диалог культур, но в то же время и выразила ассимилятивные процессы у коренных народов.

По опроснику ценностей Р. Инглхарта — М. С. Яницкого нами совместно с ученицей, ставшей первым доктором психологических наук, С. Б. Дагбаевой было проведено исследование этнических ценностей старшеклассников на базе образовательных учреждений Забайкальского края (МБОУ СОШ № 3, 11 г. Чита; МБОУ СОШ № 1 пос. Агинское). Забайкальский край граничит с Амурской и Иркутской областями, Республикой Бурятия и Республикой Якутия (Саха), а также имеет внешнюю границу с Китаем и Монголией. В результате исторических процессов в Забайкалье, занимающем территорию различных природных зон, сложилась своеобразная этническая ситуация. Здесь проживают представители разных этносов: русские, белорусы, украинцы, буряты, эвенки, татары, евреи, китайцы, представители кавказских народов и др. Ландшафтное разнообразие Забайкалья, возможность заниматься здесь различными видами хозяйственной деятельности стали причиной длительного, относительно бесконфликтного проживания разных народов и обеспечили этническое многообразие региона. Коренными жителями Забайкалья считаются буряты, исторически проживающие на территории вокруг озера Байкал. На их развитие большое влияние оказала буддийская религия, распространившаяся среди них со стороны соседней Монголии — одного из центров северного буддизма. Традиционное хозяйство бурят относится к хозяйственно-культурному типу скотоводов — кочевников сухих степей Евразии, существовавшему в данном ареале в течение трех тысячелетий.

На современном этапе буряты глубоко интегрированы в российское общество как активный, мобильный народ, с интересом относящийся к своему прошлому, настоящему и будущему. Высокая степень адаптивности к генетически привычным для них забайкальским условиям жизни делает бурят наиболее устойчивым компонентом регионального народонаселения. Появившиеся в Забайкалье в середине XVII в. русские, в основном выходцы из северных районов России, в результате православного церковного раскола, в большинстве казаки и крестьяне, положили основу будущего забайкальского старожильского населения. Проживая на одной территории с коренным населением — бурятами, старожилы постепенно заимствовали элементы быта и культуры этих народов, сохраняя при этом, как правило, свой язык, самосознание, культурно-бытовой облик. В свою очередь, принеся и распространив среди местного населения собственные хозяйственные навыки и приемы, старожилы содействовали развитию земледелия, оседлости, строительству городов.

Многонациональный состав населения, разнообразие форм религий обусловили многообразие культовых объектов, что свидетельствует о традиции этнической и религиозной терпимости, которая была в целом характерна для Забайкалья. Были сформированы две группы старшеклассников: группа 1 — представители бурятской культуры (100 человек); группа 2 — представители русской культуры (112 человек).

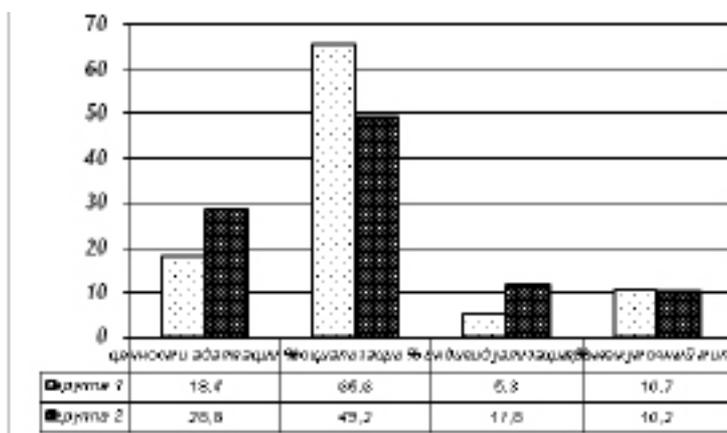

Рис. 4. Ценностные ориентации старшеклассников по этническим группам (в %)

Как показали результаты проведенного исследования, этнокультурная принадлежность личности является значимым фактором, влияющим на степень и глубину достигаемых психологических эффектов. Результаты исследования, представленные на рисунке 4, показали, что ценности адаптации доминируют у 18,4% испытуемых первой группы и у 28,8% респондентов второй группы; ценности социализации — у 65,6% опрошенных первой группы и у 49,2% — второй группы; ценности индивидуализации — у 5,3% школьников первой группы и у 11,8% — второй. При этом к промежуточному типу были отнесены 10,7% респондентов первой группы и 10,2% второй группы.

Таким образом, большинство респондентов в обеих группах считают наиболее важными ценности социализации, что соответствует их возрастным особенностям, когда молодые люди придают особое значение планам по созданию семьи, получению образования и строительству карьеры. При сопоставлении ценностных предпочтений по этническим группам обращает на себя внимание ориентация на ценности социализации испытуемых первой группы, для которых уважение окружающих, общественное признание выступает более значимой ценностью (65,6%), в отличие от респондентов второй группы (49,2%). Представители второй группы придают большее значение ценностям адаптации (28,8 к 18,4%) и индивидуализации (11,8 к 5,3%), т. е. они в большей степени испытывают тревогу по поводу своей физической и экономической безопасности, но в то же время более ориентированы на выработку собственной автономной системы ценностей. В первой группе социализирующийся тип встречается заметно чаще, чем во второй, что можно объяснить характерным для этнических меньшинств стремлением сохранить свою самобытность, обычаи и традиции. Индивидуализирующийся тип чаще встречается во второй группе, что можно объяснить их стремлением к самостоятельности и независимости. Таким образом, этнокультурная принадлежность оказывается значимым фактором ценностных различий, и поэтому процесс формирования этноконфессиональных ценностей должен быть непрерывным, преемственным.

Начало третьего тысячелетия знаменуется новыми вызовами как науке психологии, так и образовательной системе. Закономерным и знаменательным событием в обучении и воспитании личности

стало внедрение после экспериментального этапа в школы России учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в 4–5-х классах. Он необходим для духовно-нравственного воспитания детей, молодежи, чего недостает современному российскому обществу. Главной методологической основой являются комплексный и духовно-ценностный подходы.

Младший школьный возраст — это наиболее благоприятный, сензитивный период для нравственного воспитания детей, что подтверждается в отечественной и зарубежной психологии. Результаты положительные и дают надежду, что духовные ценности, усвоенные детьми в этот период, будут развиваться на последующих этапах онтогенеза и обучения [5].

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 января 2012 г. № 84-р и приказами Минобрнауки России от 31 января 2012 г. № 69 «О внесении изменений в федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, утвержденный приказом Министерства образования Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 1089»; от 1 февраля 2012 г. № 74 «О внесении изменений в федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования, утвержденные приказом Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2014 г. № 1312», во всех четвертых классах общеобразовательных учреждений, реализующих образовательные программы начального общего образования, преподается учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики», включающий 6 модулей:

1. «Основы буддийской культуры» (ОБК).
2. «Основы православной культуры» (ОПК).
3. «Основы мусульманской культуры» (ОМК).
4. «Основы иудейской культуры» (ОИК).
5. «Основы мировых религиозных культур» (ОМРК).
6. «Основы светской этики» (ОСЭ).

Обучение проводится по учебникам федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации име-

ющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования. Автором одного из 6 модулей — учебника «Основы буддийской культуры» — является выдающийся ученый, доктор буддийской философии, Бабу лама, Владимир Лхамадиевич Чимитдоржиев, к сожалению, в настоящее время покойный. По учебнику учатся школьники 4–5-х классов не только в Бурятии, Калмыкии и Туве, но и во всех школах России по желанию учащихся, их родителей. Ему принадлежит уникальный опыт интеграции духовного и светского образования в Агинском Бурятском округе (Забайкальский край), это проект Бабу ламы как ректора Агинской буддийской академии, директора Агинского медучилища, доктора буддийской филологии. Нам посчастливилось сотрудничать с ним. В 1993 г. им была открыта Агинская буддийская академия (тогда ФИТМа — филиал Института традиционной медицины, который находится в Индии). Сегодня в АБА три факультета — буддийской философии, традиционной восточной медицины и буддийской живописи. Среди изучаемых дисциплин психология, правоведение, отечественная история, история религии, культурология, английский и тибетский языки, старомонгольская письменность, буддийская этика, основы космологии, логика и др. На базе академии в 2003 г. открыт филиал Читинского медучилища, который получил статус государственного образовательного учреждения — медколледжа. Его уникальность в принципе интеграции двух систем: классической и восточной медицины, светского и духовного образования.

Сложной проблемой в экспериментальный период внедрения этого предмета было кадровое обеспечение, проблемы остаются, но основной преподавательский коллектив создан, проходит подготовку и резервный состав. По данным А. Р. Монсоновой [30], анализ кадрового состава преподавателей ОРКСЭ показал следующее: учителя начальных классов — 28 %, учителя русского языка и литературы — 27 %, учителя мировой художественной культуры (МХК) — 17 %, истории — 9 %, химии и биологии — 3 %, библиотекари — 3 %, по 1 % — учителя информатики, географии, экологии, иностранного языка, психологи, воспитатели, логопеды, методисты.

Методологическими основами ОРКСЭ являются работы известных ученых Калмыкии: доктора педагогических наук, профессора

О. Д. Мукаевой, концепция этнокультурной коннотации образования доктора педагогических наук, профессора А. Б. Панькина и др.; работы ученых Якутии: концепция мультикультурного образования и воспитания «Эркейя» доктора психологических наук, профессора А. П. Оконешниковой, этнопсихологические исследования кандидата психологических наук, доцента, директора Института психологии СВФУ А. И. Егоровой и др. Автор выражает огромную благодарность им за многолетнее научное сотрудничество и дружбу.

Итак, трехкомпонентная структура этнопсихокультуры, включающая когнитивный, эмоционально-аффективный, конативно-поведенческий компоненты, позволяет выделить следующие критерии этнопсихокультурной готовности личности к традиционной деятельности:

— мотивационной готовности (потребность в общественно полезной деятельности, установка на ее успешность, чувство долга и ответственности, социальные мотивы выбора профессии);

— ориентационной готовности (совпадение личностного развития с целевыми установками традиционного и нетрадиционного образования, наличие этнологических, психологических качеств, т. е. способность воспринимать культуру, общие способности к ориентирующей деятельности, смысложизненные ориентации);

— операциональной готовности (опытообразовательные способности, развитие психических перцептивных, когнитивных качеств, знаний традиционных и современных способов и приемов деятельности);

— волевой готовности (владение традиционной и современной техникой саморегуляции, самоконтроля, эмоциональное положительное сопровождение деятельности);

— оценочной готовности (адекватная самооценка, уровень притязаний, оценка результатов труда в их критериальных представлениях, осознание своего «Я» как субъекта традиционной деятельности на основе рефлексивного мышления).

Данные критерии определяют уровень сформированности этнопсихокультурной готовности человека к деятельности, который во многом зависит от действий психологических механизмов. С точки зрения концепции этнопсихокультурной готовности человека к де-

тельности ее базовыми, генерализованными психологическими механизмами являются локус контроля, идентификации, динамического равновесия.

1.4. Исследование базовых механизмов этнопсихокультуры как ведущих регуляторов жизнедеятельности человека

Базовые механизмы этнопсихокультуры обладают специфическими особенностями, обусловленными своеобразием живого организма, личности, деятельности, культурной среды. Конструирование методов и методик исследования осуществлялось по мере выявления сущности предмета, изучения их свойств и закономерностей: тест УСК (уровень субъективного контроля), личностный дифференциал, тест Т. Лири, ЦТО М. Люшера в модификации Г. А. Аминова — Ю. М. Орлова. Другие методы описаны в соответствующих главах. Обобщены результаты многолетнего исследования более чем 5 тысяч респондентов. Характеристика групп испытуемых:

1. Студенты-психологи социально-психологических факультетов Бурятского и Забайкальского госуниверситетов.

2. Школьные, практические психологи г. Улан-Удэ, районов Республики Бурятия с различным стажем работы.

3. Студенты Агинской буддийской академии (АБА) при Агинском дацане (Забайкальский край) — 100.

4. Студенты буддийского университета «Даши Чойнхорлин» имени Д. Д. Заяева при Иволгинском дацане (Республика Бурятия), центре Буддийской сангхи в России.

Университет «Даши Чойнхорлин» создан для обучения студентов, будущих священнослужителей, основным законам буддизма, философии, богослужения и религиозным обрядам, истории буддизма, иностранным языкам (тибетскому, монгольскому, английскому) и другим практикам. Основными целями и задачами деятельности являются подготовка лам и других служителей буддийских храмов; методическое руководство, помощь школам и другим учебным заведениям данного профиля; подготовка специалистов по теологическим наукам: астрологии, философии, искусству, включая живопись; подготовка и повышение квалификации переводчиков тибетского, монгольского, китайского, японского и других классических языков Востока; организация и проведение научно-исследовательских работ

в области подготовки и переподготовки духовенства; организация и проведение публичных лекций, семинаров, бесед и других форм общения с населением. Организация учебного процесса проходит на основе планов и программ, утвержденных советом центра буддизма. Университет имеет основные факультеты: канонический, философский, медицинский, астрологический, на которых изучаются такие основные предметы, как ламрин (вопросы философского диспута), канонические сутры, история буддизма, психология, социология и др.

1.4.1. Локус контроля этнопсихокультурной готовности личности к традиционной деятельности

Сопоставление локуса контроля у многих исследователей связано с противопоставлением Востока и Запада: западная культура внушает человеку уверенность в своей силе, восточная же культура стремится внушить людям веру в судьбу, в предопределенность будущего (карма). К тому же в восточной культуре доминируют сильные традиции, делающие человека зависимым от субгруппы. Условно западная культура считается интернальной, восточная — экстернальной. Интерналы — это люди, которые ответственны за свою жизнь, поведение, поступки берут на себя. Экстерналы связывают ответственность в своей жизни с волей других людей, с обстоятельствами жизни, с судьбой и т. д. Объектом нашего исследования является формирование этнопсихокультурной готовности человека к деятельности. Предметом мы выбрали профессиональную деятельность практических психологов в школе, подготовку студентов-психологов и студентов буддийских вузов. Рассмотрим динамику половозрастных, профессиональных особенностей локуса контроля как базового механизма готовности к традиционной (религиозной) и психологической деятельности.

Психологическая служба в стране была создана в 1992 г. во многом благодаря деятельности выдающегося психолога, академика А. Г. Асмолова, заведующего кафедрой психологии личности МГУ им. М. В. Ломоносова. На протяжении 8 лет работал заместителем министра образования Российской Федерации. Служба практических психологов работает достаточное время, но школьные психологи еще не стали предметом пристального внимания со стороны психологической науки. Еще в 20-е гг. прошлого века в Харькове была пред-

принята попытка изучить индивидуально-психологические предпосылки успешности деятельности психолога-экспериментатора: 1) вербальные способности понимать речь (владеть ею) и 2) психоспективные, т. е. способности к наблюдению (самонаблюдению и длительному сосредоточению внимания).

За рубежом коллективом Р. Кеттелла были исследованы психологи-практики и психологи-диагносты. Портреты их приводятся в форме так называемых уравнений эффективности: весовые коэффициенты перед сокращенными техническими обозначениями факторов 16 PF указывают на вклад фактора в прогноз эффективности, соответствующей профессиональной деятельности: психолог-практик = $0,72A + 0,29B + 0,29N$; психолог-исследователь = $0,31A + 0,78B + 0,47N$. Сходство данных профессиональных подгрупп в определенных стратегиях поведения задается конфигурацией трех факторов: готовности к контактам (A), умений поддерживать контакты (N), общей интеллектуальностью (B), а различия — наличием или отсутствием в профиле портрета дополнительного фактора насыщенности контактами с другими людьми (H). Неслучайно при экспертных опросах психологов многие из них выделяют способность практически решать задачи на общение (талант общения как специальную способность именно психологов).

По мнению Н. В. Бачмановой и Н. А. Стафуриной, в структуре этой способности можно вычленить пять главных ее умений: 1) полно и правильно воспринимать человека (наблюдательность, быстрая ориентация в ситуации и т. п.); 2) понимать внутренние свойства и особенности человека (проникновение в его духовный мир, интуиция); 3) сопереживать (эмпатия, сочувствие, доброта и уважение к человеку, готовность помочь); 4) анализировать свое поведение (рефлексия); 5) управлять самим собой и процессом общения (самоконтроль).

По данным Н. А. Аминова, М. В. Молоканова, для психологов с исследовательской ориентацией оказались характерны более выраженная готовность к контактам (A); эмоциональная холодность и рациональность в установлении и поддержании контактов (N); сдержанность (Q) и общая интеллектуальность (B) при выраженном интересе к человеку. Эти качества близки или почти близки к перечню качеств ученого по К. А. Рамулю, и тем не менее специфическая особен-

ность деятельности психолога — человек или люди — предопределила преобладание в факторной конфигурации личностного профиля коммуникативных черт. Взаимодействие экспериментатора с объектом исследования, хотя и опосредовано часто техническими средствами, аппаратурой, по сути, всегда есть общение двух субъектов. Для кандидатов с практической ориентацией оказались характерны готовность к контактам (А); умение поддерживать контакты (Н); умение сохранять эмоциональное самообладание в процессе общения (С); умение эмоционально притягивать к себе других людей (F), интеллектуальность (В) при высокой чувствительности (Y), облегчающей ориентацию в эмоциональной сфере клиента; склонность к чувству вины (Q) или повышенной ответственности за свои действия; фрустрация (Q₄) или осознание границ своей компетентности и самодостаточность (Q₂) или индивидуализм и опора на себя при принятии решений. Данные характеристики являются в определенной мере эталонными для психологов, работающих в современной школе. Необходимо наметить стратегию дальнейших исследований с целью разработки научных основ психодиагностики специальных способностей психологов и условий стимуляции их развития.

Интересны результаты исследования студентов буддийских вузов. Этнопсихокультурная особенность данных испытуемых выражается в определенной подчинённости традициям кармического детерминизма. Они не считают, что сами добились всего того хорошего, что было и есть в их жизни. Не отрицая роли собственного «я» в жизнедеятельности, во многом они отводят определяющую роль в своих успехах воле, судьбе, накопленным благодеяниям предков, родителей. Обучающиеся отличаются адекватной самооценкой.

Интеркорреляция выявила значимую связь со шкалой Ин — интернальности в области неудач ($r=0,562$ при $p<0,01$), что свидетельствует о развитом чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности обвинять самого себя в различных неприятностях и страданиях. Самые высокие показатели связи между шкалой Ис — интернальности в семейных отношениях и Ид — индексом достижений, что объясняется спецификой духовенской деятельности. Высокий уровень достижений, своего рода служба священнослужителя связана с соблюдением

многих обетов, среди них обет безбрачия является обязательным среди 253 обетов для достижения высшего сана — гелюна. Поэтому этот показатель значим для юношей АБА и БУ.

Специфика духовенской деятельности отразилась в отсутствии значительных связей по шкале Ип — интернальности в области производственных отношений. Каждый обучающийся является хуваракком (учеником) учителя-наставника. О специфике их отношений мы говорили, когда излагали основные положения учения об Учителе. Диалоговое, камерное общение «учитель — ученик» не вызывает потребности в коллективных отношениях, но вместе с тем требует очень высокого уровня коммуникативных умений, что видно из высоких показателей по шкале I_M — интернальности в области межличностных отношений ($r=0,845$ при $p<0,01$). Они свидетельствуют об умении контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. В беседе учащиеся высказывались, что общение для них является психологической проблемой из-за стеснительности, скромности, иногда неуверенности в себе. Вместе с тем постоянное занятие психофизиологической подготовкой в виде медитационных, релаксационных упражнений вырабатывает у учащихся высокий уровень психической саморегуляции.

Высокие требования к психофизической готовности в своей деятельности наряду с моральной и когнитивной готовностью нашли отражение в высоких показателях по шкале I_3 — интернальности в отношении здоровья и болезни ($r=0,702$ при $p<0,05$). Многочасовые молитвы, жесткий режим работы, легкость одеяния и т. д. требуют от учащихся ответственности за свое здоровье: если он болен, то обвиняет в этом самого себя и полагает, что выздоровление во многом зависит от его действий. Конечно, на высоком индексе здоровья оказалась мотивация их основной цели — стать умелым эмчи-лекарем и помогать другим людям (у студентов АБА).

Анализ результатов исследования УСК на старших курсах АБА (3-й и 4-й курсы) у юношей выявил некоторые различия в результатах по сравнению с данными младших курсов (1-х и 2-х курсы). Общая интернальность студентов 3-х и 4-х курсов выше, чем у студентов 1-х и 2-х курсов, но индекс достижений несколько ниже, это можно объяснить

большой уверенностью старшекурсников в себе, вызванной знанием своих операциональных умений (у них выше показатели по шкале самооценки этнопсихокультурной готовности к деятельности).

Значительно возрос показатель по шкале I_3 — интернальности в отношении здоровья и болезни, что можно интерпретировать как более высокую ответственность за свое здоровье и как более высокий уровень психофизической готовности к деятельности. Если учащиеся младших курсов принимают участие в саморегуляционных упражнениях, то старшекурсники владеют уже многими видами аутотренинга, релаксации, медитации. В учебном плане возрастает количество часов на методы саморегуляции.

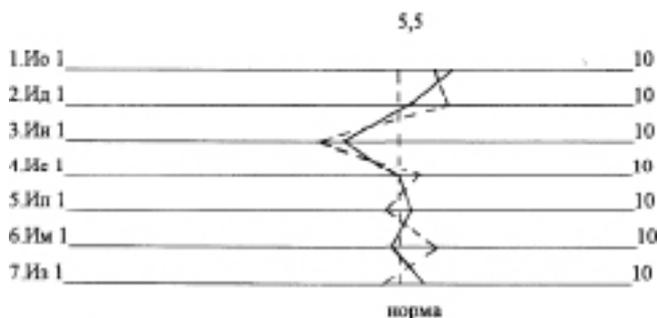

Рис. 5. Профили УСК студентов АБА:

— — — студенты 1–4-х курсов (юноши) — - - — студенты 1-го курса (девушки)

Интересные результаты получены в ходе исследования УСК у девушек-студенток АБА. Это была первая группа девушек, которые посвящают себя лекарской работе в пределах буддийского храма. Средний возраст 18–22 года. Общая интернальность равна норме, что свидетельствует о достаточной ответственности за свою судьбу, свои поступки. Выше нормы показатели I_d — шкалы интернальности в области достижений. Уровень притязаний девушек не ниже, чем у юношей, хотя девушки понимают, что у них не будет такой многоступенчатой служебной иерархии, как у юношей, что для последних является стимулом, мотивом к достижению успехов в профессиональной деятельности. Это можно так же объяснить тем, что девушки реализовали свою мечту — заниматься медициной.

1.4.2. Идентификация как механизм этнопсихокультурной готовности личности к традиционной деятельности

В качестве основной методики мы взяли тест Т. Лири, который наиболее дифференцированно выражает представления человека о другом человеке, о самом себе, об эталоне личности и т. д. Независимо от возраста у студентов БУ и АБА по октанте подозрительности (IV) значимые связи не выявлены. Отрицательные значимые связи обнаружены по октанте подчиняемого типа отношений ($r = -0,793$ при $p < 0,01$). Малое количество значимых корреляционных связей у девушек можно объяснить отсутствием конкретного эталона для подражания, так как они являются первыми представительницами женщин в буддийском храме. В отличие от юношей, которые имеют личного наставника, девушки их не имеют, так как недостаточно женщин — настоятельниц храма. В имплицитной модели эталона ламы — врача, представленного девушками, ярко проявилась основная психологическая характеристика женщин — эмпатия (способность к сопереживанию). Это видно из того, что значимые связи обозначились только в двух октантах: VII — дружелюбие и в VIII — альтруизм.

Обобщенные показатели всего массива студентов характеризуют их следующим образом. Для студентов, будущих лам, действенным механизмом формирования готовности к деятельности является механизм идентификации, так как значимые коэффициенты обнаружены в пятой октанте подчиняемости. С этими фактами связана и выраженная связь по октанте зависимости. Эти характеристики не противоречат с традиционными требованиями их будущей профессии. Высокий коэффициент корреляции ($r = 0,719$ при $p < 0,01$) обнаружен по октанте дружелюбия, значимые связи — по октанте альтруизма. Данные факторного анализа показывают тенденцию испытуемых уравнивать различные характеристики, искать между ними компромисс, в чем мы видим проявление механизма динамического равновесия («срединного пути»).

Механизм идентификации требует от обучающихся определенного уровня оценки и самооценки. Уровень сформулированности оценочной готовности мы выявляли по методике личностного дифференциала (ЛД), построенного на основе семантического дифференциала Ч. Остуда. Многие исследователи соотносят основные

факторы теста Т. Лири доминирование — подчинение, дружелюбие — агрессивность с двумя из трех главных осей семантического дифференциала: оценка и сила.

По фактору О (оценки) студенты БУ и АБА показали адекватную самооценку (у девушек она выше), они принимают себя как личность, склонны осознавать себя как носителей позитивных, социально желательных (этнических) характеристик, в определенном смысле они удовлетворены собой. Можно предположить, что эта удовлетворенность во многом определяется выбором высокозначимой профессии, достаточным уровнем психокультурной готовности к деятельности. Низкие значения фактора силы (С) у юношей — студентов БИ свидетельствуют о зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Фактор активности (А) интерпретируется как свидетельство об экстравертированности.

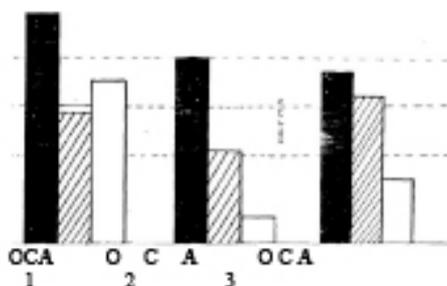

Рис. 6. Тестовые показатели по ЛД:

О — оценка; С — сила; А — активность, средние значения по тесту;
1 — девушки, студенты 1-го курса АБА; 2 — юноши, БИ и АБА; 3 — психологи

1.4.3. Механизм динамического равновесия в традиционной деятельности

В данном параграфе представлены результаты экспериментальной работы по влиянию механизма динамического равновесия на измерения психологической готовности через сбалансированность психологических и психофизиологических характеристик личности. Для фиксирования полученных результатов применялись тесты М. Люшера и Р. Кеттелла.

Рассмотрим результаты исследования личностных характеристик респондентов по интерпретационным количественным коэффициентам Ю. М. Орлова — Г. А. Аминова теста М. Люшера. Они представлены на рис. 7.

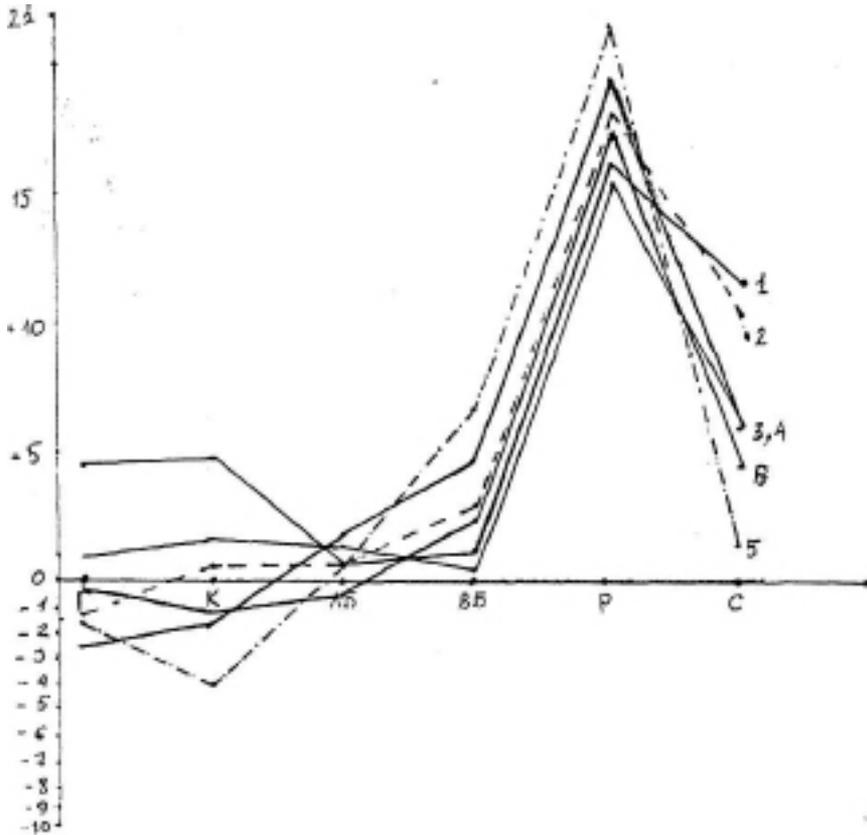

Рис. 7. Показатели интерпретационных коэффициентов М. Люшера:
 1 — студенты 1-го курса (КГ); 2 — студенты 2-го курса (ЭГ); 3 — ламы;
 4 — студенты 3-го курса (КГ); 5 — студенты 4-го курса (ЭГ);
 6 — студентки 1-го курса (ЭГ) — студенты буддийских вузов

По шкале гетерономности — автономности тестовый показатель 2,2 можно интерпретировать как динамическое равновесие между зависимостью внешних обстоятельств и независимостью. Поведен-

ческие реакции характеризуется автономностью, независимостью, самостоятельностью. За внешней сдержанностью, абсолютной невозмутимостью кроются такие качества шкалы Г, как активность, инициативность, склонность к доминированию. Специфика работы такова, что без способностей, умения внушить людям необходимые ценности, их профессиональная модель немыслима. Достаточно иерархизированная, многоступенчатая профессиональная духовенская деятельность представляет большие возможности для самореализации, самоутверждения как субъекта деятельности. По шкале концентричности — эксцентричности ($K = -1,8$) наблюдается та же сбалансированность между собственными проблемами и интересами окружающих, с преобладанием эксцентричности. Окружающие люди со своими проблемами интересуют их как объект воздействия. Это воздействие имеет катарсическую, психотерапевтическую направленность. По таблице видна «непривязанность» респондентов к психологическим характеристикам. По шкале ВВ значимая отрицательная связь ($r = -0,954$ при $p < 0,01$) и тестовый показатель ВВ = 4,8, т. е. преобладание тонуса симпатической нервной системы можно характеризовать как результат высокого уровня саморегуляции, самоограничений, что без релаксационных, медитативных действий невозможно. Показатели стресса низкие, они проявляются в баллах: $S = 6,3$.

Полученные факты позволяют заключить, что в структуре этнопсихокультурной готовности человека к традиционной деятельности мы можем наблюдать стремление человека к динамическому равновесию во всех сферах профессиональной психологической и духовной жизнедеятельности.

Заключение

Психологическая готовность человека к жизни как сложное динамическое образование является взаимодействием двух основных его характеристик: эмоционального и психического состояния, психологической характеристики личности, которые проявляются в их сбалансированности, что соответствует буддийскому принципу «срединного пути». Именно единство аффективного, эмоционального начала, когнитивных образований, убеждений и поведенческих актов

в виде навыков, устойчивых реакций является выражением сформированности этнопсихологической готовности человека к определенной (профессиональной) и традиционной (этнокультурной) деятельности.

Структура этнопсихокультурной готовности представляет собой функциональное многоуровневое образование, включающее мотивационный, ориентационный, операционный, оценочный, регулятивный компоненты, которые трансформируются в зависимости от особенностей традиций, ценностей этноса и т. д. Развитие основных компонентов структуры этнопсихокультурной готовности диагностирует уровни ее готовности.

Современная трехкомпонентная структура этнопсихокультурной готовности к традиционной деятельности включает традиционно три вида: нравственную, интеллектуальную и психофизиологическую, характеризуется тем, что в ней действует система механизмов реализации культурно-психических традиций. Эти механизмы иерархизированы, поэтому выделяются базовые или генерализованные механизмы (механизм идентификации, локус контроля и механизм баланса или динамического равновесия). Экспериментальное исследование психологических механизмов подтвердило их продуктивную роль в формировании психологической готовности человека к деятельности в условиях традиционной культуры.

Психофизиологические основы готовности к деятельности, в частности МПА (межполушарная асимметрия мозга) как механизм психологической направленности личности и как социокультурный механизм, имеют огромное значение в самоактуализации личности, способствуют повышению уровня этнопсихологической готовности к жизнедеятельности на Земле.

Результаты экспериментального исследования подтвердили гипотезу о значении этнопсихокультурной готовности к деятельности в разработанной модели обучения с апробируемой системой средств и при соблюдении этнопсихологических и этнопедагогических условий. Проблема формирования этнопсихокультурной готовности к деятельности может быть рассмотрена в интеграции светского и духовного знаний, нетрадиционного и традиционного обучения в школе и вузе.

Традиционные ценности — это представления, что привычный, детерминированный традиционной культурой, предшествующими поколениями образ жизни, мышления, цели существования, способы поведения предпочтительнее других. В культуре бурят это почитание старших, родителей, культ Неба и Земли, природы, стремление добиваться своей цели, полагание на свои силы, уважение к женщине — хранительнице очага, идея сильного единовластия (архетип вождя и отца в одном лице). Традиционная личность — это человек, почитающий родителей, молящийся о хорошем перерождении, о здоровье, благоденствии, исправлении кармы, старающийся жить со всеми в ладу, не выделяться, поступать по предписанным нормам и этикету, ценящий знания, мудрость, степенность, обстоятельность, не терпящий предательства, коварства, воровства. Соглашаясь с вышесказанными положениями, мы придерживаемся точки зрения, что традиция — это трансляция, изменение и трансформация культурных ценностей и форм в условиях межпоколенной преемственности. Важнейшую роль в этом процессе играют знаковые системы, выступающие в качестве посредников между человеком и миром, и, в первую очередь, это язык. Способность человека отражать мир в сложных отвлеченных связях и отношениях позволяет ему оторваться от практического опыта путем постепенной эмансипации от симпрактического контекста и выработки синсемантической системы, т. е. системы знаков, связанных друг с другом по значению и образующих систему кодов, которые можно понимать даже не зная ситуации. Все отражаемое человеком в многообразных формах активности категоризуется, именуется в системе значений, поскольку субъект отражает мир не напрямую, а через системы значений, выработанных в культурно-историческом развитии этноса. Этнопсихологическая подготовка (Т. Ц. Тудупова) является важным фактором развития личности.

Это поможет обучаемому пройти все этапы культурного возраста (Л. С. Выготский), стать патриотом Родины, достойным представителем своего этноса.

Но нельзя им стать и невозможно, если плохо знать свою историю, сказания, Гэсэра, не любить природу, Байкал...

Литература

1. Абаев Н. В. Чань буддизм и культура психической деятельности в Китае / Н. В. Абаев. Новосибирск: Наука, 1983. 212 с.
2. Абаев Н. В. Стратегия развития этнокультурных традиций евразийства (на примере Республики Бурятия) / Н. В. Абаев // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 127–156.
3. Абаева Л. Л. Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций: монография / Л. Л. Абаева; отв. ред. Н. Л. Жуковская. Улан-Удэ, 2018. 368 с.
4. Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. ст.: в 2 т. / под общей ред. Р. Д. Санжаевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. — 326 с.; т. 2. — 240 с.
5. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: / науч. ред. Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2012. 312 с.
6. Актуальные проблемы современной психологии: опыт и перспективы развития: материалы региональной конференции, посвященной 65-летию проф. Р. Д. Санжаевой Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун –та, 2019. 214 с.
7. Аминев Г. А. Образование: гибкие технологии. Педагогическая психофизиология. Нейропедагогика. Ч. 2 / Г. А. Аминев, Э. Г. Аминев. Уфа: Изд-во БО РПО, 1996. 152 с.
8. Аминев Г. А. Притчи о болгарских муллах (к сеансам вероанализа). Москва, 2019. 178 с.
9. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. Москва: Смысл; Академия, 2007. 528 с.
10. Атутов П. Р. Педагогика трудового становления учащихся: содержательно-процессуальные основы / П. Р. Атутов // Избр. труды: в 2 т. / под ред. Г. Н. Никольской. Москва, 2001. Т. 1. — 360 с.; т. 2. — 368 с.
11. Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят / В. Д. Бабуева. Улан-Удэ: Центр сохранения и развития культурного наследия Бурятии, 2004. 212 с.
12. Базарова (Галсанова) Д. Р. Образ мира молодежи: структурно-содержательные характеристики/ Д. Р. Базарова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2019. 160 с.
13. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят / К. Д. Басаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

14. Басхаева И. И. Об эксперименте апробации портфолио субъектов образовательной деятельности (из опыта работы педагога-психолога) // Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Казань: Бук, 2016. С. 25–31.
15. Белинская Е. П. Этническая социализация подростка / Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко. Москва: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 208 с.
16. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиологии движений / Н. А. Бернштейн. Москва: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1997. 364 с.
17. Бериулава Г. А. Образ мира как мифологический символ / Г. А. Бериулава. Москва: Педагогическое общество России, 2001. 124 с.
18. Болдохонов К. Б. Дорогие мои земляки / К. Б. Болдохонов. Улан-Удэ: Нова Принт, 2012. 232 с.
19. Вампилова С. В. С любовью и благодарностью (Письма родным и друзьям). Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2012. 176 с.
20. Галшиев Эрдэни-Хайбзун. Зерцало мудрости / Эрдэни-Хайбзун Галшиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. 352 с.
21. Гуружапов В. А. Педагогическая психология / В. А. Гуружапов [и др.]; под ред. В. А. Гуружапова. Москва: Юрайт, 2013. 494 с.
22. Дагбаева С. Б. Ценностные ориентации студентов: этнопсихологический подход / С. Б. Дагбаева, Р. Д. Санжаева. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2010. 186 с.
23. Дагбаев Э. Д. Буряты. Главные вопросы бытия / Э. Д. Дагбаев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2016. 124 с.
24. Дугарова Т. Ц. Глобальные вызовы: этническое самосознание бурят. Москва: Прометей, 2010. 160 с.
25. Корнаков В. Дикое поле / В. Корнаков // Антология бурятского романа. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 224 с.
26. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят / Л. Линховоин. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 100 с.
27. Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ: на бурят. и рус. яз. / Л. Линховоин. Улан-Удэ: Буряад-монгол ном, 2014. 460 с.
28. Миронова Т. Л. Психология профессиональной деятельности / Т. Л. Миронова, Н. В. Шагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 184 с.
29. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности / А. Р. Монсонова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 182 с.
30. Монсонова А. Р. Учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики» как фактор социализации школьников // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 24–30.

31. Монсонова А. Р. Воспитание духовности учащихся в системе дополнительного образования / А. Р. Монсонова // Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Казань: Бук, 2016. С. 124–127.
32. Монсонова А. Р. Психолого-педагогическое сопровождение этноконфессиональной идентичности личности / Д. Р. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 126 с.
33. Мохова С. Ю. Самосознание родителя в системе отношений с ребенком: дис. ... канд. психол. наук / С. Ю. Мохова. Чита, 2004. 196 с.
34. Мукаева О. Д. Мудрость и духовность народной педагогики / О. Д. Мукаева. Элиста: Джангар, 1995. 155 с.
35. Мунхчулуун М. Реконструкция психологического образа Чингис-хана // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. (Хабаровск, 23–25 мая 2008 г.). Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т.1. С. 44–52.
36. Намсараев С. Д. Национально-региональный компонент в образовании / С. Д. Намсараев. Улан-Удэ: Бэлиг, 1996. 212 с.
37. Нимаев Д. Д. Буряты / Д. Д. Нимаев. Москва: Наука, 2004. 462 с.
38. Оконешникова А. П. Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга / А. П. Оконешникова. Пермь: Звезда, 1999. 406 с.
39. Панькин А. Б. Этнокультурная коннотация образования / А. Б. Панькин. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2009. 380 с.
40. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
41. Пономаренко В. А. Психология духовности / В. А. Пономаренко. Москва, 1998.
42. Потанина А. В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях / А. В. Потанина. Москва, 1995. 60 с.
43. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. Москва: ПЕР СЭ, 2002. 368 с.
44. Психологические аспекты буддизма / отв. ред. Н. В. Абаев. Новосибирск: Наука, 1991. 182 с.
45. Ротенберг С. В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78–86.
46. Рубцов В. В. Культурно-исторический тип школы (проект разработки) / В. В. Рубцов, А. А. Марголис, В. А. Гуружапов // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 100–110.

47. Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск: Наука, 1998. 186 с.
48. Санжаева Р. Д. Этнопсихологические основы обучения в национальной школе / Р. Д. Санжаева // Национальная школа: концепция и технология развития. Москва: Просвещение, 1993. С. 69–71.
49. Санжаева Р. Д. Личность как субъект мультикультурного образования / Р. Д. Санжаева // Методология и практика мультикультурного образования в условиях возрождения традиций народов Республики Саха. Якутск, 1995. С. 54–60.
50. Санжаева Р. Д. Этнопсихокультура личности / Р. Д. Санжаева // Вестник КРАУНЦ. 2004. № 2. С. 13–24.
51. Санжаева Р. Д. Психология безопасности личности / Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 110 с.
52. Санжаева Р. Д. Личность и профессиональная деятельность: в 2 т. / Р. Д. Санжаева / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. — 324 с.; т. 2. — 240 с.
53. Санжаева Р. Д. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия / Р. Д. Санжаева: науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.
54. Санжаева Р. Д. Психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья: методические рекомендации / Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2016. 196 с.
55. Санжаева Р. Д. Развитие способностей учащихся в условиях дополнительного образования / Р. Д. Санжаева // Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Казань: Бук, 2016. С. 13–17.
56. Санжаева Р. Д. Готовность и психологические механизмы ее формирования / Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 208 с.
57. Санжаева Р. Д. Развитие креативности у детей младшего школьного возраста / Р. Д. Санжаева, Х. Т. Бадмаева // Вестник Бурят. гос. ун-та. Психология. Социальная работа. 2013. Вып. 5. С. 74–78.
58. Санжаева Р. Д. Психологическая готовность к профессиональной деятельности студентов военизированного вуза / Р. Д. Санжаева, Ю. В. Боленко // Вестник Бурят. гос. ун-та. Психология. Социальная работа. 2014. Вып. 5. С. 64–70.
59. Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Москва: Товарищество науч. изд. КМК, 2002.
60. Социальное сиротство как актуальная проблема современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 2 июля 2016 г.) / отв. ред. Т. С. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 234 с.

61. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни / В. П. Серкин. Магадан: Изд-во СМУ, 2005. 330 с.
62. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 272 с.
63. Слободчиков В. И. Духовное бытие человека / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев // Психология духовности: хрестоматия. Липецк, 2002. С. 5–16.
64. Татарко А. Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. психол. наук / А. Н. Татарко. Москва, 2004. 192 с.
65. Узнадзе Д. Н. Установка у человека. Проблема объективации / Д. Н. Узнадзе // Психология личности в трудах отечественных психологов. Санкт-Петербург: Питер, 2000. С. 87–91.
66. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избранные труды / Д. И. Фельдштейн. Москва: Флинта, 1999. 672 с.
67. Чимитдоржиев Ш. Б. Кто мы — бурят-монголы / Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: Ассоциация литераторов Бурятии, 1991. 59 с.
68. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 264 с.
69. Шумилин Е. А. Психологические особенности личности старшеклассника / Е. А. Шумилин. Москва: Просвещение, 1986. 224 с.
70. Цветкова Р. И. Мотивационная сфера личности студента как субъектно-развивающаяся система / Р. И. Цветкова. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2006. 200 с.
71. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества / А. В. Юревич // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 41–58.
72. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.

ГЛАВА 2
БАЙКАЛ ТАИНСТВЕННЫЙ, МНОГОЛИКИЙ И РАЗНОЯЗЫКИЙ
CHAPTER 2
MYSTERIOUS, DIVERCE, AND MULTILINGUAL BAIKAL

© *Санжаева Римма Дугаровна*
доктор психологических наук, профессор Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, e-mail: rimmasan24@mail.ru

Sanzhaeva Rimma Dugarovna
PhD in Psychological Science, Professor of General and social
psychology Buryat State University, Ulan-Ude

«Славное море — священный Байкал, славный корабль — омулевая бочка...» — кто из россиян не знает этих слов песни...

Сколько песен, стихов, сказок и легенд, картин создано народами, проживающими не только у Байкала! Сколько книг, рассказов написано, проведено исследований о чуде Байкала, внесенного в список Всемирного наследия ЮНЕСКО 5 декабря 1996 года. Мир Байкала очень многосложен, а его уникальность и бесценность признаются всем миром.

Мало кто и когда писал о Байкале без любви, да это и невозможно... Но есть человек, который родился, вырос и окончил школу в трех прибайкальских деревнях: Дубинино, Оймур и Байкало-Кудара, и все последующие годы своей жизни стремился внести посильный вклад в защиту Байкала, а лучшее время творчества и досуга отдавал священной морю. Это Александр Дмитриевич Карнышев, и можно уверенно сказать, что его судьба навечно переплелась с Байкалом, он черпает и вдохновение, и радость в описании этого уникального природного явления.

А. Д. Карнышев — известный отечественный психолог, доктор психологических наук, профессор, автор более 500 научных трудов, множества книг о Байкале, но детищем его является труд, книга в 500 страниц, красивый фолиант «Байкал таинственный, многоликий

и разноязыкий», название которого вынесено в название главы монографии с целью выделить этнопсихологию ряда байкальских реалий.

У автора песни «Славное море — священный Байкал» Д. Давыдова есть поэтическое признание: «Знакомый с нравами бурята, я чтил его привычки свято». Именно такой подход при взаимодействии разных народов можно и нужно считать главным ресурсом контактов, и книга «Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий» будет содействовать этому.

Александра Дмитриевича (для меня навсегда просто Сашу) я знаю с 1 сентября 1970 года, когда мы первокурсники-филологи Бурятского ГПИ имени Доржи Банзарова (ныне БГУ) собрались, чтобы отправиться в колхоз на сельхозработы в Джидинский район. Прибывший в институт после армии, он выделялся организаторскими способностями. С тех пор мы восхищались его лидерскими качествами, неординарностью, целеустремленностью и напористостью. Эти качества плюс доброе и внимательное отношение к людям присущи его внутренней психологии, поэтому проявились с первых курсов учебы. Отец его Дмитрий Федотович Карнышев, инвалид Великой Отечественной войны, был сельским учителем, директором школы, прожил 87 лет. Вот откуда педагогическая жилка у Саши. Студентом-литератором он поражал нас начитанностью, знанием поэзии, мог часами наизусть читать стихи. Уже в студенческие годы мы увлеклись психологией, которую нам творчески и умело преподавал кандидат психологических наук, доцент, первый заведующий кафедрой психологии БГУ Валерий Петрович Битуев. Психология была важным предметом в подготовке учителя, а с легкой руки Валерия Петровича она стала целью и смыслом жизни для Саши, меня и для нашей однокурсницы, подруги Гали Цоктовой (Плахтиенко), которая уехала на стажировку в Москву и осталась верна психологическому факультету МГУ им. М. В. Ломоносова, где трудится и по сей день. В столице и встретила спутника жизни.

В предверии 20-летия создания социально-психологического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова с глубоким уважением и благодарностью вспоминаем основателей кафедры психологии Бурятского госпединститута им. Д. Банзарова, кандидатов психологических наук, доцентов, учив-

шихся в аспирантуре и защитившихся в Москве: первого заведующего кафедрой Валерия Петровича Битуева — ученика А. В. Петровского; Галсана Батоевича Батоева и Эрдэни Карповича Хадаханэ — учеников Н. Д. Левитова, Лию Ошировну Константинову и других коллег. Они указали нам дорогу в аспирантуру, докторантуру, стали примером для нас, Карнышева А. Д., меня, Мироновой Т. Л и многих других.

Благодарность и низкий поклон нашим прекрасным преподавателям языка и литературы филологического факультета, заложившим для нас крепкую методологическую основу для психологических концепций единства языка и мышления, сознания и речи, психолингвистики, пути познания психологии души человека через миры Достоевского, Толстого...

Счастье, что мы встретились с куратором нашей группы Вампиловой Серженой Валентиновной — прекрасным лингвистом, удивительным человеком, творческой личностью. Она открыла нам мир искусства, доброты, профессионализма. Наша группа как лучшая в БГПИ была награждена поездкой в Москву.

В годы учебы Саша был комсомольским лидером факультета, института. После окончания института работал директором школы № 9 г. Улан-Удэ, в сложном районе Батарейки. Его снова пригласили в институт, он принимал активное участие в строительстве нового здания института, возглавлял студенческие стройотряды на Камчатку...

Важный этап — начало научной деятельности А. Д. Карнышева: он поступил в аспирантуру к доктору психологических наук, профессору Иркутского ГПИ Владимиру Григорьевичу, одному из основателей сибирской психологии, успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

В Бурятском госуниверситете он возглавлял кафедру психологии, стал проректором по науке. Выиграл выборы в Народный хурал (Думу) Республики Бурятия, стал заместителем Председателя Народного хурала. Но тяга к науке все-таки победила!

В настоящее время Александр Дмитриевич работает в Иркутском госуниверситете, куда позвал его учитель, профессор В. Г. Асеев. Сегодня он один из известных российских психологов, автор новых идей, направлений: экономическая этнопсихология, психология старообрядцев и др., научный руководитель более 20 кандидатов

наук и т. д. Был оппонентом на защите моей докторской диссертации. Это настоящий друг, мудрый человек, который всегда поможет, подскажет. Счастливый супруг, папа, воспитавший дочерей, кандидатов психологических наук, дед множества внучат! Спасибо вам, дорогие Саша и Ирина, милая спутница жизни нашего уважаемого товарища! Счастья вашей большой семье! Человечность Саша проявил и в том, что в Иркутске опекал пожилых родителей жены.

Среди профессиональных направлений научно-практической деятельности Александра Дмитриевича важно отметить этнопсихологию и кросс-культурную психологию. Большой вклад в анализ проблем такого рода он сделал, являясь научным руководителем многих международных конференций по этнопсихологии, по культурно-экономическому сотрудничеству с коллегами из Германии, Польши, Франции, Китая, Монголии в рамках его концепции межкультурной компетентности личности. Данные показывают, что в обществе усиливается понимание важности и нужности межэтнического диалога на всех уровнях, жестких мер по преодолению ксенофобии и конфликтов. Во многих выступлениях проходит мысль, что в России как можно скорее надо отточить все «инструменты» эффективного межнационального общения, принять все меры, чтобы межнациональный мир утвердился повсюду.

Докладчики подчеркивали, что содержание межэтнического взаимодействия не может быть одинаковым во всех странах и весях. Так или иначе оно зависит от особенностей региона, в котором у людей формируется определенный менталитет и происходят основные межличностные контакты. Поскольку Сибирь и Дальний Восток находятся с одной стороны в восточной части РФ, а с другой — на стыке европейских и азиатских культур, во многих выступлениях затрагивались проблемы взаимодействия Востока и Запада. На конференциях звучат доклады об особенностях МК коренных этносов Сибири (буряты, эвенки, малые народы Приамурья, Камчатки и т. п.), у русских старожилов азиатского края, об их опыте преодоления ксенофобии и конфликтов и т. д. В монографии «Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия», вышедшей в Иркутском госуниверситете в 2014 г. под ред. А. Д. Карнышева, есть раздел, подготовленный китайским психологом Ван Цзин и Р. Санжаевой:

«Конфуцианство и ценностно-смысловые ориентации в контексте этнокультурного взаимодействия». Авторы подчеркивают, что именно конфуцианский тип менталитета создает в народах здоровую иммунную систему, защищающую восточного человека от влияний Запада. Япония, Южная Корея, Сингапур сформированы на основе принципов воспитания древней китайской культуры. Ядром древнекитайской культуры является философия конфуцианства, точнее, объединение конфуцианства, даосизма и цзен-буддизма, рациональным фактором которого является стремление к всеобщей гармонии в ценностно-смысловой сфере личности. Такого рода анализ важен для межэтнического взаимодействия, и высокая оценка проф. Карнышева была очень ценна для нас.

В своем научном арсенале А. Д. Карнышев имеет более 500 работ, среди которых много монографий и учебных пособий, вышедших в издательствах Москвы, Иркутска, Улан-Удэ и других городов. Выиграл ряд грантов РФФИ. Около двадцати его учеников защитили кандидатские диссертации. Александр Дмитриевич является членом диссертационных советов в Иркутском, Томском, Тихоокеанском университетах. Говоря об учениках А. Д. Карнышева, важно отметить, что дочери Елена и Ольга пошли по стопам отца. Рождение такой научной династии знаменательное событие.

Пожелаем дорогому Александру Дмитриевичу наилучших благ и успехов во всех его добрых делах и постараемся сделать обзор его фундаментального труда — книги «Байкал таинственный, многоликий и многоязыкий» в контексте «Буряты и Байкал».

* * *

Околобайкальские степи, лесостепи и межгорные долины нередко называют землей Гэсэра, памятуя о древнем бурятском баторе — герое Гэсэре. О нем существует множество сказаний в благодарной памяти народа. Они сохранили до сих пор свою первозданность, поэтичность, яркие описания жизни бурят и их вождей. Русский перевод эпического сказания «Абай-Гэсэр-Богдо-Хан», записанный бурятским этнографом и фольклористом М. Н. Хангаловым со слов народного рапсода Петкова-Тушемилова и своего отца Николая Хангалова, был опубликован в 1893 г. знаменитым русским путеше-

стенником Г. Н. Потаниным во втором томе описания его путешествия в центральную Азию в 1884–1886 гг.

Абай-Гэсэр в своей земной жизни совершал знаменитые подвиги ради людей. Богатырь в родных и чужих краях встречается со множеством разных людей, человекообразными существами, вступает с ними в противоборство как с непознанными и враждебными силами. Совершив свою миссию на земле, обеспечив мир и покой народу, Гэсэр должен был вернуться на небо, но он отказался от этой счастливой участи и остался в родных краях:

*На любимой земле цветущей,
И людей и зверей кормящей,
Табуны и стада пасущей,
Родниковой водой поящей,
Стал по-прежнему мирно жить,
Для народов защитой быть.*

Байкал не мог быть для большинства бурят — прежде всего, детей степи — обетованным местом, «и людей и зверей кормящим», но они его знали и почитали. По поверьям западных бурят, у озера-моря был свой хозяин — владыка водных просторов, который представлялся в облике белобородого старца в белых одеждах, а жил он в серебряном дворце на дне озера. Об аналогичных вещах говорят предания, записанные М. Н. Хангаловым. В частности, Байкал имел личное божество, представляющее само олицетворенное озеро или море; буряты, жившие на байкальском острове Ольхон, приносили жертвы особой богине — хозяйке моря (далай эжин) Аба-хатан; существовала особая богиня — дочь моря. Балаганские буряты говорили, что Байкал имеет 9 сыновей и одну дочь; девять сыновей моря — это река Селенга с ее притоками или 9 больших рек, впадающих в Байкал, а дочь — река Ангара. Байкал (эжин Байкала) говорит следующее: «9 сыновей моих собирают мне добро, а единственная дочь моя всегда его увозит и не скажет доволью» (15, т. 1, с. 260).

По-видимому, можно и нужно говорить о том, что в давние времена для бурят, знавших Байкал, он был не столько «источником пропитания», сколько местом поклонения и обожествления. А. М. Ста-

ниловский так сказал об этой особенности прибайкальского бурята: «Он в целом ряду поколений родился здесь; он сжился с этим таинственным и могучегрозным морем. Он не себя, а его привык считать своим хозяином. Бурят почтительно просит у моря добычи, молится на него, трепещет, глядя на него...» (14, с. 104).

Одной из причин почитания бурятами Байкала и окружающей его местности было, по-видимому, наличие на этой территории высоких гор. Вообще культ гор занимал исключительное место в традиционных верованиях бурят, являясь самым распространенным, универсальным и многоплановым культом, охватывающим все сферы жизнедеятельности родового сообщества. Скорее всего, истоки культа гор уходят в глубокое прошлое, когда мифологическое сознание древнего человека связывало в единое целое природу (макрокосмос) и человека (микрокосмос). Образ горы выполнял в этом сознании роль посредника между противоположными началами мироздания — небом и землей, миром духов и миром людей, жизнью и смертью и т. д. Священная гора нейтрализовала и гармонизировала эти оппозиции, приводила их к синтезу, позволяла осуществлять взаимодействие человека с космическими силами [1].

В географическом плане горы позволяли иметь четкие ориентиры, по которым узнавалась территория, где жил род, и это чувство объединяло соплеменников. Обряды, совершаемые на «родовых» горах, способствовали социально-психологическому единению сообщества, вносили во внутренний мир человека переживания взаимовыручки и взаимопомощи. Кроме того, особо примечательные и причудливые скалы выполняли порой определённые психологические миссии. Мы уже писали о шаманском камне в истоке Ангары — «заставляющей вздрогнуть скале», которой приписывалась бурятами способность выявлять правду и ложь у человека, на ней находящегося, возможность быть своего рода критерием истины. Камни как бы отражали для аборигена общую праведную благочестивую сущность природы: она не терпит неискренности и фальши как по отношению к себе, так и во взаимодействии между людьми. На это настраивали и различные небесные кумиры.

У бурят вслед за почитанием божеств неба шло почитание земли. Земля считалась благодетельным божеством, дарующим всевозмож-

ные земные блага. Буряты представляли ее в виде старухи, добродетельной матери, кормилицы всех живущих на земле и одаривали ее эпитетами «золотая» и «желтая». Кроме общего почитания земли свято чтились и места, на которых расположены жилища. Названия духов, хозяев родных мест: *ухэр* (счастливый) и *байан* (богатый) — показывали, что божества являлись добрыми существами — покровителями семейного счастья и домашнего хозяйственного благосостояния. Почитание земли сочеталось с почитанием духов — предков, давших жизнь и благосостояние. Копание земли без надобности или удар по земле нарочито считались у бурят грехом.

Упоминание о матери Земле почти во всех религиозных ритуалах все же не сопровождалось специально установленными для богини земли жертвоприношениями. По мнению бурят, она настолько обильна и добра, что в приношениях не нуждается:

*Земля — море богатых,
Есть-пить просить не будут.*

Среди бурханов (богов), пользующихся общим почетом у бурят, были добрые божества — хозяин острова Ольхона, Высокий белый князь, живший в трех великолепных дворцах и имевший 33 присутственных места; хозяин Голоустной. По мифологии, Высокий белый князь считался братом Эрлек-хана и Далай-ламы. Он мог творить людей, и такие люди считались весьма предприимчивыми, энергичными и наделенными сильной волей.

Как и для многих кочевых народов, основой хозяйствования бурят были пять видов скота (табан хушуун мал): лошади, овцы, коровы, козы, верблюды. И многие особенности жизни и быта бурят связаны с этими животными. Для примера можно взять имена и фамилии бурят. С основой «конь, лошадь» встречаются мужские имена Азарга (жеребец), Дааган (жеребенок), Адуун (косяк); основа «корова»: Буха (бык — производи- тель), Буру (теленок), Мухар (комолая корова). Основа «коза» дала жизнь именам Амагай (самка козла), Ухана (молодой козел), а овца — Хурьган (ягненок), Хуса (баран-производитель).

Немало у бурят имен и фамилий, связанных с названиями диких животных: Баахалдай — медведь; Барас — барс, тигр; Бодон — дикий кабан, вепрь; Буга — олень, изюбр; Гуран — самец косули; Хэримэн — белка; Хулгана — мышь и др. Среди «птичьих» названий

распространенностью пользуются: Бурхууд — беркут, Галун — гусь, Турлааг — ворон, Наман — сокол, Харсага — ястреб. Рыбы представлены именами Алгана — окунь, Зоодой — ерш, карась, хотя такого рода названий в бурятском языке мало. Чаще имена увязываются с растениями: Зандан — сандаловое дерево, Ногоон — зелень, трава; Хуша — кедр; Таряан — хлеб, зерно; Сэсэг, Цэцэг — цветок и др. Как уже говорилось выше, эти моменты были еще одним связующим звеном между миром человека и миром природы.

Основная линия нашей статьи — повествование о Байкале — предполагает обязательное освещение позиций бурят по отношению к водной стихии. У них был свой «сонм» царей морей, озер и рек, так называемый Ухан-Хат. Первое место между божествами Ухан-Хата принадлежит Ухан-Лобсону и его жене Ухан-Дабан, покровителям морей, рек и озер, разделяющим с другими божествами Ухан-Хата господство над водной стихией. Эти божества живут на дне глубоких вод и оттуда властвуют не только над стихией, но и покровительствуют бурятам, защищая их от злых духов, так как сами принадлежат к существам добрым, благорасположенным к людям. Но в то же время в воде и на земле обитало множество низших существ, называемых «ухани бохолдой» — «водяные духи», которые не что иное, как души утопленников обоего пола. Эти водяные духи живут в воде и стараются, если возможно, утопить человека, чтобы его душа присоединилась к ним. На теле утонувшего появляются синие пятна, что объяснялось тем, что водяные духи схватывают его, жмут и тянут на дно, чтобы человек не вышел из воды.

Согласно поверьям бурят, у леса и тайги был свой хозяин — Ойн эжин, точно также как у зверей, — свой аңи эжин. Причем последнее в отличие от первого было во множестве в различных местах: когда уменьшалось количество того или иного зверя в каком-нибудь районе, буряты говорили, что хозяин зверей проиграл другому хозяину. Хозяин леса считался божеством очень богатым, но богатство его заключалось в разного рода зверях: у него целые табуны лосих с жеребцами, изюбрих с жеребцами — изюбрами. Он ездил верхом на громадных черных лосях, почему буряты считали грехом бить темно-бурых лосей. Однажды один голоустинский бурят убил громадных размеров темно-бурого лося, который, падая замертво, по словам

охотника, застонал протяжным, в душу проникающим голосом, как больной человек. Охотник рассказал об этом на таборе, а ночью во время сна увидел сон, «что он стоит перед белым-белым стариком, который стал бить его камышовой тростью, приговаривая: «Зачем ты убил самого лучшего, большого моего жеребца?» С каждым ударом старика, рассказывал потом бурят, терял я сознание. Наутро бурят пробудился больным в беспамятстве. Его отвезли домой. И только после принесения жертвы тунгусским шаманом хозяину зверей бурят выздорovel» (б).

Бурятские исследователи Н. В. Абаев и Л. Л. Абаева показывают разные истоки шаманизма народов, проживающих в Байкальском регионе: «Исторически шаманизм бурят восходит к шаманизму тюрко-монгольских народов Центральной Азии, а шаманизм эвенков — к верованиям и культурам тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и Сибири» [1, с. 453]. Наверное, «таёжный» шаманизм тунгусов был в связи с адаптированностью к ландшафтам более «работоспособным» и кое в чем мог «перебарывать» шаманизм бурят из степных регионов Сибири. Байкальский шаманизм в силу взаимодействия народов не мог не вобрать в себя созвучные идеи, обряды, таинства из разных этносов. Более того, М. Н. Хангалов приводит предание, что первым спустившимся с неба бурятским шаманом был орел, который впоследствии из-за непонимания его людьми был вынужден передать свой шаманский сан женщине-тунгуске (Хамниган-Эжи). От этой тунгуски родился мальчик, который действительно стал бурятским шаманом Бохоли-Хара [15, т. 2, с. 112–113]. Правда, такие легенды бытуют у иркутских бурят, у их соплеменников за Байкалом несколько иные предания. Но, учитывая такие легенды, посмотрим на мыс Хаман кит («Шаманское место»), что расположен на несколько километров южнее горячего источника Хакусы. Поднявшись на мысе чуть выше, находишь три пещеры-разлома, одна из которых уходит в глубь горы на расстояние не менее 30 метров и высоту до 10 метров. Идеального места для шаманских камланий нельзя придумать, и, наверное, с древности и жизнь племен, и древние ритуалы проходили в них. Сегодняшнее вынужденное забвение эвенками давних традиций, очень и очень редкое посещение ими шаманских мест не только отрывает этнос от духовных корней, но и делает все

более «неопределенным» будущее народа. Хорошо, хоть буряты как потомки прародительницы-шаманки не забывают многие обычаи и обряды своих предков.

Призывания бурятских шаманов направлены к высшим силам с тем, чтобы они вносили гармонию во внутренний и внешний для человека мир. Можно показать это на отрывке из призывания одноклассника автора данных строк Владимира Нагуслаева — известного шамана Бурятии:

*Большая преграда
Ольхонская земля,
Большая долина
Кударинская земля.
Байкал — море омовения,
Селенга наша — утоление,
От огня происхождение,
От воды размножение.
Как лиственница ваша сила,
Как березовая роща — энергия,
Как сосновые горы — долголетие.
27 сыновей, 27 дочерей Лусэд,
Утреннюю зарю встречающие,
Вечернюю зорьку провожающие,
Как солнечные лучи — ангелы.
Сила ваша неизмерима,
Энергия ваша обширна.
Дайте нам долголетия,
Болезни и хвори прочь!*

Это призывание весьма ритмичнее и содержательнее звучит на бурятском языке.

Шаманский камень, лежащий в середине русла Ангары в её истоке, многие люди знают как чудесную легенду о появлении этого камня, которым старик Байкал пытался преградить путь своей своенравной и прекрасной дочери, тайно убежавшей к красавцу Енисею. Легенду знают многие, но мало кто осведомлён в том, что

камень славен не только и не столько этим легендарным прошлым, но и тем, что служил культовым пристанищем для молитвенных обрядов бурятских шаманов. Не менее интересно то, что он был своего рода «клятвенным» местом, на которое отправляли людей, подозреваемых во лжи или измене, особенно в этом плане «везло» неверным женам. Считалось, что человек, высказывающий неправду, обязательно будет наказан за свой грех на этом камне.

На северо-западном побережье Байкала особой загадочностью выделяется мыс Рытый, который образован песчаными и каменистыми наносами реки с красивым женским именем Рита. Буряты ставят Рытый в один ряд со знаменитой Шаман-скалой на Ольхоне и не только почитают это место святым, но и до сих пор боятся его. Согласно их старинным преданиям на мысе нашли себе обиталище свирепые духи — сыновья божества Ухэр (бур. Ухэр — «вол», рогатый скот) по именам Азрэ и Алмэ. Братья-холостяки в свое время были небожителями или «жителями грома», а впоследствии взялись за охрану местности. Да и сам этот языческий кумир покоится на этой земле. Появление на мысе для аборигенов, бурят и эвенков, и сегодня является табу, поскольку это может привести к тяжелым последствиям от болезней до психических расстройств. Крайне нежелательными являются посещения мыса женщинами. Особо опасным считается вход в ущелье реки Риты, и если туда забредает скот, люди боятся выгнать его оттуда, так как считается, что животные стали собственностью духов, и новые хозяева так просто не распростиются со своим достоянием. Аборигены хранят предания о том, что в древние времена на мысе находились поселения людей. Если рассматривать данный факт в свете археологических находок в районе Малого моря, о которых мы уже рассказали, то в этих воспоминаниях нет ничего нереального. По сей день на Рытом при желании можно найти соответствующие свидетельства: остатки каких-то квадратных фундаментов; пирамидальные груды камней, сильно напоминающие древние захоронения; искусственная каменная стена на крутом склоне слева от реки Рита, протянувшаяся с северо-востока на юго-запад более чем на 800 метров и высотой около метра. Возможно, эта стена была создана древними жителями для облавных охот, хотя последние, как считается, не были распространены в таежной Сибири.

Весьма интересна легенда, связанная с мысом Рытый, которую приводит С. Волков. В этом месте сходилась граница между землями охотничьими, пахотными и лугами для выпаса скота и лошадей. Из-за давнего соперничества за владение землями мыса однажды разгорелся спор о шаманской силе между эвенкийским, якутским и бурятским родами. На великую битву от каждого рода вышло по шаману и богатырю. Шаманы заявили: чтобы нам биться с молниями, нам нужны скалы с расщелинами без деревьев, — и удалились в ущелье. Богатыри сказали: чтобы нам разминаться, нам нужна просторная земля без растений, — и остались на равнине мыса. Началась великая битва, продолжавшаяся не одни сутки, однако в этой схватке никто не победил, никто никого не одолел. После битвы трех шаманов и трех богатырей место стало проклятым. Битва разбудила дух захороненного здесь Ухэр-нойона, и на плодородную равнину скатился сель, перемешав землю с огромными камнями.

Локальное влияние бурятского шаманизма на природные хозяйственные традиции, а значит, и на социально-экономическую психологию людей целесообразно рассматривать по следующим направлениям:

- 1) психологическая вера рядовых «родовичей» в истинность шаманских канонов и необходимость следовать им в житейской практике;
- 2) непосредственное влияние шаманов на хозяйственную деятельность локальных этнических сообществ и их членов;
- 3) регулирование шаманскими традициями и обрядами поведения представителей разных этносов в некоторых сферах жизнедеятельности человека, прежде всего в охране и защите окружающей среды;
- 4) влияние шаманизма на взаимопонимание и сотрудничество народов, проживающих в полиэтнических регионах Сибири;
- 5) предметы и ритуалы шаманизма как своеобразный религиозный «товар» для туристов и страждущих приобщиться к таинствам шаманов.

Не трудно понять, что в социально-психологическом плане «немистифицированные» аспекты представленных реалий значимы и в сегодняшних деятельности на природе.

Здесь мы подошли к факту признания не только особенностей происхождения бурятских шаманов из Прибайкалья, но и в целом о значении их родословных. У шаманистов есть выражение удха абаха — получить наследственность, т. е. происходить от предков определённого шаманского и дарханского рода. Кстати, наряду с шаманистским у бурят очень ценилось кузнечное происхождение: дархан — кузнечный корень, кузнечная генеалогия. Скорее всего, человек, который повелевал огнём и железом, вызывал глубочайшее уважение и почитание и у бурят, как у многих других народов. Достаточно вспомнить, что у разных национальностей одна из распространённых фамилий связана со словом «кузнец»: у англичан — Смит, у немцев — Шмидт, у чехов — Коварж и Коваржик, у венгров — Ковач, ну а у русских — Кузнецовы и Ковалевы. У кабанских бурят — одной из самых многочисленных территориальных групп бурят в Прибайкалье — почитались Дархан ноен и его жена Дайгал — хозяин и хозяйка Байкала (в некоторых родах просто Даир сагаан ноен). Дархан Сагаан Тэнгэри был у бурят богом кузнечного ремесла, покровителем рода кузнецов. Кстати, шаманы или близкие к ним люди с фамилиями Дархановы нередки в районе Байкало-Кударинской степи.

Семейно-родовая сущность шаманизма, его психотерапевтическая эффективность проявились, на наш взгляд, в одном весьма значимом факте. Дело в том, что буряты-шаманисты Прибайкальского и Забайкальского регионов (не говоря уже об эвенках) оказались слабо подверженными внутренне, психологически внешнему воздействию «чужеродных» религий. С одной стороны, несмотря на достаточно быстрый переход родственных племен селенгинских и забайкальских бурят под ламаистские (буддийские) знамена, байкальские (и в целом иркутские) буряты вплоть до XX в. сохраняли верность своим богам. Построенные в данное время А. Доржиевым дацаны и дуганы тоже оказались маловостребованными. С другой стороны, крещение байкальских бурят (откуда среди них много фамилий Егоровы, Семеновы, Ивановы и т. д.) и их более чем двухсотлетнее пребывание в лоне христианской религии также не оказалось внутренне воспринятым атрибутом. Стоило «советской власти» начать гонения на христианскую религию, стремиться подменить ее научным атеизмом, и аборигены не стали противиться данным тенденциям, быстро отвернулись от сво-

его внесенного в народ христианского прошлого. При этом внутренняя приверженность шаманизму сохранялась у многих индивидов и родов этноса. Взаимосвязь, взаимозависимость и одновременно психологический потенциал влияния шамана на окружающих членов рода зиждились на следующих моментах:

- большинство шаманов по своей генеалогии имели немало известных предков, принадлежащих к конкретному роду, и были определенными «выразителями» положительных качеств рода;
- шаман и его предки зачастую выступали представителями рода во взаимодействии с духами и божествами, защищали сородичей от дурного влияния некоторых из них;
- шаманы могли общаться с давно умершими предками и темами, вызывать их на поддержку родовичей и в случае смерти членов рода сопровождать их души в «мир иной»;
- в силу названных причин шаманы были реальными почитаемыми лицами не только в «потусторонних» и мистических делах, но и в повседневных заботах, и это усиливало их лидерский авторитет;
- в камланиях шаманов, в реализуемых ими обрядах члены рода выступали не просто как свидетели и наблюдатели, но чаще всего как соучастники, «сорежиссеры», и эффекты сопереживания событий скрепляли и сплачивали людей.

Надо сказать, что интерес к шаманизму, его лечебным ресурсам в мире растет и им начинают заниматься авторитетные ученые. Так, вышли книги А. Минделла «Геопсихология в шаманизме, физике и даосизме» и «Тело шамана» [9, 10]. В списке литературы нашей книги также много источников [11, 16, 17, 18], но остановимся на работе одного современного автора, особо обратившего внимание на лечебные возможности шамана. Герой книги психолога В. Серкина «Хохот шамана», занимаясь шаманским целительством, стремится делать отвары и настои на той воде, на которой растение выросло. Шаман считает, что так лучше восстанавливаются свойства растения. «Как кровь вливать — своя лучше донорской» [13, с. 62]. Что материально скрывается за подобными реалиями? На этот вопрос дать однозначный ответ очень трудно, но вполне возможно предположить, что в данном случае изоморфизм необходимых организму

веществ и соответствующих соединений из внешней среды реализуется на более высоком уровне, с большей медицинской точностью «попадания». Отмечу самый важный аспект цитируемой книги: она написана доктором психологических наук, судьба которого, с одной стороны, связана с научными школами МГУ и «Вышки», а, с другой стороны, — с практическими действиями шаманов Дальнего Востока. Его книга — одно из важнейших в современной России исследований шаманизма. Кстати, приезжая на конференции в Иркутск, он бывал на Ольхоне и даже обменивался взглядами с усть-ордынскими шаманами. Британский исследователь психологии искусства и артистической деятельности Г. Вильсон считает, что в современном обществе функции шаманизма разделились между различными группами людей, которые возникли на его основе и сохранили главные компоненты шаманского искусства:

1. Врачи, психотерапевты и практики «альтернативной» медицины исполняют роли целителей или знахарей.

2. Проповедники и священники осуществляют контакты со сверхъестественным миром (Бог, небеса, умершие и т. п.).

3. Кумиры публики, актеры и музыканты аккумулируют такие мощные чувства, как секс и социальный процесс [3, с. 63].

Важнейшие позитивные ресурсы шаманизма кроются в двух его функциях: формировании бережного отношения к природе и психотерапии некоторых болезненных состояний. В обоих случаях у шаманизма есть весомые народные традиции.

Разговор об истоках шаманизма в целом и в Байкальском регионе мы начали с двух мыслей: во-первых, о его общераспространенном, но локальном характере (в пределах племен и даже родов), во-вторых, о его существенном психологическом значении для человека и этнической группы. Созвучными мыслями заканчивается очерк Н. Л. Жуковской о значении и предназначении бурятского неошаманизма. «Однако культурно-экологическая ниша, которую занимает шаманизм и в рамках которой он живет и действует, и сегодня одна и та же. Это малая родина — место, где человек родился, это могилы предков, это сами предки и память человека о них, которая становится все слабее, а значит, рвется нить преемственности предков и потомков, без которой человек в этом мире беззащитен. Задача

шамана и шаманизма — не допустить этого, не дать забыть человеку о его истоках, оберегать и хранить его генетическую память».

Инновационные формы, появляющиеся в шаманской практике, значительно расширяют круг заинтересованных мировоззрением и ритуалами шаманов. Обилие инновационных форм шаманизма, пусть даже его «суррогатов», не умаляет, а повышает его коммерческую «стоимость», поскольку увеличивает количество людей и организаций, рекламирующих «товар». Не случайно, количество желающих побывать в шаманистских местах Тывы, Бурятии, Хакасии и других регионов Сибири со стороны отечественных и зарубежных туристов, в последние годы постоянно увеличивается. А это, как ни говори, дополнительные доходы и для предпринимателей, и для бюджетов территорий.

Но, к сожалению, приходится признать, что подлинно научное изучение шаманизма в его влиянии на гражданские чувства, природу и психологическое здоровье не модно и не востребовано по ряду причин. Основная из них та, что шаманизм был дискредитирован в годы советской власти, а идентификация себя с данной религией считалась ущербной. Но ведь иное было в Байкальском регионе до революции. Вот лишь один пример. В 1902 г. иркутский ученый-краевед М. Хангалов вместе с французским этнографом, академиком П. Лаббэ совершил экспедицию по изучению шаманства западных, а именно унгинских, бурят. За такое сотрудничество и свои знания Хангалов был удостоен диплома лауреата Академии (officer de l'Academie) от Министерства народного просвещения и изящных искусств Франции.

В 2018 г. в университете Париж 8, где проходила школа преподавателей и студентов Бурятского и Иркутского госуниверситетов, на круглом столе «Экономический патриотизм и особенности межнациональных отношений» прозвучало выступление А. Карнышева и О. Карнышевой «Маршруты взаимопонимания с Россией академика Поля Лаббэ». В выступлении отмечалось, что позитивное наследие в отношении шаманизма со стороны П. Лаббэ и М. Хангалова надо обязательно возрождать и развивать. Отмечая в целом негативное отношение к шаманизму сегодня со стороны некоторых представителей общественности, политиков и СМИ, авторы призывали противопоставить этому научные взгляды. В качестве аргумента были

приведены и тезисы из американской психологической энциклопедии: «представление о шаманах и шаманизме сводилось к тому, что они являются продуктами примитивного или патологического мышления, с щедрым использованием при его характеристике таких диагнозов, как истерия, эпилепсия, психотизм и шизофрения. Однако это не что иное, как отражение целого ряда прискорбных предубеждений, включая этноцентризм, широко известную тенденцию ставить диагнозы незнакомым переживаниям..., и отсутствие личного знакомства исследователей с шаманскими переживаниями и измененными состояниями сознания». В рамках заседаний летней школы в университете Париж-8 было сделано предложение о переиздании некоторых работ П. Лаббе во Франции. Это надо только приветствовать. Хорошо, если найдутся какие-то совместные работы П. Лаббе с М. Хангаловым. Это, несомненно, будет работать на взаимопонимание французского и российских народов. Кстати, во французском сборнике статей в Париже вышла работа о Священном море: «Байкал как источник ресурсов природосообразного развития человека и этноса».

В 2005 г. на Байкале появилось первое освященное строение, непосредственно связанное с буддизмом. Это ступа на острове Огой в Малом море, посвященная женскому божеству — Матери всех Будд. До этого, правда, в начале XX в. под покровительством Агвана Доржиева был построен дацан в поселке Хужир на Ольхоне, но в годы гонения на религии он прекратил свое существование. Следующие шаги внедрения буддизма на Байкал осуществились между селами Оймур и Дулан Кабанского района и имели свою предысторию. В первом десятилетии 2000-х гг. на горке, где расположено село, было построено специальное «святилище» Усан-Лопсон, где проходят разные религиозные мероприятия. Одним из главных инициаторов этого дела стал бывший одноклассник автора данного раздела по Байкало-Кударинской вечерней школе сельской молодежи, ее выпускник 1966 г. Владимир Нагуслаев. Скорее всего шаманское место у Дулана по своим сакральным потенциалам и ресурсам оказалось настолько «насыщенным», что под горой в нескольких сотнях метров ниже в 2016 г. был построен Байкальский буддийский дацан. При его планировании и постройке буддийские священнослужители руководствовались стремлением защищать приобретенные территории

от всяческих катаклизмов — пожаров, наводнений, а также стимулировать позитивные для жителей прибайкальских мест природные явления. Буддисты считают, что в этом месте расположились хозяева воды. Чтобы усилить влияние дацана и его территории на погоду и осадки, в даца- не установлены статуи восьми Луусуд-ханов или Нагов, привезенных из Монголии. Большой торжественный хурал освящения статуй Восьми великих Нагов состоялся 28 июня 2017 г.

При Иволгинском дацане — главном буддийском учреждении России — существует буддийский университет «Даши Чойнхорлин» им. Д.-Д. Заяева. В 2014 г. ректор и преподаватели этого университета выпустили книгу «Философия буддизма — путь к здоровью». В ней изложены не только важнейшие аспекты достижения духовного здоровья, но и конкретные рекомендации по преодолению недостатков, которые мешают человеку жить полноценно. Один из важнейших плюсов книги — изложение в ней основных буддийских заповедей:

1. Не убивай, но спасай чужую жизнь — первая заповедь буддизма.
2. Не бери того, что тебе не принадлежит, но уважай собственность других и практикой щедрости — вторая заповедь буддизма.
3. Не прелюбодействуй, но будь верен своему спутнику жизни — третья заповедь буддизма.
4. Не лги в речах своих, будь честным и искренним — четвертая заповедь буддизма.
5. Не клевети, но вноси гармонию между людьми — пятая заповедь буддизма.
6. Не говори грубо — шестая заповедь буддизма.
7. Не трать время на пустую болтовню или сплетни — седьмая заповедь буддизма.
8. Пресекай алчные мысли — восьмая заповедь буддизма.
9. Не намеревайся причинить кому-либо вред — девятая заповедь буддизма.
10. Верь в закон причины и следствия, не отрицай существование Будд, прошлых и будущих жизней.

Наверное, не надо пояснять, что соблюдение таких заповедей во благо человека и его здоровья, но и на пользу всем жителям Байкальского региона.

Существовала долгое время у бурят традиция, которую по современным меркам можно отнести к хищнической и даже губительной. Была она в историческом прошлом и у других народов Земли, причем даже раньше, чем у азиатских этносов. Называется она в разных местах по своей сути — облавная охота, то есть коллективные загоны зверей для их использования в пищу. Именно последний момент и был основной причиной такого рода занятий. Известная в истории Руси облавная охота на зайцев была устроена киевским князем Всеволодом в 1088 г., и до этого и после этого русские также участвовали в подобных мероприятиях. Более детально обратимся мы к этой традиции на примере прибайкальских бурят, чтобы лучше разобраться в общих для многих народов обычаях.

«Зээгэтэ аба» — одна из разновидностей облавных охот монголов, практиковавшихся с древних времен. Они были распространены у иркутских: приленских, приангарских и прибайкальских — бурят (место сбора на охоту у последних называлось тобша). Одним из первых описал их один из известнейших бурятских этнографов М. Н. Хангалов в 1880 г., затем вместе с политссылным Д. А. Клеменцом, подготовившим и опубликовавшим статью «Общественные охоты у северных бурят». Название «зээгэтэ аба» Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов переводят как охота на росомах («зээгэн» — росомаха, «аба» — облава). Впоследствии первоначальное значение слова расширилось и им стали называть охоту общими силами на всех зверей (15, т. 1, с. 16). Этот перевод вошел в современные словари бурятского языка.

С этим переводом не согласен, например, Е. М. Залкинд. Он убежден в том, что выражение «зээгэтэ аба» следует переводить как охота забором, то есть облава. Высказав уверенность в том, что облавные охоты никогда не составляли основу хозяйственной жизни бурят, Залкинд все же показывает, что они способствовали увеличению запаса продовольствия, имели известный общественно-родовой характер, и в прошлом, со времен Чингисхана, играли роль и в военном обучении. Мнение Д. А. Клеменца и М. Н. Хангалова оспаривает также С. П. Балдаев. Он полагает, что слово «зээгэтэ» происходит от «зээгэ» — обжора. Свою позицию он подкрепляет следующим рассуждением. Облавная охота у бурят возникла на заре их истории, когда техника охотничьего промысла находилась на очень низком

уровне развития. Охотники выходили на охоту либо с голыми руками, либо вооруженные палками или камнями. При неудачной охоте они голодали неделями и месяцами, вынужденно питаясь ягодами, травами, кореньями. При удачной охоте они набрасывались на добычу, ели досыта, до отвала — «зээглэхэ». Зиминские буряты до сих пор мясо, добытое охотой, называют «зээгэ», а об еде такого мяса говорят «зээглэхэ».

С. Г. Жамбалова в противовес цитируемым взглядам на основе фольклорных записей увязывает название облав с количеством участвующих в них людей: «Если в облаве до 300 человек, то она называется зэгэтэ аба, если в ней участвует до 500 человек, то һакта аба». Впоследствии было высказано предположение, что при участии 300 стрелков охота называлась зэгэтэ аба у прибайкальских бурят и аба хайдак — у забайкальских; при участии более 500 стрелков — хушуута аба, более 1000 — галшата аба» (6, с. 86–87).

На облавные охоты буряты собирались улусами, родами и даже племенами. Некоторые охоты насчитывали от трехсот до тысячи облавщиков. Для руководства такими коллективами избирались начальники: тубшины, галшины, хулушины, гаршины и прочие. Тубшин — это глава и распорядитель родовой, племенной или межплеменной охоты; галшин — начальник родового или племенного огнища; гаршин — начальник флангов; газаршин — знаток мест охоты. Охотники-облавщики были вооружены луком и стрелами, мечами и копьями. Каждый имел тридцать стрел, которые хранились в колчане. Охотник имел при себе нож, а также железные лопатки для рытья съедобных кореньев и топор.

Стрелам приписывалась особая магическая сила. К ним нельзя было без необходимости прикасаться. К стрелам относились как к живым, наделяя их именами, способностью угадывать намерения незнакомцев, определять правого и виноватого в споре, мстить за причиненную обиду и так далее. Столь же строго оберегалось стрелохранилище, украшенное обычно знаками из белого волоса, выражавшими (особенно белый цвет) удачу и счастье на охоте.

Облавные охоты проводились поздней осенью, зимой и весной, но всегда во время холодов. Летом облавы не устраивались. Перед выездом на зээгэтэ аба охотники совершали ритуальные кропле-

ния — обряд «сасали» (от слова «сасали» — брызгать, окроплять). При выполнении обряда на разведенном костре очищали все то, что приносилось в жертву, — вино, молочную еду, мясо. Огнем очищались и сами охотники. Бурятские облавы имели традиционную для монголов структуру: два фланга (крыла) и центр. По сигналу тубшина загонщики флангов продвигались навстречу друг другу. Постепенно цепь замыкалась, оба крыла, смыкаясь, образовывали круг охоты. Площадь круга порой была очень значительной. Двигаясь к центру круга, облавщики «загоняют» туда же зверей и там убивают их. Попавших в круг облавы зверей убивали либо стрелами из лука, либо копьями. Если в кругу облавы оказывались крупные звери — сохатые, изюбры, медведи, то облавщики спешивались и поражали зверя копьем. Такие схватки не всегда оканчивались победой охотника, иногда звери наносили ему тяжелые ранения. Бывало, что звери прорывали круг облавы и уходили. Но на крупных охотах это случалось редко, поскольку облавщики шли, сужая круг, двумя-тремя цепями.

В конце мая, после нескольких облав, все охотники направлялись к месту ночлега, куда уже свозились туши диких зверей и где они разделявались. Мясо делилось между всеми участниками. Если же добыча была большой, то часть мяса выделялась в особый «хан» — запасник, из которого оно бралось в случае последующей неудачной охоты или в случае, когда облавы в течение нескольких дней не проводились из-за погодных условий.

В бурятской легенде «Шаманов мыс», записанной Д. Лоровым в 1928 г., есть эпизод, рассказывающий об облавной охоте вблизи озера Байкал, проводимой ханом Ашхабадом вместе со своими родовичами, за которой наблюдал шаман. «Зэгэтэ аба идет уже пятый день. Хан Ашхабад трех сохатых свалил, изюбра, двух козлов. Сыновья, охотники на конях и пешком, не чувствуя усталости, били стрелами зверей, охваченных кольцом. Один шаман не выпускал стрелы, сидел на пне, не двигался, молчал... Но глаза его блестили, дрожали руки, и он переживал азарт.

В ряды уложена добыча: изюбры, сохатые, косули, кабаны. Кругом охотники толпятся, как вороны над жертвой. Ищут стрелы. Выдержи-

вают, рассматривают тамгу: наконечник железный четырехгранный или плоский с костяной зэбэ. Узнают, кто более удачлив, меток, храбр в тайге.

Зажигаются костры, трещат смолистые поленья, искры, сизый дым поднимается столбом. Шкуры сняты с добытых зверей, развешаны повсюду, головы с ветвистыми рогами кругом лежат. На лиственничных вертелах жарятся косули. Тащат тарасун в кожаных мешках. Все садятся в круг, мясо рассекают, режут, рвут, пьют терпкое вино. Шум голосов по тайге гудит и долго не смолкает».

Естественно, с современной экологической точки зрения подобные описания вызывают, мягко говоря, отторжение. Но реально этот обычай нельзя выносить за пределы житейской необходимости бурят, как и других народов, причём живущих в определённое время и в определённых условиях.

Не вызывает сомнения экономическое значение облавных охот, особенно на ранних этапах развития производительных сил. Однако, по данным конца XIX — начала XX в., на первый план выступают чаще иные причины, так как скотоводство, земледелие и индивидуальная охота на мясного и пушного зверя давали достаточно средств к существованию. Вероятно, при проведении облав большее значение придавалось их идеологической стороне. С. Г. Жамбалова пишет, что современные должжителы, представители этноса, подчеркивают, что аба проводилось не ради добычи, а для соблюдения обычая, завещанного предками. Аба — это «праздник мужчин» (6, с. 105).

Рассказу о «зээгэтэ аба» нельзя не провести параллель к современности. И сегодня существуют в быту у всех прибайкальских народов традиции охоты в загонах на коз, изюбрей, других животных. И это зачастую выливается в массовое убийство братьев наших меньших. Скудеет тайга, и от этого проигрывает сам человек. Не только потому, что обедняется окружающий мир, но и потому, что человек от таких действий становится более агрессивным, безжалостным, жестокосердным. А ведь так сейчас нужно милосердие не только к людям, но и ко всему окружающему миру.

Кратко описывая жизнь бурят у Байкала, нельзя не затронуть вопрос об их этническом смешении, прежде всего с русскими. Шедшие в Сибирь русские и «иже с ними» поселенцы далеко не всегда имели

возможность брать с собою женщин. И физиологическая потребность и необходимость продолжения рода заставляли этих людей искать себе спутниц жизни среди аборигенок. Причем, по нравам того времени, в способах и формах этого «поиска» сильная половина не в особенности разбиралась: наряду с добровольными межнациональными браками в ход шли и воровство девиц и их «покупка». К тому же у аборигенных народов Сибири, в частности у бурят, существовали давние традиции продажи женщин за уплаченный калым, многоженства состоятельных людей, а также «воровство» будущих супругов из других родов и племен (вспомним хотя бы трагическую ситуацию из жизни украденной от мужа первой жены Чингисхана — Борте, которую от брака в неволе спасли только мужество и доблесть супруга). Но всё же родившихся от смешанных браков и «безбрачья», особенно на первых порах, по-видимому, недолюбливали «несмешанные» и с той, и с другой стороны (по меньшей мере наделяли их отличительными прозвищами). Об этом говорит хотя бы бурятское слово «харим» (карым), означавшее русские понятия «чуждый», «отчуждённый», изменивший своей вере» или «вступивший в брак с русским». Появились даже населённые пункты, в которых проживали такого рода «смешанные» или «отчужденные»: ст. Карымская в Читинской области, с. Карымское близ Турунтаево в Бурятии, соответствующие названия сёл в Куйтунском, Усть-Удинском и других районах Иркутской области. Кроме того, людей, родившихся в смешанных браках, в Забайкалье называют «гуранами», хотя в прибайкальских районах это слово чаще означает коренного жителя сибирских мест. Конечно, такой «абориген» чаще и был «смешанным» с ярко выраженными чертами бурят и эвенков. Считается, что происхождение названия вызвано тем, что забайкальские казаки-старожилы носили шапки из гурана — дикого козла.

На территории Байкальского региона браки русских поселенцев поддерживали основанные здесь монастыри, стремившиеся таким путем обеспечить оседлость крестьян и тем самым усилить развитие земледелия в пограничных сибирских районах. Большой размах приобрела деятельность Троицко-Селенгинского монастыря, что расположен в 30 км от Байкала. Этот монастырь, считавшийся самым крупным в Забайкалье и одним из значительных

в Сибири, был основан в 1681 г. 22 февраля Московское правительство приняло решение о строительстве его на реке Селенге. На основании правительственного распоряжения тобольский митрополит Павел приказал игумену Феодосию, черному попу Макарию и с ними еще 10 монахам — «братам с Москвы» — отправиться в «Дауры» и там «где приишут» — построить монастырь во имя живоначальные троицы на Селенге-реке, и иных даурских городах и острогах, призвать и крестить в православную веру иноземцев...». Селенгинско-Троицкому, а дальше и Посольскому монастырям было предоставлено право селить на своих землях беглых и ссыльных русских и новокрещеных бурят. Чтобы укрепить основанные деревни, монастырь покупал у бурят жен и девиц, выплачивая за них калым (цена «женки» была 2 р. 60 к., лошадь продавалась за 3–5 р.), и после крещения выдавал замуж за поселившихся на монастырских землях крестьян. Таким образом, возникло метисное русско-бурятское население нескольких приходов на Селенге: Троицкий, Посольский, Кударинский и др. [7; 8].

Нередки были и случаи похищения бурятских женщин или бегства буряток в русские селения. В том и другом случае духовенство не препятствовало этому, понимая, как важен «женский элемент» в деле упрочения оседлости и хозяйственности, а потому чаще всего проводились обряды венчания аборигенок с похитителями. Сам факт крещения отрезал путь бурятской женщине назад. Что только и могли сделать «пострадавшие» родственники или обманутые мужья, то это вернуть свое имущество, которое уходило с похищенными или беглянками.

Запутанность рассматриваемого вопроса проявляется прежде всего в положении потомков лиц, вступивших когда-то в межнациональные браки или во внебрачные связи. Например, у автора этих строк предок в четвертом поколении был бурят Мунхэ из Абзаевского рода, подвизавшийся на шаманском поприще. Он женился на пришедшей в далекую байкальскую деревушку вологодской вдове и взял при регистрации брака в церкви ее фамилию и славянское имя Василий. Для этого ему пришлось креститься. Естественно, если брать за исходную родословную моего пращура, имеющего к тому же по крови родовичей-шаманов, то меня уверенно можно отнести

к «коренным из коренных». Но вот генеалогия моей прародительницы позволяет отнести меня к «пришлым» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Последние два признания показывают, что существовавшее длительное время кровосмешение не могло не отразиться на внешнем облике конкретных этнических групп. Это подтверждают и антропологические исследования. Так, изучение русских жителей Тарбагатайского и Байкало-Кударинского районов, осуществленное антропологом И. М. Золотаревой в 1956 г., показало, что жители из населенных пунктов Байкало-Кудары существенно отличаются от жителей первого. Оказалось, что у байкало-кударинских русских многие параметры внешнего облика обнаруживают четко прослеживаемую тенденцию в сторону монголоидного комплекса. Это, в первую очередь, различия цвета волос и глаз, развитие бороды, профиля хрящевой спинки носа, скулового диаметра, поперечного диаметра головы, физиогномической и морфологической высоты лица, роста и т. п.

Если учесть, что жители Тарбагатайского района являются в основном потомками семейских, которые по своим религиозным воззрениям жили более изолированной этнической группой и открыто противодействовали межэтническому кровосмешению (особенно с «инородцами»), а предки жителей Байкало-Кударинского района как раз-таки находились в поле действия вышеназванного Троицко-Селенгинского монастыря, то происхождение показанных различий не вызывает никакого удивления.

Кроме родственных или/и в их развитии существенное значение имеют дружеские, партнерские и другие связи, сутью которых является уверенность, что другой человек близок по своему образу мышления, что он честен, не подведет в трудных ситуациях. Не случайно на Востоке говорят: «Лучшее родство — доверие». Понимание этих двух моментов для позитивных межэтнических контактов особенно значимо для молодежи. Выбор старшеклассников школ для анализа данных аспектов межнациональных отношений был вызван двумя причинами. Во-первых, дети, пусть и старшего школьного возраста, хочешь не хочешь, а во многом репрезентируют установки и модели поведения своих родителей, особенно в таких «тонких» вопросах, как

межнациональные контакты. Во-вторых, для нашего исследования мнения молодых людей о некоторых нюансах межнационального согласия — это возможность хотя бы ориентировочно проложить вектор данного явления в будущее, понять, как могут развиваться контакты. В нашем исследовании по Иркутской области и Бурятии нас интересовал вопрос, имеют ли старшеклассники школ (N=481) родственников и друзей других национальностей. Результаты опроса отражены в таблице 1.

Таблица 1

Признание наличия родственников и друзей других национальностей у старшеклассников Байкальского региона

Национальность старшеклассников	Наличие у них			
	родственников другой национальности		друзей другой национальности	
	Есть	Нет	Есть	Нет
Русские	35,5	36,6	43,0	36,0
Буряты	35,2	37,0	55,6	31,5
Другие национальности	42,6	33,3	55,6	22,0

В таблице сосредоточены достаточно интересные данные. С одной стороны, наличие/отсутствие родственников приблизительно одинаково оценивается старшеклассниками разных национальностей. Но вот друзей у представителей «других» национальностей больше. Скорее всего, данный факт отражает достаточность контактов для русских в своей собственной среде. Может проявляться стремление представителей «иных» национальностей расширять круг общения в поликультурной среде. Но возможны и другие причины, и их выявлению стоит посвящать отдельные исследования.

Кстати, польский социолог, доктор наук Э. Новицка, использовавшая понятие «сибирский мультикультурализм», сопровождала его некоторыми размышлениями. Этнические процессы, которые сегодня можно наблюдать в Сибири, напрямую связаны с национальной структурой региона, а шире — всего российского государства. Можно выделить две параллельные тенденции — первая направлена на презентацию и популяризацию культуры бурят, другая

акцентируется на региональном мультикультурализме под флагом российского государства и российскости. Мультикультурализм в таких районах России, как Байкальский регион, позволяет признать самобытность культур местных народов и их «симбиоз». Именно данное обстоятельство ограничивает претензии на исключительность прав определенной этнической группы на эти территории. Это является стимулом для развития мультикультурного сознания и мультикультурного характера региона за последние два десятилетия [12]. И это работает на повышение авторитета своей родины. Бурятский народ, как и многие другие, сегодня активно восстанавливает свою историческую память, свои исконные традиции. Об этом свидетельствует, в частности, национальный фестиваль «Алтаргана», который проходит с 1994 г. в Монголии и России. Алтаргана — степной кустарник, который у русских носит название золотарник. Название отражает, с одной стороны, золотистый цвет коры растения, с другой — его чрезвычайную жизнестойкость, благодаря мощной корневой системе, позволяющей ему закрепляться на каменистых и щебнистых склонах гор, в каменистых пустынях и песчаных степях. В 2002, 2006 и 2008 гг. этот праздник бурят и монголов проходил на территории Байкальского региона: сначала в Республике Бурятия и, наконец, в Иркутской области, в том числе и на Байкале — остров Ольхон. Праздник этот объединяет бурят и другие народы, судя по двум символам кустарника алтарганы, будет способствовать накоплению золотых россыпей духовных ценностей потомков Гэсэра и укреплению жизнестойкости их национальных корней.

Литература

1. Абаев Н. В. Влияние этноконфессиональных традиций на формирование экологической культуры бурят / Н. В. Абаев, Л. Л. Абаева // Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития. Москва: Круглый год, 2000. С. 441–488.
2. Байкал — гармония жизни. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 320 с.
3. Вильсон Г. Психология артистической деятельности: таланты и поклонники / Г. Вильсон. Москва: Когито-Центр, 2001. 384 с.
4. Гомбоев С. Ж. Под вечным синим небом. Шаманизм. Святая неугасимая вера / С. Ж. Гомбоев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. 336 с.

5. Дыбовский Б. Иркутск 1860–1880-х годов / Б. Дыбовский // Земля Иркутская. 2001. № 17. С.44–49.
6. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят / С. Г. Жамбалова. Новосибирск: Наука, 1991. 174 с.
7. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий / А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. Изд. 5. 602 с.
8. Карнышев А. Д. Байкал: природа и люди малой родины / А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 348 с.
9. Минделл А. Геопсихология в шаманизме, физике и даосизме / А. Минделл. Москва: АСТ, 2008. 316 с.
10. Минделл А. Тело шамана / А. Минделл. Москва: АСТ, 2004. 313 с.
11. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции / Т. М. Михайлов. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
12. Новицка Эва. Этнофестивали: Алтаргана, Ёрдынские игры. Развитие сибирского мультикультурализма / ЭваНовицка // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 398–416.
13. Серкин В. П. Хохот шамана / В. П. Серкин. Москва: Астрель, 2012. 285 с.
14. Станиловский А. М. Записки. Посмертное издание / А. М. Станиловский; под ред. А. В. Азелецкаго. Иркутск: Типография Товарищества печатного дела, 1912. 192 с.
15. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / М. Н. Хангалов. Улан-Удэ, 2004. Т. 1–3.
16. Харитонов В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий / В. И. Харитонов. Москва: Наука, 2006. 372 с.
17. Хендерсон Д. Психологический анализ культурных установок / Д. Хендерсон. Москва: Добросвет, 2007. Изд. 2. 271 с.
18. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. 496 с.
19. Karnyshev A. Le lak Baikal, lieu-ressource pour un developpement de la personne et de la communaute, en harmonie avec la nature / A. Karnyshev // L Ecole sans murs. Paris: L Harmattan, 2019. P. 101–113.
20. Personne et de la communaute, en harmonie avec la nature // L Ecole sans.

ГЛАВА 3
ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ
БАЙКАЛЬСКОЙ АЗИИ
CHAPTER 5
ETHNIC TOLERANCE OF STUDENTS OF BAIKAL ASIA

© *Миронова Татьяна Львовна*
доктор психологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, e-mail: mironovaT@yandex.ru

Mironova Tatiana Lvovna
PhD in Psychological Science, Professor of General and social
psychology
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude

В последние годы в современной России происходят существенные изменения в экономике, политике, культуре, в сфере межэтнических отношений. В связи с этим в нашей многонациональной стране, объединяющей свыше 170 этносов, происходят значительные трансформации и в построении образа другого человека, в том числе образа представителя другой этнической группы. Этноконтактная ситуация в Республике Бурятия является относительно благополучной и сбалансированной. Однако существует ряд предпосылок для возникновения межэтнической напряженности, нарушения устоявшегося равновесия в балансе обмена между группами как элементами социальной системы; сложившаяся дифференциация в сфере труда между представителями разных народов Бурятии; культивирующиеся представления о национальной угрозе; экономическая нестабильность Байкальского региона; проблема этнокультурного взаимодействия в городе; выработка новой идеологии и создание особого (городского) социального и ментального единства. Уровень межэтнической напряженности, в свою очередь, влияет на осознание внутриэтнической консолидации, восприятие своей группы как целостного и самостоятельного субъекта, в том

числе и субъекта власти, рост потребности в позитивной этнической идентичности и безопасности. Географическое положение Бурятии обусловило особое развитие ее культуры. Войдя в состав Российского государства, Бурятия исторически оказалась на стыке многих культур, монгольской, тюркской, русской, европейской, став своеобразным мостом между западной и восточной культурой. На ее территории проживают представители множества национальностей, но наиболее многочисленными являются русские и буряты. Нам, живущим в данном регионе, важно знать особенности протекания межэтнического взаимодействия и факторы, влияющие на формирование этнических взаимоотношений, для того, чтобы выстраивать эффективное общение между народами, населяющими Байкальскую Азию.

Одной из важнейших характеристик межэтнических отношений является этническая толерантность. Термин «толерантность» имеет различное смысловое наполнение в зависимости от теоретико-методологического подхода. Так, в философии понятие «толерантность» используется для обозначения внешней и внутренней свободы; отрицания принуждения; терпимости к иным нравам, взглядам, культуре, образу жизни, привычкам; способности принятия взглядов и позиций других людей как объективно существующей реальности [2, с. 14].

О. А. Зимовина толерантность трактует как «... уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или преобладанию какой-либо одной точки зрения. Толерантность означает признание прав другого, восприятие другого как себе равного, претендующего на понимание и сочувствие, готовность принять представителей других народов и культур такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия и уважения» [2, с. 14]. Толерантность она соотносит с понятием терпимости как уважения или признания равенства других и отказ от доминирования или насилия. На индивидуальном уровне толерантность является нормой поведения ответственной личности. Толерантность по отношению к другим людям, имеющим иные убеждения, привычки, требует понимания того, что истина не может быть простой, а является многоликой. По ее мнению, необходимым условием стабильности общества является достижение

у ее членов данного уровня толерантного сознания. Толерантность можно отнести к базовым ценностям открытого и демократического общества. «Открытость общества своим собственным инновациям и изменениям означает одновременно и открытость его вовне, иным культурным нормам и принципам. Поэтому толерантность, критическое мышление, свобода и откровенность личности в открытом обществе составляют фундамент демократии и создают условия развития движения общества вперед» [2, с. 14]. Поэтому важно в вузе у обучающихся развивать толерантное поведение, толерантное общение в межличностном и межэтническом взаимодействии, создавать психолого-педагогические условия, способствующие их формированию.

Под толерантностью в межэтнических отношениях или этнической толерантностью в отечественной этнопсихологии понимается отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее, наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей.

Цель исследования: изучение этнической толерантности и факторов, существенно влияющих на ее формирование.

Объект исследования: основные этнические группы студенчества Бурятии. Общее число респондентов — 200 человек, из них 100 русских, 100 бурят. Под нашим руководством в данном исследовании принимала участие студентка социально-психологического факультета БГУ Н. Н. Сыбенова. Сбор эмпирического материала осуществлялся в 2007–2008 гг. Исследованием были охвачены студенты четырех государственных вузов г. Улан-Удэ, по 50 человек соответственно, в равной степени лица мужского и женского пола.

Методы исследования: методика исследования стереотипов бурят и русских, сконструированная на основе процентной методики Дж. Бригема; методика «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой; шкала социальной дистанции в модификации В. Н. Павленко и С. А. Таглина; анкета, направленная на исследование этнической толерантности.

Показатели установок на этническую дифференциацию — интеграцию исследовались посредством анкеты, позволяющей выявить степень значимости для респондента его принадлежности к этниче-

ской группе. Респондентам было предложено ответить на вопросы, сформулированные в виде оценочных суждений, ответы строились на основе шкалы семантического дифференциала, позволяющей избежать социально желательных ответов. Значимость этнической принадлежности измерялась нами с помощью суждений: «Считаю, что современному человеку его национальность должна быть безразлична» и «Для меня не имеет значения моя национальность и национальность окружающих», которые оценивались респондентами по шкале от 1 (полностью согласен) до 7 (совершенно не согласен). Первое суждение отражает представления о степени значимости этничности на уровне социального восприятия, второе показывает личностный уровень значимости данного признака. Полученные в ходе исследования результаты представлены на рисунке 1 следующим образом: ответы на первое суждение отмечены цифрой 1, ответы на второе суждение — цифрой 2.

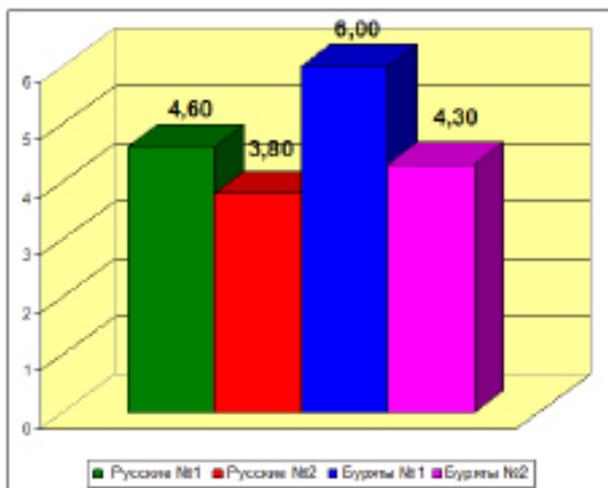

Рис. 1. Значимость этнической принадлежности: социальный и личностный аспекты (в баллах)

При обработке полученных данных был использован критерий t-Стьюдента для независимых выборок. Было выявлено, что у русских респондентов значимость социального аспекта этнической принадлеж-

ности составила 4,6 балла, а бурят — 6 баллов; различия эти значимы ($t_{эмп}=2,46$; $p < 0,05$). Следовательно, буряты на уровне социального восприятия придают этничности большее значение, чем русские.

У русских студентов значимость личностного аспекта этнической принадлежности составила 3,8 балла, а у бурят— 4,3 балла; различия эти значимы ($t_{эмп}=2,21$; $p < 0,05$).

Признание/непризнание наличия отличительных черт этнической группы является эмпирическим индикатором, с помощью которого можно определить, насколько выражена в восприятии респондентов в виде конкретных черт и признаков собственная этничность и этничность окружающих. Данный показатель позволяет нам выяснить степень этнизации/деэтнизации сознания представителей этноконтактных групп как отражения на уровне психики объективных этнических процессов. Так, например, признание факта существования отличительных черт может свидетельствовать об имеющемся в личном опыте и функционирующем на уровне установок стремлении к дифференциации по этническому признаку.

Для изучения данного признака нами взято оценочное суждение: «Никогда нельзя сказать, что отдельный человек несет в себе характерные черты своего народа». Ответы-оценки респондентов распределялись, соответственно, по шкале от 1 (полностью согласен) до 7 (совершенно не согласен).

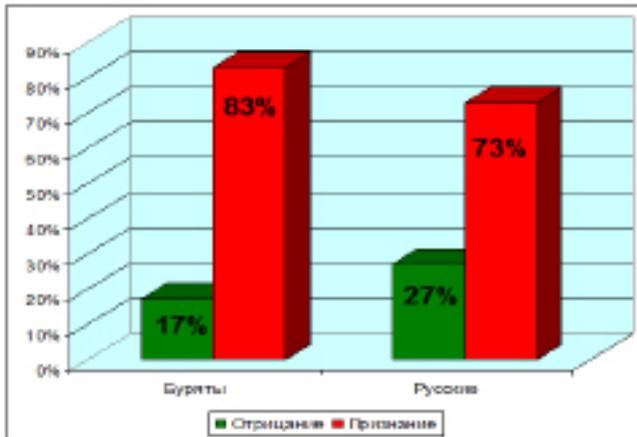

Рис. 2. Относительное число показателей, раскрывающих признание/непризнание отличительных черт этнической группы у студенческой молодежи

Установлено, что буряты признают существование особых признаков у представителей этнической группы в большей мере, чем русские, соответственно 83 % и 73 %, показатель игнорирования этничности в качестве разделителя набрал наибольшее значение у русских, соответственно 17 % и 27 %. Иными словами, среди студентов-бурят больше, чем у русских студентов, лиц, признающих значимость этнических признаков.

Следовательно, у всех обучающихся вышеуказанных групп выявлены установки на дифференциацию по этническому признаку. Этнической индифферентностью в большей мере отличаются русские студенты, чем буряты. Полученные данные могут свидетельствовать о проявляющейся тенденции к межэтнической дифференциации в Байкальской Азии, одной из ее составляющих является высокая степень подверженности сознания представителей контактирующих этнических общностей таким социальным установкам, в которых выявляется направленность внимания субъектов на различающиеся черты, что, в свою очередь, может определять степень возможного внимания к их внутренним глубинным различиям.

Этническая психика наполнена стереотипами о себе и других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют другие этносы о нем. Социальные стереотипы возникают в результате социального познания людей и категоризации социальных явлений. Этнические стереотипы представляют собой относительно устойчивые мнения обобщенного характера о той или иной этнической группе, в состав которого входят и оценки о различных свойствах определенного этноса. Стереотипы могут быть не только мнениями, но и убеждениями. Мнения не обладают значительной побудительной силой, а убеждения как система представлений может стать мотивом социального поведения личности. Соответственно, выделяются типы стереотипов: стереотипы-мнения; стереотипы-убеждения [3, с. 197].

Интересную концепцию структуры этнических стереотипов разработал Л. Эдвардс [3, с. 198–199]. В структуре выделяются четыре компонента, или измерения:

1) содержание — те характеристики или черты, приписываемые этнической группе (познавательный блок стереотипов);

2) единообразие — то, в какой мере различные индивиды согласны друг с другом в том, что данная группа действительно имеет черты, которые ей приписываются;

3) направленность — то, что показывает, каким образом воспринимается объект стереотипа: или позитивно, или негативно. Его можно измерить по соотношению положительных и отрицательных характеристик, входящих в состав данного социально-психологического образования;

4) интенсивность — уровень предубежденности по отношению к этнической группе, которую определяют посредством ранжирования черт, приписываемых данной группе.

Стереотипы представляют собой разновидность социальной установки. Процесс формирования стереотипов называется стереотипизация. Этнические стереотипы представляют собой часть культуры каждого этноса. Существуют следующие разновидности этнических стереотипов: гетеростереотипы и автостереотипы. Если первые представляют стереотипные представления о другой этнической группе, с которой осуществляется непосредственная коммуникация, то вторые — стереотипные представления этноса о самом себе. Если в гетеростереотипах чаще встречаются отрицательные характеристики, то в автостереотипах доминируют положительные характеристики о своем этносе. Выделяются следующие функции этнических стереотипов: экономии мышления; приспособительная (адаптивная) функция; сохранения существующего общественного строя; выражения протеста; искажения реальности [3, с. 212–215]. В чем состоят эти функции?

Функция экономии мышления состоит в том, что стереотипы упрощают картину объективной реальности, создают категории и схемы представлений, облегчая мыслительные процессы человека.

Приспособительная функция выражается в том, что стереотипы помогают человеку быстро узнать, в каком мире он находится и как нужно ему поступать. Эти социально-психологические образования способствуют ускорению процессов адаптации личности к условиям своего существования.

Функция сохранения существующего общественного строя состоит в следующем: «Поскольку социальные стереотипы являются

устойчивыми представлениями о социальных группах и обществе, то если мы их принимаем, считая правильными («само собой разумеющимися»), тем самым мы принимаем как бы «естественность» и незыблемость той социальной реальности, в которой находимся ... Действительно, стереотипы консервативны и, если становятся мнениями и убеждениями людей, способствуют сохранению и защите общественного строя. Поэтому разрушение группы стереотипов — начало социальных изменений» [3, с. 213].

Функция выражения протеста стереотипов или экспрессивная функция состоит в выражении отношения народа к государству и власти, отношения этнических меньшинств к доминирующему большинству. Ученый отмечает, что когда какая-либо социальная группа или государство проводит политику, не удовлетворяющую определенные группы людей, то в этих средах возникают негативные стереотипы в отношении власти или этих групп. Тем самым люди выражают протест против той социальной реальности, которая доставляет им неприятные переживания.

Последняя функция этнических стереотипов — искажение реальности заключается в том, что они нередко значительно упрощают реальность, что, в свою очередь, негативно влияет на объективное познание социальной среды, этносов и межэтнических отношений. Отдельные личности или группы людей намеренно искажают социальную реальность, положение людей в обществе. Тогда искажающий потенциал социальных и этнических стереотипов специально используется, например, с пропагандистской целью. Так, американцы перед осуществлением агрессивного вторжения в Сербию намеренно создавали образ врага — сербов, которые притесняют албанцев.

Уровень социально-психологической близости исследуемых этноконтактных групп студентов изучался с помощью шкалы социально-психологической близости Н. Павленко, С. А. Таглина. Респондентам предлагались 8 категорий, раскрывающих принятие представителя другой этнической группы: житель моего района, начальник, президент, коллега, друг, сосед, супруг, близкий родственник. Ответы испытуемых давались в соответствии с их предпочтениями в отношении уровня близости контакта с представителями другой этнической группы: для русских — с бурятами, для бурят — с русскими.

Максимальное число отрицательных ответов было получено у респондентов из русской группы в отношении бурят при оценивании категории принятия «супруг», «начальник», «президент», у бурят — категории «супруг», «близкий родственник». У русских студентов преобладали категории принятия «сосед», «друг», «коллега», «житель моего района» (100 %), у бурят — «сосед», «житель моего района».

Следовательно, отмечается некоторое дистанцирование бурят в отношении вопроса сближения с русскими в плане семейно-брачных отношений, но и открытость к взаимодействию с ними на уровне дружеских отношений.

Выявлена положительная корреляция по Спирмену между уровнями социально-психологической близости/дистанцированности представителей русской и бурятской национальности ($r_{\text{эмп}}=0,72$; $p < 0,05$). Это свидетельствует о близости установок на принятие/непринятие лиц другой этнической группы у респондентов.

При исследовании степени сходства образов самовосприятия этнической группы и ее восприятия аутгруппой данного региона была использована процентная методика авто- и гетеростереотипов Дж. Бригема. При обработке полученных результатов использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (табл. 1, 2).

Таблица 1

Характерные черты русских (в %)

Характеристики представителей этнической группы	По мнению русских	Ранг	По мнению бурят	Ранг	d	d ²
Общительные	58	16,5	54	12	4,5	20,25
Обладающие чувством юмора	64	18	64	17	1	1
Хозяйственные	58	16,5	60	15	1,5	2,25
Гостеприимные	56	14	60	15	-1	1
Предпочитающие материальные ценности	45	13	45	10	3	9
Терпеливые	36	9,5	32	4	5,5	30,25
Радушные	36	9,5	37	6,5	3	9
Прогрессивные	36	9,5	40	9	0,5	0,25
Доброжелательные	39	12	34	5	7	49
Эмоциональные	57	15	60	15	0	0

Оптимистичные	36	9,5	59	13	-3,5	12,25
Гордящиеся за нацию	27	5,5	27	3	2,5	6,25
Ленивые	27	5,5	25	1,5	4	16
Трудолюбивые	25	3,5	46	11	-7,5	56,25
Целеустремленные	25	3,5	25	1,5	2	4
Доверчивые	30	7	39	8	-1	1
Хитрые	10	1	37	6,5	-5,5	30,25
Прямолинейные	24	2	69	18	-16	256

Обнаружена положительная корреляционная связь между образами самовосприятия этнической группы и ее восприятия аутгруппой ($r_{\text{гмп}}=0,47$; $p<0,001$). Это говорит об определенном сходстве в восприятии русских и бурят основных характеристик представителей русской национальности.

Наиболее часто отмечаемые русскими респондентами черты собственного этноса: «обладающие чувством юмора», «общительные», «хозяйственные», соответственно 64 %; 58 %; 58 %. Буряты назвали следующие черты как наиболее характерные для русского этноса: «прямолинейные»; «обладающие чувством юмора»; «гостеприимные»; «хозяйственные»; «эмоциональные», соответственно 69; 64; 60; 60; 60 % (табл. 1).

Таблица 2

Характерные черты бурят (в %)

Характеристики представителей этнической группы	По мнению бурят	Ранг	По мнению русских	Ранг	d	d ²
Гостеприимные	70	12,5	64	9	3,5	12,25
Горящиеся за нацию	60	8,5	80	14	-5,5	30,25
Заботящиеся о своем поколении, традициях	80	14,5	95	15	-0,5	0,25
Хитрые	80	14,5	75	13	1,5	2,25
Предприимчивые	56	7	74	12	-5	25
Хозяйственные	53	6	11	1	-5	25
Молчаливые	23	1	18	2	-1	1
Справедливые	40	4	49	7	-3	9
Доверчивые	26	2	22	3	-12	1
Скромные	31	3	25	5	-2	4
Упрямые	60	8,5	59	8	0,5	0,25

Гордые	63	10	68	10	0	0
Целеустремленные	69	11	71	11	0	0
Тактичные	70	12,5	31	6	-6,5	42,25
Скрытные	47	5	24	4	1	1

Значимая корреляция выявлена между показателями авто- и гетеростереотипов у респондентов бурятской национальности ($r_{\text{эмп}}=0,72$; $p<0,05$). Это расценивается нами как высокая степень сходства образов самовосприятия бурятской этнической группы и ее восприятия представителями русской национальности. У бурят преобладают следующие автостереотипы: «заботящиеся о своем поколении, традициях»; «хитрые»; «гостеприимные»; «тактичные»; «целеустремленные», соответственно 80; 80; 70; 69 %. Буряты воспринимаются русскими студентами как «заботящиеся о своем поколении, традициях» (95 %), «гордящиеся за нацию» (80 %), что совпадает с собственной характеристикой бурятских респондентов (80 %), «хитрые» (75 %) и «целеустремленные» (71 %) (табл. 2).

Оценка степени межэтнической напряженности этноконтактными группами — важный показатель уровня толерантности в регионе. Ощущение напряженности влияет, в первую очередь, на этническое самочувствие, воспринимаемое этносом, благополучие в межэтнических отношениях является залогом и личного благополучия. В ходе исследования нами выявлены особенности субъективного восприятия русскими и бурятами степени межэтнической напряженности в Республике Бурятия: 24% русских и 28% бурят расценивают межнациональные отношения как благополучные, соответственно 64% и 66% отмечают спокойные отношения; 11% и 4% говорят о наметившейся напряженности в отношениях; по мнению 1% русских студентов, в республике взрывоопасные межнациональные отношения. Наиболее позитивно оценивают межэтнические отношения буряты, считая их как «спокойные» (66%). Небольшая часть русских студентов негативно воспринимает межэтнические взаимоотношения, а именно 11% считает их «напряженными». В целом большинство респондентов воспринимает межэтнические отношения как «спокойные».

Далее респондентам предлагалась анкета, в которой они должны были ответить на утверждения: «Честно говоря, я предпочел бы

не общаться с представителями некоторых народов». Предполагалось уточнить: «каких народов?», — а также обосновать свое мнение. Установлено, что 35% бурят и 65% русских выразили согласие с данным утверждением. Следовательно, буряты выразили большую толерантность по отношению к другим народам по сравнению с русскими студентами.

Респонденты русской национальности при ответе на вышеуказанный вопрос чаще всего упоминали представителей следующих этносов и выделяли их основные характеристики: чеченцев («бандиты, живущие за счет войны»), китайцев («грязные», «бедные», «производящие некачественную продукцию», «плохие строители»), грузин, армян («хитрые», «надоедливые», «грабят страну»). Буряты чаще всего упоминали тувинцев («агрессивные», «опасные»), якутов («высокомерные», «агрессивные»), цыган («грязные», «неработающие», «занимающиеся воровством»).

Мы считаем, что представителям разных народов следует знать мнения представителей других народов о них и стараться формировать позитивный образ своего этноса в глазах других этносов, стремиться изживать негативные черты в процессе воспитания и самовоспитания, заниматься работой, направленной на собственный личностный рост.

В сентябре 2012 г. на экраны нашей страны вышел фильм «Орда» режиссера Андрея Прошкина, по сценарию Юрия Арбатова. Заказчиками картины являлись церковно-научный центр Русской православной церкви Московского патриархата, кинотелекомпания «Православная энциклопедия». На третьей неделе проката фильм в г. Улан-Удэ был вытеснен другими российскими фильмами, а также местной «кинопродукцией» — молодежной кинокомедией «На Байкал — 2 (На абордаж)». Последний фильм был на пике сборов, тогда как «Орда» коммерчески провалилась не только в столице Бурятии, но и в российском кинопрокате. С. Басаев отмечает, что создатели «Орды» сделали ставку на жесткий экшн, сцены насилия, извращений и скандальный, «нетолерантный» показ и «ныне дикой» азиатчины. По его мнению, кинозрители могут прийти к заключению, что кинотелекомпания осуществила политическую киноакцию, направленную на раскол многонационального российского общества, способствуя возникновению, закреплению,

формированию предрассудков, отрицательных гетеростереотипов, интолерантности по отношению к монгольскому и тюркскому суперэтносам у подрастающего поколения и молодежи. Сергей Басаев пишет: «Азиаты в фильме изображены лишенными (почти) индивидуальных черт, любых проявлений человеческой теплоты или слабости, некими демоническими существами из преисподней, обитателями «татаро-монгольского» ада. Хорошо переданная средствами большого экрана бытовая грязь соседствует в фильме с физически ощущаемой ментальной грязью, наполнившей атмосферу в ханском дворце «царя царей» (хана Джанибека) и на улицах Сарая-Берке. Монгольские правители (разговаривающие друг с другом на балкарском (!?) языке) и их воины-нукеры подвержены здесь самым низким суевериям и напроочь лишены какой-либо духовности. В этой атмосфере ордынские правители в борьбе за власть запросто, на глазах у своих придворных и латинских послов, душат подвернувшихся к ним спиной братьев и отцов, не чураются каннибализма (хотя хан Джанибек «благочестиво» говорит, что «есть людей нельзя»), вожделеют собственных старых матерей, «разделявают» людей, словно овец или карасей во время пира» [1, с. 6].

Г. Оллпорт был одним из первых социальных психологов, стоявших у истоков исследования предубеждений, он определил предубеждение (предрассудок) как отрицательное мнение о других без достаточного основания. Под предрассудком понимается такое мнение, основанное на ошибочных и жестких обобщениях. Объектом предрассудков могут быть не только отдельные люди, но и социальные и этнические группы. Если у человека возникает отрицательное предубеждение об индивиде или социальной группе, то он может выражать враждебность и агрессивность не только в эмоциональной, вербальной, но поведенческой сфере. Члены одной социальной группы могут иметь предубеждения относительно другой группы, даже хорошо не зная ее.

А. А. Налчаджян [3] выделяет в структуре предубеждений следующие компоненты: отрицательная установка к другой группе или ее членам; ошибочные суждения об этих социальных объектах. Предубеждение есть разновидность социальной установки, в большинстве случаев отрицательной социальной установки, в состав которой входят отрицательные гетеростереотипы. Одной из функций предубеждений,

по мнению ученого, является психологическая защита индивида, социальных и этнических групп. В межэтнических отношениях предрассудки проявляются как расизм или этноцентризм, представляющие собой представления о различных этнических и расовых группах, а также детерминированные ими программы действий, которые могут запускаться при встрече с этими группами или отдельными их членами.

Э. Аронсон (1995) систематизировал причины формирования предрассудков [Цит. по: 3, с. 261–264]. Рассмотрим некоторые из них.

1. Одной из причин возникновения предубеждений является потребность человека в самооправдании. Предрассудки в форме стереотипных ошибочных представлений о других народах позволяют оправдать несправедливые, жестокие действия по отношению к ним. Дискредитируя свои жертвы, они стараются оправдать себя.

2. На создание или приобретение предрассудков оказывают влияние статус и успешность карьеры человека. Неудачники ищут людей с более низкими статусами и плохими чертами, чтобы хотя бы по отношению к ним чувствовать себя выше.

3. Недостаточная образованность человека или когнитивная простота является одной из причин восприимчивости к предубеждениям.

4. Экономическое и политическое соперничество также является одной из причин предрассудков. При ограниченности ресурсов доминирующие социальные группы стараются подавить других, дискредитировать их и получить преимущества. Во время экономического кризиса предрассудки усиливаются, усиливается агрессивность членов доминирующего этноса, направленная на «чужаков».

5. Причиной возникновения предрассудков может быть замещение агрессии, проявляющееся в форме поиска «козлов отпущения». Во время экономического спада и инфляции у людей возникают негативные психические состояния (депрессия, стресс, фрустрация), способствующие активизации поисков виновников. «Козлы отпущения» выбираются не совсем случайно: «это относительно слабые индивиды или группы, не пользовавшиеся благосклонностью. Формы агрессивных действий также не случайны: это такие действия, которые разрешены в эталонных группах агрессора» [3, с. 263].

6. Причиной может быть и просто потребность человека в предрассудках. Некоторые люди имеют более выраженную склонность к предрассудкам, в частности, это личности авторитарного типа.

7. Одной из причин возникновения предрассудков являются конформизм и предубеждение. Конформные люди более склонны к предубеждениям, чем неконформные. Конформное отношение к социальным нормам создает предрасположенность к предрассудкам.

Воспитание толерантного сознания и поведения предполагает развитие и формирование позитивных этнических стереотипов. «Толерантность связана с отсутствием негативного отношения к иной культуре, а также с наличием позитивного восприятия собственной. При этом интолерантность рассматривается как неадекватность группового восприятия и представляет собой преимущественно негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной. Психологическая конструкция уважения к различным народам и культурам, в первую очередь, опирается на знание собственной культуры в присвоенных формах», справедливо замечает О. А. Зимовина [2, с. 15].

Согласно данным, полученным с помощью методики «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, были получены следующие результаты: у более половины бурятских респондентов (60%) и чуть менее половины русских респондентов (48%) была выявлена позитивная этническая идентичность, представляющая собой такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы и мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире. Эти данные показывают, что доля респондентов негативно настроенных на межэтническое взаимодействие достаточно высока, особенно среди русских. Трансформации этнической идентичности у русских респондентов по типу гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляция, национальный фанатизм) составляет 44%, для бурят — 14% соответственно, для них характерен своеобразный этнический нарциссизм. Из 44% русских респондентов отклонения от «нормы» по типу этноэгоизм составляет 8%. Для них характерны напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп, признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет, деление на «своих» и «чужих» а также иерархическая авторитарная точка зрения на групповое взаимодействие, в котором «своя» группа доминирует,

а другие группы являются подчиненными. Трансформация этнической идентичности по типу этноизоляционизм составляет 29%, что свидетельствует об убежденности русских респондентов в превосходстве своего народа над другими, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, негативном отношении к брачным межнациональным союзам и ксенофобии. Отклонение от позитивной этнической идентичности по типу национальный фанатизм составляет 7%. Для этих студентов характерна готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признания приоритета народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Рассмотрим особенности трансформации этнической идентичности у студентов-бурят. Отклонения от «нормы» по типам этноэгоизм, этноизоляционизм, национальный фанатизм составляют 4 %, 6 %, 4 % соответственно. Трансформация этнической идентичности по типу гиподентичность (этнонигилизм), не выявленная у русских респондентов, составила у бурят 4 %. Для этих испытуемых характерно нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, ощущение этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, а также негативного отношения к ним. Они испытывают также трудности в межличностном общении. Отклонение от «нормы» по типу этническая индифферентность, характеризующееся чувством этнической неполноценности, у русских составило 8 %, у бурят — 22 %. Это свидетельствует о том, что большому числу бурятских студентов присуще чувство неполноценности в связи с принадлежностью к бурятскому этносу. Небольшое число русских студентов (8 %) также ощущают неполноценность в связи с принадлежностью к своему этносу.

Самоидентификация индивида со своим этносом полезна для этнической общности, так как она приобретает сплоченность. Одна из полезных функций самоидентификации — это функция «сублимации собственной личности путем самоотжествления с достижениями, культурой и историей этноса. При организации своего поведения такая личность принимает историю и культуру этноса в качестве исходной основы... Тот, кто отождествляет себя со своим

этносом, его историей и культурой, расширяет границы своего «я» и поднимает значение собственной личности. Подобная сублимация собственной личности наблюдается у представителей всех народов [3, с. 326]. Испытывают чувство гордости те народы, которые имеют длительную и богатую событиями историю и высокоразвитую культуру. Они начинают ощущать себя звеньями в длительной цепи истории своего народа, что способствует обретению ими смыслов своего существования в мире, жизненных смыслов.

Для представителей многих этносов актуальными проблемами являются проблемы этнической идентификации, самоидентификации, сублимации, конверсии. Выяснение закономерностей и механизмов вышеуказанных явлений позволит наметить пути, создать психолого-педагогические условия для совершенствования этнической социализации людей.

Для оценки достоверности полученных результатов в данном исследовании был использован однофакторный дисперсионный анализ. Было выяснено, что установки на этническую интеграцию, дифференциацию статистически достоверно влияют на уровень этнической толерантности ($F_{\text{эмп}} = 3,87; p < 0,05$). Выявлены связи между установками «национальная принадлежность всегда будет разъединять людей» и «органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой же национальности» ($F_{\text{эмп}} = 3,88; p < 0,05$), этнической идентичностью и уровнем толерантности ($F_{\text{эмп}} = 3,89; p < 0,05$), а также позитивным отношением к процессу взаимодействия культур и установками на этническую дифференциацию, интеграцию ($F_{\text{эмп}} = 3,87; p < 0,05$).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о наличии определенной зависимости между показателями этнокультурных установок и социально-психологическими показателями этнической толерантности, а также зависимости между показателями этнокультурных установок и проявлений социально-психологической дистанцированности как предпосылки невысокой степени этнической толерантности.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что доля интолерантных лиц среди студенческой молодежи Республики Бурятия достаточно высока. Данное негативное явление в межэтни-

ческом взаимодействии невозможно игнорировать и оставлять без внимания. Мы считаем, что преподавателям вузов, психологам, работающим в психологической службе вузов, необходимо осуществлять коррекционно-воспитательную работу, направленную на развитие и формирование этнической толерантности у обучающихся. Велика роль средств массовой коммуникации в формировании толерантной личности. В многонациональном государстве важно проводить специальную политику, направленную на развитие и формирование толерантности у людей.

Литература

1. Басаев С. Православное житие: фильм-фэнтези или политическая акция / С. Басаев // Новая Бурятия. 2012. № 40. 7 окт. С. 6.
2. Зимовина О. А. Воспитание толерантности студентов; проблема индивидуализации / О. А. Зимовина // Гуманизация образования. 2012. № 6. С. 14–18.
3. Миронова Т. Л. Самосознание личности / Т. Л. Миронова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2000. 186 с.
4. Миронова Т. Л. Об исследовании этнической толерантности у студенческой молодежи / Т. Л. Миронова // Этнопсихология и практическая психология формирования межкультурной компетентности. Иркутск: Репроцентр А1, 2013. С. 147–152.
5. Налчаджян А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 382 с.

ГЛАВА 4
СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ «ПОКОЛЕНИЯ Z»:
СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ

По материалам Всероссийского исследования

CHAPTER 3
THE SYSTEM OF VALUE ORIENTATIONS “GENERATION Z”:
SOCIAL, CULTURAL AND DEMOGRAPHIC DETERMINANTS
All-Russian study

Руководитель: М. С. Яницкий

доктор психологических наук, профессор

Участники: Кемеровский государственный университет;

Академия им. Яна Длугоша, Польша, г. Ченстохова;

Российский университет дружбы народов, г. Москва;

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва;

Бурятский гос. университет им. Д.Банзарова, г. Улан-Удэ;

Забайкальский гос. университет, г. Чита;

Камчатский гос. университет им. Витуса Беринга,

г. Петропавловск-Камчатский;

Тихоокеанский государственный медицинский университет,

г. Владивосток

Leader: M. S. Yanitsky

Doctor of Agricultural Sciences, Professor

Participants: Kemerovo state. university;

The Academy. Jan Dlugosha, Poland, Czestochowa;

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow;

Russian University of Transport (MIIT), Moscow;

Buryat state University named after D. Banzarov, Ulan-Ude;

Transbaikal state. University, Chita;

Kamchatka State University named after Vitus Bering,

Petropavlovsk-Kamchatsky;

Pacific state. honey. University, Vladivostok

Система ценностных ориентаций личности имеет динамический характер, подвергается изменениям на протяжении всей жизни человека. В то же время различия ценностных предпочтений, обнаруживаемые между возрастными группами, связаны, очевидно, не только с собственно возрастными, но и с межпоколенными особенностями. При этом, согласно известной «теории межгенерационной перемены ценностей» R. Inglehart, данные различия обусловлены спецификой социально-экономического положения возрастных когорт в период становления их системы ценностных ориентаций [1].

В социологической традиции само выделение тех или иных поколений основывается на отличиях в системе ценностей, которые разделяет значительная часть родившихся в тот или иной исторический период [2]. Сегодня является общепризнанным, что ценностные различия между поколениями формируются под влиянием социокультурной среды, нормы и ценности которой, в свою очередь, подвергаются существенным изменениям с течением времени [3; 4]. В. И. Пищик и Н. В. Сиврикова в данном контексте оперируют психологическим понятием «поколенческая ментальность», ядро которой, по их мнению, составляет «совмещенность доминирующих, нормативно закреплённых систем значений, смыслов и ценностей образа мира поколения и социально-психологических характеристик, проявляющихся в его образе жизни» [5, с. 73].

По мнению N. Howe и W. Strauss, так называемый «конфликт поколений» определяется тем, что каждое новое поколение имеет иную шкалу ценностей и, соответственно, обнаруживает реализуемые в поведении особенности отношения к семейной жизни, карьере, мобильности и т. п. В основе разработанной ими теории поколений находится представление о том, что основные фазы жизненного цикла человека (детство, молодость, средний возраст, старость) могут, в зависимости от года рождения, совпадать с той или иной фазой цикла общественно-исторического развития (подъём, пробуждение, спад или кризис). Социально-экономические, политические и культурные факторы, характерные для той «социальной эры», на которую пришёлся период детства, определяют модель воспитания, формирующую систему ценностных ориентаций нового поколения. При этом под поколением понимается совокупность всех родившихся во времен-

ной промежуток, соответствующий конкретной фазе исторического цикла и охватывающий период продолжительностью приблизительно в двадцать лет. Согласно Howe и Strauss, текущий исторический цикл «Миллениума» начался в 1943 г. и включает в себя четыре фазы, которым соответствуют поколения, названные ими «Беби-бумеры», «X», «Y» и «Z» [6]. Описываемая теория получила широкое признание как западных, так и отечественных ученых и практиков, что, по словам А. В. Голубинской, свидетельствует о ее значительном исследовательском потенциале. В то же время, как отмечает автор, ряд положений данной теории вызывает обоснованные сомнения. Так, по ее словам, Howe и Strauss, описывая ценностные различия выделяемых поколений, не основываются на каких-либо статистических или иных объективных данных, и даваемая ими характеристика аксиологической системы поколений никак не аргументируется [7, с. 101].

Ю. А. Левада в своей концепции вводит понятие «значимое поколение», характеризующееся внесением в общество значимых изменений в ценностных ориентациях [8]. Закономерно, что в связи с этим особый интерес традиционно вызывает система ценностных ориентаций молодежи, которая не только воспринимает ценности старших поколений в процессе социализации, но и посредством ювентизации формирует систему ценностей общества будущего. Тем самым молодежь рассматривается как субъект исторического развития, источник продуцирования нового опыта, важнейший ресурс общества, выполняющий инновационную функцию.

Самое молодое современное поколение принято называть «поколение Z». К нему, как правило, относят молодых людей, родившихся начиная с 1995 г. Следует отметить, что эта граница является достаточно условной, и в разных странах, вследствие их социально-экономической и культурной специфики, исследователи устанавливают нижнюю границу данного поколения в весьма широком диапазоне — от 1993 до 2005 г. [5; 7; 9]. Мы полагаем тем не менее, что именно к этому поколению наименее применимы специфические национальные рамки, что связано с процессами глобализации, развитием общемировой информационной сети и т. д. Поэтому с учетом кросскультурного характера настоящего исследования мы будем относить к поколению «Z» молодых людей, родившихся в 1995 г. и позже. В данном контексте

студенческая молодежь, обучающаяся сегодня как в бакалавриате, так и в магистратуре (в возрасте от 18 до 23 лет), впервые в истории может быть практически полностью отнесена к поколению «Z».

Отличия «Z» от своих предшественников связаны в первую очередь с тем, что это первое поколение, целиком сформировавшееся в информационную эпоху и не заставшее мир без сетевых технологий, в связи с чем его называют также «Digital Natives» или «Net Generation» [10]. Это новое «сетевое» или «интернет-поколение», «цифровые люди», для которых информационные ресурсы сети Интернет являются одним из наиболее важных источников социокультурного развития, оказывая определяющее влияние на все сферы их жизни, в том числе на образование. Поскольку «Z» хорошо владеют информационными технологиями, они, как отмечает А. Б. Кулакова, «быстро обучаются и также быстро обрабатывают информацию, мгновенно могут переключаться с одного вида деятельности на другой, а также действовать в условиях многозадачности. Владение информацией и возможность ее поиска способствует формированию у молодежи уверенности в себе, в своих силах, формирует точку зрения» [11]. В то же время характер получаемой «Z»-информации и особенности работы с ней определяют отмечаемую многими авторами клиповость мышления и фрагментированность сознания [10; 11]. Еще одной важной особенностью их социализации является то, что значительная часть межличностных коммуникаций «Z» носит «виртуальный» характер, в частности, их общение со сверстниками зачастую протекает в социальных сетях. В этой связи Howe и Strauss характеризуют данное поколение как «Homelanders» — дети, сидящие дома за компьютером. С другой стороны, как показывает проведенное нами ранее исследование, это же поколение отличается высокой мобильностью, непривязанностью к своему постоянному месту жительства и социальному окружению. Представители поколения «Z» часто становятся так называемыми «номадами постмодерна», носителями распространяющихся в обществе «мобилистических традиций», выбирая цифровое кочевничество, фриланс и другие формы мобильного образа жизни [12].

Особенности социализации и образа жизни поколения «Z» закономерно сопряжены с их ценностными предпочтениями. Как пишет А. А. Воскресенский, В. А. Рабош и А. Г. Сунягина, «они живут

в интернете и социальных сетях практически с рождения, что накладывает колоссальный отпечаток на всю систему ценностей этого поколения, формируя новое ценностно-мировоззренческое ядро молодежи» [13, с. 84–85]. По мнению авторов, становление системы ценностных ориентаций поколения «Z» в социокультурных условиях постмодернистского общества и глобализации определяет ее «постматериальную» направленность. Это подтверждается также результатами исследования С. Ю. Моховой, согласно которым поколение «Z» отличается приоритетом ценностей «духовного удовлетворения», занимающих первое место в их ценностной иерархии, в то время как для «Y» наиболее значимыми являются «собственный престиж» и «активные социальные контакты», а для «X» — «высокое материальное положение» [14]. В связи с этим многие исследователи указывают на принципиальные отличия системы ценностных ориентаций «Z» от ценностей своих предшественников. Так, Ю. Воронцова и В. В. Ермолаев констатируют у данного поколения выраженный «мировоззренческий разрыв с родителями» [10].

По словам А. Б. Кулаковой, это «молодое поколение отрицает устойчивые моральные принципы, устои, ценности предшествующих поколений, имеет вольную позицию на средства и методы для достижения своих целей» [11]. А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко и Т. В. Щелкова также отмечают существование «противоречия между признанной преемственностью (по крайней мере, на вербальном уровне) традиционной модели базовых ценностей и вероятностью наполнения ее глубоко внутренними личностными смыслами, лежащими далеко за порогом гомогенности с межпоколенческими традициями», на основании чего приходят к аналогичному выводу об отчуждении значительной части поколения «Z» от традиционной нормативной ценностной модели [15]. Вместе с тем большинством названных авторов признается неоднородность поколения «Z» в ценностном отношении, связанная с информационной полифонией и перегруженностью, приводящей к «размыванию» системы их ценностных ориентаций или ценностному «расколу» среди современной молодежи.

Очевидно, что система ценностных ориентаций нового поколения не может быть однородной, поскольку она формируется не только под влиянием общих, глобальных факторов, соответствующих нынешнему

этапу развития цивилизации, но и зависит от специфики локальной социокультурной среды. Как показано в наших предыдущих исследованиях, наиболее значимыми детерминантами становления системы ценностных ориентаций молодежи поколений «X» и «Y» является принадлежность к конкретной гендерной, возрастной, этнической, конфессиональной, региональной и профессиональной общности, определяющая средовые особенности их социализации [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24]. В то же время влияние перечисленных факторов на ценностную иерархию поколения «Z» до настоящего времени остается практически не изученным. В связи с этим целью нашего исследования являлась оценка влияния социально-демографических и этнокультурных детерминант на формирование системы ценностных ориентаций представителей поколения «Z».

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 1251 респондент в возрасте от 16 до 30 лет, в том числе 839 девушек и 412 юношей. Для проведения сравнительного анализа общая выборка была разбита на возрастные когорты в соответствии с периодизацией И. Ю. Кулагиной: ранняя юность (16–17 лет) — 126 человек; собственно юность (18–19 лет) — 616; поздняя юность (20–23 года) — 474; зрелость (24 и старше) — 34. По этнической принадлежности исследуемая группа включала 892 русских, 139 бурят, 125 украинцев, 95 представителей остальных национальностей (в основном малых коренных народов и мигрантов из ближнего зарубежья). По конфессиональной принадлежности в исследуемой группе наиболее широко представлены православные — 510 человек; последователи иных религий (преимущественно другие христианские конфессии, мусульмане и буддисты) — 261; лица, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо определенной конфессии — 244; атеисты — 233. В зависимости от города проживания респонденты отнесены к одному из следующих регионов: Сибирь (Кемерово, Чита, Улан-Удэ) — 515 человек; Дальний Восток (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский) — 462; Центральная Россия (преимущественно Москва и Московская область) — 157; Украина (Ровно, Хмельницкий, Тернополь и др.) — 117. По профилю обучения исследуемые разделились на социально-гуманитарную (659 студентов), а также естественнонаучную и техническую учебно-

профессиональные группы (573 студента). Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профиле обучения.

Значимость отдельных ценностей и особенности индивидуальной ценностной иерархии изучались с использованием методики изучения ценностей личности Ш. Шварца [25]. Достоверность различий значимости отдельных ценностей в описываемых группах определялась с использованием t-критерия Стьюдента.

Результаты

Анализ системы ценностей всей описываемой выборки на уровне нормативных идеалов показывает, что для молодежи поколения «Z» наиболее приоритетными оказываются такие жизненные принципы и общие представления о должном, как самостоятельность (средний балл 4,88), достижения (4,71) и безопасность (4,68). Менее важными представляются такие ценности, как гедонизм (4,67), доброта (4,61) и конформность (4,26). Наименее значимы универсализм (4,03), стимуляция (3,83), власть (3,66) и традиции (3,27). На уровне индивидуальных приоритетов, соответствующих реальному социальному поведению, иерархия ценностей поколения «Z» закономерно несколько отличается — ведущие позиции занимают самостоятельность (2,59), гедонизм (2,49) и доброта (2,32). Относительно индифферентными являются достижения (2,27), стимуляция (2,21) и универсализм (2,08). Наименьшую значимость имеют безопасность (2,07), конформность (1,75), власть (1,51) и традиции (1,22).

В ценностной иерархии юношей на уровне как нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов первые места занимают самостоятельность, достижения и гедонизм. Для девушек на уровне нормативных идеалов также наиболее значимы самостоятельность, гедонизм и достижения, на уровне индивидуальных приоритетов — самостоятельность, гедонизм и доброта. Одновременно анализ достоверности различий между уровнем значимости отдельных ценностей показывает, что для юношей достоверно более свойственны общие представления о значимости власти, гедонизма и достижений, в то время как для девушек — универсализма, конформности и до-

броты. При этом относительно более важными конкретными регуляторами собственного поведения у юношей являются ориентация на власть, безопасность, достижения и самостоятельность; у девушек — на ценности универсализма и доброты (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика системы ценностей юношей и девушек (Т-критерий Стьюдента)

Ценности	Гендерная группа (средние баллы)		t-value	p
	Женщины (n=839)	Мужчины (n=412)		
Ценности на уровне нормативных идеалов				
Доброта	4,70	4,45	3,45	<0,001
Достижения	4,64	4,84	-2,65	0,008
Гедонизм	4,60	4,81	-2,31	0,021
Конформность	4,35	4,07	3,53	<0,001
Универсализм	4,10	3,90	2,52	0,012
Власть	3,44	4,10	-7,07	<0,001
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов				
Самостоятельность	2,53	2,69	-3,01	0,003
Доброта	2,41	2,12	5,22	<0,001
Достижения	2,21	2,41	-3,41	<0,001
Универсализм	2,14	1,95	3,48	<0,001
Безопасность	2,02	2,18	-2,90	0,004
Власть	1,32	1,90	-8,06	<0,001

Примечание: в таблице приведены только статистически значимые различия.

Для всех возрастных групп наиболее предпочитаемыми ценностями на обоих рассматриваемых уровнях являются самостоятельность, безопасность, достижения, гедонизм и доброта. В то же время, как следует из анализа полученных данных, практически все социально-нормативные идеалы и принципы по мере взросления последовательно обесцениваются (исключение составляют ценности власти и безопасности) и тем самым постепенно утрачивают характер универсального императива. Некоторое «восстановление» значимости большинства принятых представлений о должном происходит лишь в возрасте старше 24 лет. Вместе с тем снижение значимости

аналогичных ценностей в качестве регуляторов своего собственного поведения отмечается значительно реже — сравнительно менее значимыми становятся только ценности традиций, универсализма и доброты, которые также вновь актуализируются после 24 лет (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика системы ценностей представителей разных возрастных групп (однофакторная ANOVA)

Ценности (общая p; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет (средние баллы)			
		1	2	3	4
		16–17 (n=126)	18–19 (n=616)	20–23 (n=474)	≥ 24 (n=34)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F=8,06; p<0,001)	1-2 (p=0,005) 1-3 (p<0,001)	5,33	4,87	4,79	4,84
Доброта (F=9,45; p<0,001)	1-2 (p=0,002) 1-3 (p<0,001)	5,13	4,60	4,51	4,40
Достижения (F=3,88; p=0,009)	1-4 (p=0,035)	4,91	4,72	4,69	4,11
Гедонизм (F=5,29; p=0,001)	1-4 (p=0,010) 2-4 (p=0,033) 3-4 (p=0,039)	4,84	4,69	4,67	3,68
Конформность (F=5,64; p<0,001)	1-2 (p=0,021) 1-3 (p=0,008)	4,69	4,22	4,17	4,38
Универсализм (F=9,98; p<0,001)	1-2 (p=0,012) 1-3 (p<0,001)	4,53	4,05	3,86	4,24
Стимуляция (F=4,59; p=0,003)	1-2 (p=0,034) 1-3 (p=0,024)	4,30	3,79	3,76	3,78
Традиции (F=8,93; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 1-3 (p<0,001)	3,90	3,20	3,20	3,44
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Доброта (F=6,17; p<0,001)	1-3 (p=0,010) 2-3 (p=0,034)	2,57	2,37	2,20	2,22
Универсализм (F=5,16; p=0,002)	1-3 (p=0,025) 2-3 (p=0,040)	2,29	2,12	1,96	2,09
Традиции (F=6,46; p<0,001)	1-2 (p=0,018) 1-3 (p=0,022)	1,55	1,16	1,17	1,60

Примечание: здесь и далее в таблице приведены только статистически значимые различия; достоверность различий между отдельными группами посчитана по критерию Тьюки HSD для неравных выборок.

Этническая принадлежность представителей поколения «Z» оказывается более весомым дифференцирующим фактором в отношении системы ценностных предпочтений. Так, на уровне нормативных идеалов наиболее значимыми ценностями для русских являются самостоятельность, достижения и гедонизм; для представителей малых коренных народов и мигрантов — самостоятельность, достижения и безопасность; для бурят — самостоятельность, доброта и конформность; для украинцев — доброта, достижения и безопасность. В иерархии индивидуальных приоритетов наиболее высокий ранг значимости у русских имеют самостоятельность, гедонизм и достижения; у малых коренных народов и мигрантов — самостоятельность, гедонизм и стимуляция; у бурят — доброта, универсализм и безопасность; у украинцев — самостоятельность, гедонизм и доброта. В целом наибольшим ценностным своеобразием среди исследуемых отличаются представители бурятского и украинского этносов. При этом для бурят свойственна достоверно большая приверженность принятым в обществе нормам и ценностям (за исключением ценностей достижений, стимуляции и власти), в то время как украинцы, напротив, меньше всех остальных подвержены влиянию принятых социальных норм и идеалов (табл. 3). Такая же тенденция отмечается и на уровне индивидуальных приоритетов в отношении ценностей традиций, конформности, универсализма и безопасности.

Таблица 3

Сравнительная характеристика системы ценностей представителей разных этнических групп (однофакторная ANOVA)

Ценности (общая p; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Этническая группа (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Русские (n=892)	Буряты (n=139)	Украинцы (n=125)	Другие (n=95)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F=14,45; p<0,001)	1-3 (p<0,001) 2-3 (p<0,001) 3-4 (p<0,001)	4,92	4,96	4,30	5,17
Достижения (F=4,94; p=0,002)	3-4 (p=0,005)	4,75	4,67	4,36	4,95
Безопасность (F=4,75; p=0,003)	2-3 (p=0,045) 3-4 (p=0,005)	4,70	4,74	4,34	4,92

Этнопсихология бурят

Доброта (F=5,33; p=0,001)	2-3 (p=0,002)	4,58	4,95	4,40	4,71
Конформность (F=11,54; p<0,001)	1-2 (p=0,001) 2-3 (p<0,001) 3-4 (p=0,011)	4,19	4,75	3,96	4,54
Универсализм (F=13,96; p<0,001)	1-2 (p=0,004) 1-3 (p=0,042) 2-3 (p<0,001) 3-4 (p<0,001)	4,00	4,50	3,58	4,31
Стимуляция (F=14,20; p<0,001)	1-3 (p<0,001) 2-3 (p<0,001) 3-4 (p<0,001)	3,89	3,85	3,05	4,22
Власть (F=5,11; p=0,002)	3-4 (p=0,002)	3,67	3,66	3,25	4,07
Традиции (F=19,93; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 2-3 (p<0,001)	3,13	4,08	3,14	3,64
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Самостоятельность (F=5,74; p<0,001)	1-2 (p=0,036) 2-4 (p=0,020)	2,63	2,36	2,47	2,71
Стимуляция (F=7,11; p<0,001)	1-2 (p=0,014) 2-4 (p=0,001)	2,25	1,89	2,13	2,44
Универсализм (F=11,3; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 2-3 (p<0,001) 2-4 (p=0,041)	2,04	2,48	1,89	2,12
Безопасность (F=6,63; p<0,001)	1-2 (p=0,006)	2,02	2,37	2,08	2,19
Конформность (F=8,91; p<0,001)	1-2 (p=0,008) 2-3 (p<0,001) 3-4 (p=0,024)	1,70	2,04	1,60	1,97
Власть (F=7,74; p<0,001)	1-3 (p=0,020) 3-4 (p=0,007)	1,58	1,27	1,14	1,70
Традиции (F=42,78; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 2-3 (p<0,001) 2-4 (p<0,001)	1,04	2,07	1,32	1,42

Представители различных конфессиональных групп в целом демонстрируют определенное сходство в доминирующих ценностях. Так, на уровне нормативных идеалов инвариантный характер имеет предпочтение самостоятельности и достижений. Некоторым исключением здесь являются респонденты, относящие себя к право-

славным верующим — у них безопасность опережает самостоятельность и достижения, занимая первое место в групповой иерархии. На уровне индивидуальных приоритетов общим для всех является доминирование таких ценностей, как самостоятельность, гедонизм и доброта. Одновременно в ряду «религиозные меньшинства» — «православные» — «внеконфессиональные верующие» — «атеисты» на уровне как нормативных идеалов, так индивидуальных приоритетов последовательно снижается ранг ценностей конформности, традиций, доброты, универсализма и одновременно повышается значимость самостоятельности и власти (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительная характеристика системы ценностей представителей разных профессиональных групп (однофакторная ANOVA)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Конфессиональная группа (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Православные (n=510)	Другие (n=261)	Внеконфессиональные верующие (n=244)	Атеисты (n=233)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F=7,10; $p<0,001$)	1-4 ($p=0,002$) 3-4 ($p=0,005$)	4,76	4,97	4,79	5,13
Доброта (F=8,87; $p<0,001$)	1-2 ($p=0,046$) 2-3 ($p<0,001$) 2-4 ($p<0,001$)	4,63	4,90	4,45	4,41
Конформность (F=12,49; $p<0,001$)	1-4 ($p<0,001$) 2-4 ($p<0,001$) 3-4 ($p=0,007$)	4,35	4,49	4,21	3,83
Универсализм (F=10,31; $p<0,001$)	1-2 ($p=0,001$) 2-3 ($p=0,002$) 2-4 ($p<0,001$)	3,98	4,39	3,98	3,79
Власть (F=3,19; $p=0,023$)	3-4 ($p=0,012$)	3,66	3,67	3,43	3,87
Традиции (F=32,96; $p<0,001$)	1-2 ($p=0,030$) 1-4 ($p<0,001$) 2-3 ($p=0,003$) 2-4 ($p<0,001$) 3-4 ($p<0,001$)	3,39	3,73	3,28	2,50

Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Самостоятельность (F=5,03; p=0,002)	1-4 (p=0,020) 2-4 (p=0,030) 3-4 (p=0,003)	2,55	2,56	2,51	2,78
Доброта (F=9,11; p<0,001)	1-4 (p=0,002) 2-4 (p<0,001) 3-4 (p=0,022)	2,37	2,47	2,31	2,06
Безопасность (F=3,89; p=0,009)	2-3 (p=0,026)	2,11	2,19	1,96	1,98
Универсализм (F=9,80; p<0,001)	1-2 (p=0,010) 2-3 (p=0,027) 2-4 (p<0,001)	2,06	2,31	2,08	1,87
Конформность (F=5,39; p=0,001)	1-4 (p=0,030) 2-4 (p=0,001)	1,78	1,86	1,76	1,55
Власть (F=6,96; p<0,001)	1-4 (p=0,016) 2-4 (p<0,001) 3-4 (p=0,002)	1,49	1,36	1,42	1,82
Традиции (F=52,97; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 1-3 (p=0,017) 1-4 (p<0,001) 2-3 (p<0,001) 2-4 (p<0,001) 3-4 (p<0,001)	1,30	1,74	1,03	0,64

Ведущие ценности молодежи различных регионов России также достаточно сходны — у жителей Центральной России и Дальнего Востока на обоих рассматриваемых уровнях верхние позиции занимают самостоятельность, достижения и гедонизм, у жителей Сибири — самостоятельность и доброта. Молодые жители Украины имеют иные ценностные предпочтения — на уровне нормативных идеалов для них наиболее значимы доброта, достижения и безопасность; на уровне индивидуальных приоритетов — самостоятельность, гедонизм и доброта. Одновременно с этим живущие в Украине представители поколения «Z» характеризуются наименьшей значимостью практически всех общественных и индивидуальных ценностей (за исключением уважения к традициям, которое еще менее свойственно молодежи российского Дальнего Востока). Молодежь Сибири в отношении большинства ценностей демонстрирует полярную позицию — они больше всех остальных ориентированы на конформность, традиции,

доброту, универсализм и самостоятельность. Поколение «Z» Дальнего Востока и Центральной России занимает здесь промежуточное положение, для них чаще, чем для остальных, приоритетны достижения и гедонизм (табл. 5).

Таблица 5

Сравнительная характеристика системы ценностей жителей разных регионов (однофакторная ANOVA)

Ценности (общая p; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Регион проживания (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Дальний Восток (n=462)	Сибирь (n=515)	Центральная Россия (n=157)	Украина (n=117)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F=13,33; p<0,001)	1-4 (p<0,001) 2-4 (p<0,001) 3-4 (p=0,001)	4,90	5,02	4,85	4,31
Гедонизм (F=7,40; p<0,001)	1-2 (p=0,021) 1-4 (p=0,009) 3-4 (p=0,005)	4,85	4,56	4,88	4,21
Достижения (F=5,45; p=0,001)	3-4 (p=0,001)	4,74	4,67	4,99	4,40
Безопасность (F=4,16; p=0,006)	2-4 (p=0,039) 3-4 (p=0,029)	4,70	4,73	4,74	4,31
Доброта (F=4,86; p=0,002)	1-2 (p=0,003)	4,49	4,76	4,62	4,46
Конформность (F=12,03; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 2-3 (p=0,013) 2-4 (p=0,017)	4,09	4,52	4,08	4,02
Универсализм (F=12,26; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 2-4 (p<0,001) 3-4 (p=0,035)	3,90	4,26	4,03	3,59
Власть (F=7,83; p<0,001)	1-2 (p=0,030) 1-4 (p=0,003)	3,89	3,61	3,48	3,19
Стимуляция (F=13,70; p<0,001)	1-4 (p<0,001) 2-4 (p<0,001) 3-4 (p<0,001)	3,87	3,89	4,13	3,03
Традиции (F=17,64; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 2-3 (p=0,002) 2-4 (p=0,039)	2,99	3,63	3,05	3,13

Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Достижения (F=4,86; p=0,002)	2-3 (p=0,032) 3-4 (p=0,009)	2,27	2,22	2,53	2,12
Стимуляция (F=5,69; p<0,001)	1-3 (p=0,017) 2-3 (p=0,007) 3-4 (p=0,030)	2,19	2,15	2,52	2,16
Доброта (F=7,92; p<0,001)	1-2 (p<0,001)	2,17	2,46	2,34	2,30
Универсализм (F=17,41; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 1-3 (p<0,001) 2-4 (p=0,025) 3-4 (p=0,015)	1,87	2,25	2,27	1,91
Конформность (F=4,32; p=0,005)	1-2 (p=0,024)	1,68	1,85	1,78	1,58
Власть (F=16,37; p<0,001)	1-2 (p=0,004) 1-3 (p=0,038) 1-4 (p=0,008) 2-3 (p<0,001) 3-4 (p<0,001)	1,62	1,35	1,97	1,13
Традиции (F=25,73; p<0,001)	1-2 (p<0,001) 1-4 (p=0,032) 2-3 (p<0,001)	0,95	1,50	0,98	1,32

Определенные различия обнаруживаются и в ценностных иерархиях молодежи различных учебно-профессиональных групп. Так, для обучающихся по естественно-научным направлениям подготовки на уровне нормативных идеалов, и индивидуальных приоритетов наиболее высокие ранги имеют самостоятельность, достижения и гедонизм; для обучающихся по социально-гуманитарным направлениям среди социальных норм и ценностей наиболее значимы самостоятельность, безопасность и достижения, среди индивидуальных регуляторов поведения — самостоятельность, доброта и гедонизм. При этом обучающиеся по естественно-научным направлениям демонстрируют достоверно большую значимость всех без исключения ценностей на уровне нормативных идеалов и половины рассматриваемых ценностей на уровне индивидуальных приоритетов (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительная характеристика системы ценностей представителей разных учебно-профессиональных групп (Т-критерий Стьюдента)

Ценности	Учебно-профессиональная группа (средние баллы)		t-value	p
	Социо- гуманитарная (n=659)	Естественно- научная и техническая (n=573)		
Ценности на уровне нормативных идеалов				
самостоятельность	4,71	5,07	-5,65	<0,001
достижения	4,60	4,82	-3,28	0,001
гедонизм	4,54	4,80	-2,87	0,004
безопасность	4,52	4,86	-5,05	<0,001
доброта	4,42	4,82	-5,92	<0,001
конформность	4,03	4,51	-6,54	<0,001
универсализм	3,79	4,31	-7,45	<0,001
стимуляция	3,62	4,04	-4,89	<0,001
власть	3,55	3,75	-2,18	0,030
традиции	2,96	3,63	-8,13	<0,001
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов				
доброта	2,22	2,45	-4,30	<0,001
безопасность	2,01	2,14	-2,51	0,012
универсализм	1,96	2,23	-5,22	<0,001
конформность	1,64	1,88	-4,60	<0,001
традиции	1,09	1,37	-4,55	<0,001

Примечание: в таблице приведены только статистически значимые различия.

Обсуждение

Приведенные результаты свидетельствуют о своеобразии ценностных предпочтений поколения «Z», подтверждая существование определенного «мировоззренческого разрыва» с предшествующими поколениями. Так, весьма показательным является отсутствие проявления уважения к принятым в обществе идеям и обычаям, отрицание значимости существующих традиций — эта ценность занимает у «Z» последнее место в иерархии как нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов. Наиболее характерным для них является убеждение в важности самостоятельности, автономности, независи-

мости в суждениях и поступках, приобретающее характер стержневой, ядерной ценности. Среди других признаваемых социальных норм и ценностей — достижения и личный успех, а также безопасность и стабильность. При этом реальное поведение «Z» в большей степени определяется ориентацией на независимость, удовольствия и развлечения, а также на повышение уровня благополучия своей семьи и близких. Примечательно, что ценность безопасности, признаваемая «Z» на уровне нормативных идеалов в качестве одной из наиболее значимых, на уровне индивидуальных приоритетов относится к числу отвергаемых. Возможно, это связано с тем, что безопасность понимается современной молодежью как важная, но уже обеспеченная, удовлетворенная потребность — по мнению Р. Инглхарта, система ценностей нового поколения впервые в истории формируется в условиях «гарантированности» физической и экономической безопасности для большинства населения [1].

Если ориентация на самостоятельность и независимость является общей, инвариантной характеристикой поколения «Z», то значимость и ранг других ценностей в индивидуальной иерархии определяются комплексом социально-демографических и этнокультурных факторов. Так, гендерная принадлежность связана с заметными ценностными различиями на уровне как нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов — для юношей выше значимость ценностей «самовозвышения» (власть и достижения), для девушек — полярных им ценностей «самотрансцендентности» (универсализм и доброта). Следует отметить, что выявленные гендерные особенности ценностных предпочтений фактически не отличаются от систем ценностей, обычно приписываемых женщинам и мужчинам, и могут свидетельствовать о сохранении в массовом сознании современной молодежи традиционных представлений о гендерных ролях и гендерных аутостереотипов.

Принадлежность к той или иной возрастной группе также оказывает определенное влияние на ценностные предпочтения поколения «Z». Несмотря на сходство ценностных приоритетов между отдельными возрастными группами, полученные результаты демонстрируют следующую закономерность — самые молодые представители поколения «Z» характеризуются относительно большей значимостью

большинства социальных ценностей на уровне как нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов; для старших возрастных когорт свойственно постепенное снижение значимости принятых в обществе норм и ценностей. Вероятно, это может свидетельствовать о собственно возрастном, а не о поколенческом характере описываемых особенностей ценностных предпочтений.

Система ценностных ориентаций представителей поколения «Z» во многом обусловлена их принадлежностью к конкретной этнической группе. Выявленные особенности ценностных предпочтений «Z» отражают, с одной стороны, особенности социализации нового поколения в современных условиях и, с другой стороны, давление норм и ценностей своей этнической группы, более выраженное у представителей национального меньшинства. В связи с этим следует отметить большую приверженность бурят традиционным ценностям или, в терминологии Ш. Шварца [26], ценностям «консерватизма», которые выражаются в значимости послушания, уважения к старшим, следования этнокультурным обычаям, гармонии с природой, уважения к другим людям и терпимости. Русские и особенно украинцы, составляющие большинство на своей территории, склонны придавать данным ценностям меньшее значение, демонстрируя большую открытость к изменениям и ориентацию скорее на индивидуалистические ценности или, в терминологии Ш. Шварца, ценности «самовозвышения».

Сходные тенденции отмечаются и при анализе ценностных различий в зависимости от конфессиональной принадлежности. Так, ценности «консерватизма» и «самотрансцендентности» оказываются наиболее значимыми для верующих, относящихся к представителям религиозного меньшинства, затем для православных, которые являются последователями традиционной для России и Украины конфессии. Для внеконфессиональных верующих и особенно для атеистов эти ценности закономерно имеют меньший авторитет. Противоположная ситуация наблюдается в оценке значимости индивидуалистических и модернистских ценностей, таких как самостоятельность и независимость, а также социальный статус, власть и доминирование, которые наиболее актуальны для атеистов, затем для внеконфессиональных верующих, и гораздо менее значимы для православных и представителей религиозных меньшинств.

Существенным дифференцирующим фактором оказывается и принадлежность к той или иной локальной социокультурной среде. Высокая значимость большинства нормативных идеалов и, в частности, коллективистических ценностей доброты, конформности и универсализма более всего свойственна молодежи сибирской «глубинки» и менее всего — жителям Западной Украины и российского дальневосточного фронта. С другой стороны, проживающие в Сибири и на Дальнем Востоке, одновременно обнаруживают и наибольшую направленность на такую индивидуалистическую ценность, как самостоятельность, автономность и независимость, что, вероятно, отражает общие психологические особенности этих субэтнических групп. Молодежь Москвы демонстрирует достоверно большую ориентацию на ценности достижений, гедонизма, а также стимуляции, выражающейся в потребности в острых ощущениях и новизне, что в целом вполне соответствует существующим представлениям о психологических особенностях жителей мегаполиса.

Принадлежность к определенной учебно-профессиональной общности оказывает меньшее влияние на качественное своеобразие ценностных предпочтений, однако выступает важным фактором, определяющим общий уровень значимости всех без исключения нормативных идеалов и ровно половины индивидуальных ценностных приоритетов, рассматриваемых в настоящем исследовании. Достоверно большую значимость всех этих ценностей обнаруживают студенты естественно-научных направлений подготовки, что отчасти противоречит устоявшимся представлениям о наличии более благоприятных условий для актуализации ценностных представлений и развития системы ценностных ориентаций личности в процессе социального и гуманитарного образования. Данная тенденция заслуживает отдельного изучения и последующего детального анализа.

Результаты

Система ценностных ориентаций представителей поколения «Z» во многом обусловлена их принадлежностью к конкретной этнической группе. Выявленные особенности ценностных предпочтений «Z» отражают, с одной стороны, особенности социализации нового поколения в современных условиях и, с другой стороны, давление норм и ценностей своей этнической группы, более выраженное

у представителей национального меньшинства. В этой связи следует отметить большую приверженность бурят традиционным ценностям или, в терминологии Ш. Шварца [26], ценностям «консерватизма», которые выражаются в значимости послушания, уважения к старшим, следования этнокультурным обычаям, гармонии с природой, уважения к другим людям и терпимости. Русские и особенно украинцы, составляющие большинство на своей территории, склонны придавать данным ценностям меньшее значение, демонстрируя большую открытость к изменениям и ориентацию скорее на индивидуалистические ценности или, в терминологии Ш. Шварца, ценности «самовозвышения».

Сходные тенденции отмечаются и при анализе ценностных различий в зависимости от конфессиональной принадлежности. Так, ценности «консерватизма» и «самотрансцендентности» оказываются наиболее значимыми для верующих, относящихся к представителям религиозного меньшинства, затем для православных, которые являются последователями традиционной для России и Украины конфессии. Для внеконфессиональных верующих и особенно для атеистов эти ценности закономерно имеют меньший авторитет. Противоположная ситуация наблюдается в оценке значимости индивидуалистических и модернистских ценностей, таких как самостоятельность и независимость, а также социальный статус, власть и доминирование, которые наиболее актуальны для атеистов, затем для внеконфессиональных верующих и гораздо менее значимы для православных и представителей религиозных меньшинств.

Выводы

Представители поколения «Z» обнаруживают отличия иерархии ценностных предпочтений от системы ценностей предшествующих поколений. Наиболее характерной для них является приоритетность самостоятельности и независимости, на уровне нормативных идеалов определяющая направленность на ценности «самовозвышения», на уровне индивидуальных приоритетов — открытость к изменениям. Значимость уважения традиций занимает в их ценностной иерархии последнее место на обоих уровнях. Полученные результаты в целом подтверждают существующее представление об «отчуждении» поколения «Z» от традиционной системы ценностей и его переориентацию

на постматериалистические ценности. Однако система ценностных ориентаций современной молодежи трансформируется в данном направлении с различной скоростью в зависимости от особенностей социализации в той или иной социокультурной среде.

Принадлежность к той или иной гендерной, возрастной, этнической, конфессиональной, региональной и учебно-профессиональной общности значительно определяет особенности формирования системы ценностных ориентаций поколения «Z». При этом принадлежность к определенной возрастной или учебно-профессиональной группе оказывается фактором, детерминирующим скорее количественные показатели значимости большинства рассматриваемых ценностей. Гендерная, этническая, конфессиональная и региональная принадлежность в большей степени определяет качественное своеобразие иерархии ценностей современной молодежи.

В качестве социальных институтов, обеспечивающих преемственность системы ценностных представлений, своего рода «хранителей» традиционной системы ценностей, ожидаемо выступают этнические общности, находящиеся в относительном меньшинстве, религиозные меньшинства и приверженцы традиционных религий, а также жители «глубинки». К общностям, задающим условия для инноваций в системе ценностей нового поколения, относятся жители крупных городов и приграничных территорий, не вовлеченные в религиозную общность и атеисты.

В целом результаты настоящего исследования свидетельствуют, что, несмотря на заметные изменения в системе ценностных ориентаций нового поколения, значимость и роль институтов и факторов их формирования остается прежней. Это открывает возможности долгосрочного прогнозирования закономерностей модернизации ценностных представлений массового сознания и соответствующих им изменений социального поведения.

Литература

1. Inglehart R. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / R. Inglehart, C. Welzel. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.

2. Глотов М. Б. Поколение как категория социологии / М. Б. Глотов. Москва: Логос, 2011. 327 с.
3. Noble S. M. Cohortsegmentation: an exploration of its validity / S. M. Noble, C. D. Schewe // *Journal of Business Research*. 2003. Vol. 56 (12). P. 979–987.
4. Twenge J. M. Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace / J. M. Twenge, S. M. Campbell // *Journal of Managerial Psychology*. 2008. Vol. 23. P. 862–877.
5. Пищик В. И. Динамика смысловых составляющих ментальности поколений / В. И. Пищик, Н. В. Сиврикова // *Российский психологический журнал*. 2014. № 3. С. 73–82.
6. Howe N. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve / N. Howe, W. Strauss. *Harvard Business Review*. 2007. Vol. 85 (7–8). P. 47–52.
7. Голубинская А. В. К вопросу о поколенной модели Хоува-Штрауса / А. В. Голубинская // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 1. Т. 2. С. 98–101.
8. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования / Ю. А. Левада // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 5 (55). С. 78–87.
9. Шиндряева И. В. Профессиональные ценностные ориентации молодежи в контексте поколенческой теории / И. В. Шиндряева // *Вестник Поволжского института управления*. 2015. № 6 (51). С. 144–148.
10. Воронцова Ю. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) / Ю. Воронцова, В. В. Ермолаев // *Психология*. 2016. № 1. С. 1–12. DOI: 10.7256/2409–8701.2016.1.16664.
11. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект / А. Б. Кулакова // *Вопросы территориального развития*. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6
12. Иванов М. С. Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодежи «поколения Z» / М. С. Иванов, М. С. Яницкий // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: материалы III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции*. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. С. 125–133.
13. Воскресенский А. А. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний — к постановке проблемы / А. А. Воскресенский, В. А. Рабош, А. Г. Сунягина // *Общество. Среда. Развитие*. 2018. № 1. С. 84–87.
14. Мохова С. Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений / С. Ю. Мохова // *Мир науки*. 2017. Т. 5. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf>

15. Данилов А. Н. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова // Социология / Белорус. гос. ун-т. 2017. № 1. С. 109–118.
16. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 238 с.
17. Маслова О. В. Ценностные типы современных российских студентов / О. В. Маслова, Д. А. Шляхта, А. И. Ярмолюк // Луриевский подход в мировой психологической науке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 103–104.
18. Сокольская М. В. Ценностные ориентации в структуре личности и деятельности подростков / М. В. Сокольская. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004. 120 с.
19. Дагбаева С. Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект / С. Б. Дагбаева, Р. Д. Санжаева. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. 136 с.
20. Яницкий М. С. Особенности ценностных предпочтений российских и украинских студентов / М. С. Яницкий, Ю. В. Пелех, А. В. Серый // Вища освіта України. 2012. № 1, додаток 1. С. 139–146.
21. Маслова О. В. Изменение ценностных ориентаций вьетнамских студентов в России: результаты эмпирического исследования / О. В. Маслова, Д. Т. Буй // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63), т. 3. С. 179–184.
22. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования ценностных ориентаций личности / А. Р. Монсонова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 186 с.
23. Неяскина Ю. Ю. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города при разных уровнях городской идентичности у вузовской молодежи / Ю. Ю. Неяскина, О. Е. Бурова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63), т. 3. С. 189–196.
24. Кадыров Р. В. Ценностно-смысловая сфера личности студентов специальности «Клиническая психология» в период обучения в вузе / Р. В. Кадыров // Психология обучения. 2014. № 8. С. 72–85.
25. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 70 с.
26. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Ш. Шварц // Психология. 2008. № 2. Т. 5. С. 37–67.

ГЛАВА 5
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ
РОДИТЕЛЯ С РЕБЕНКОМ
(КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

CHAPTER 6
ETHNOPSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE
PARENTCHILD RELATIONSHIP (CROSS-CULTURAL STUDY)

© *Санжаева Римма Дугаровна*
доктор психологических наук, профессор
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, e-mail: rimmasan24@mail.ru

Sanzhaeva Rimma Dugarovna
PhD in Psychological Science,
Professor of General and social psychology
Buryat State University, Ulan-Ude

Психологическая культура отношений с ребенком есть результат осознанной работы родителя над самим собой. Осознание культурных нормативов отношений с ребенком, сложившихся поведенческих стереотипов родительского отношения, конфликтного смысла побуждают к работе родительское самосознание. В рамках выдвигаемых проблем нашей работы можно говорить о родительском самосознании как подструктуре самосознания внутри этнического самосознания человека, которое определяется психологической культурой.

Самосознание родителя — это осознание родителем себя субъектом системы психологических отношений с ребенком. Самосознание личности родителя позволяет ему осознать свое родительское «я», свои отношения с ребенком, активный характер их установления. Когнитивная, эмоциональная, конативная характеристики системы отношения к ребенку составляют компоненты самосознания родителя, которое помимо перечисленных включает еще и самоотношение.

Самосознание матери, отца может быть рассмотрено в контексте идей культурно-исторической психологии Л. С. Выготского

и понятия А. Г. Асмолова о «взросло-детской общности» как особое системное психологическое образование в системе отношений с ребенком.

Данная работа, направленная на изучение самосознания родителей в разных этнических группах, проводилась в городских и сельских населенных пунктах. Преобладающую часть населения составляли либо буряты, либо русские. Использовались шкалы стандартизированных опросников ОРО Варга-Сталина и методики PARI. С целью выявления этнокультурной вариативности компонент самосознания родителей шкалы опросников были перегруппированы.

Результаты исследования показали, что когнитивная компонента самосознания является этнокультурной инвариантой. У родителей различных этносов когнитивный образ ребенка и их представления об отношении и обращении с ним не имеют специфических особенностей на конкретном историческом этапе.

Характеристики когнитивной компоненты самосознания родителей имеют этнокультурные различия. Если в отношениях родителей русских и бурят к младшему подростку нет значимых различий, то в старшем подростковом возрасте характеристики системы отношений когнитивной компоненты самосознания родителей проявляются по-разному. Исключение составляют значения, полученные по шкалам «авторитарная гиперсоциализация» и «преодоление сопротивления, подавление воли». Подросток может войти в мир культуры только при посредничестве взрослого. Значимые различия в значениях по шкале «авторитарная гиперсоциализация» у родителей-русских и родителей-бурят объясняются не только пониманием родителями необходимости протекции как в младшем, так и в старшем подростковом возрасте, но и особенностями культуры, мировоззрения и мироощущения представителей отдельного этноса.

Выраженность значений у родителей бурят по шкале «преодоление сопротивления, подавление воли» в системе отношений с младшим подростком мы связываем с конфуцианскими правилами воспитания. Мы полагаем, что основные положения центральноазиатского холизма объясняют особенности характеристик, составляющих компоненты самосознания родителей-бурят. Центральноазиатский холизм — светское мировоззрение, которое обусловлено характером

кочевнической цивилизации и выражает глобальное единство человека с миром. Наши предположения подтверждаются результатами эмпирических исследований.

Психологическая культура бурят ориентирует родителей на установление таких отношений с ребенком, при которых он не теряет ощущения единства с миром, большой семьей субъективных отношений, которая определяется сформировавшейся у родителя в детстве психологической культурой отношений. Ориентация родителя на сложившиеся нормы отношений к ребенку дает устойчивый, стабильный результат в характере системы отношений, в то время как поиск новых решений, изменение этнокультурного стереотипа отношения приводит к изменениям, последствия которых предусмотреть не всегда возможно. Устойчивость как характеристика субъективных отношений определяется возможностями родителя вносить изменения в систему отношений с ребенком.

Таким образом, в структуре самосознания родителя конативная компонента является этнокультурной вариантой, в то время как когнитивная, эмоциональная компонента самосознания родителей и самоотношение родителя остаются культурными инвариантами.

При анализе результатов опроса родителей (300 лиц) на вопросы опросников родительского отношения преследовалась цель показать наличие элементов тэнгрианского мироустройства (*тэнгри* в пер. с бур.-монг. буквально небо) в установках воспитательных воздействий родителей- бурят.

Была определена относительная частота появления ответов «да» и «нет» в использованных опросниках. Утверждения, получившие 95% ответов «да», при интерпретации результатов были рассмотрены как воспитательные установки родителей. Сопоставление относительных частот появления ответа «да» на утверждения опросника позволило выделить особенное в отношениях бурятских родителей к подросткам.

Внимательное изучение системы установок позволяет считать, что основой поведения современного бурятского родителя по отношению к подростку является вытекающая из образа мироустройства веками зафиксированная традиция воспитания, требующая выполнения негласных правил. Выполнение этих правил принципиально.

Таким образом, конативная компонента самосознания родителя несет ответственность за устойчивость сложившихся в этнокультуре норм отношений с ребенком, позволяет в ситуации конфликтного смысла принимать решения, привносящие изменения в характер сложившейся системы отношений.

Анализ результатов этнографических, этнокультурных, этнопсихологических отечественных и зарубежных исследований позволил сделать вывод о том, что экономика и быт конкретного этноса обусловлены климатогеографическими условиями жизни. Сложившиеся социальные отношения определили особенности аксиологических и деонтологических ценностей.

Данные особенности подтвердились в ходе нашего исследования и были зафиксированы на уровне языковой системы как идеального образования, имеющей в своей структуре семантические единицы, способствующие устойчивости мировоззрения. В компонентах самосознания родителя была показана внутренняя связанность, целостность выражения субъективных отношений.

Корреляционные матрицы по результатам шкал PARI, характеризующих компоненты самосознания русских родителей. В когнитивной компоненте самосознания русских родителей была выявлена корреляционная связь с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена между показателями шкалы «побуждение словесных проявлений» и «развитие активности ребенка» ($r_s=0.36$); показателями шкалы «развитие активности ребенка» и «стремление ускорить развитие ребенка» ($r_s=0.38$).

Между показателями шкал «побуждение словесных проявлений» и «стремление ускорить развитие ребенка» корреляционная связь отсутствует ($r_s=0.04$). Наличие выявленных корреляционных связей можно объяснить пониманием родителями взаимообусловленности уровней речевого и психического развития ребенка.

В конативной компоненте самосознания родителя содержится тенденция управления психической активностью ребенка и наблюдается взаимосвязь между характеристиками волевых проявлений личности родителя и установлением принятой в этносе оптимальной социальной дистанции с ребенком.

Наличие корреляций между показателями шкал, отнесенных к проявлениям субъективных отношений в эмоциональной компоненте самосознания, указывает на то, что эмоциональные выражения человека носят амбивалентный характер. Родитель проявляет по отношению к своему ребенку не только положительные эмоции, выражающиеся в заботе, ласке, любви, но и отрицательные, способствующие демонстрации недовольства, гнева, обиды. Осознание родителем двойственной природы эмоций по отношению к ребенку обеспечивает внутреннюю целостность эмоциональной компоненты самосознания личности родителя и предоставляет ему свободу выбора, возможность совершать поступки по отношению к ребенку.

Мы провели аналогичный корреляционный анализ между показателями шкал, полученными в выборке бурятских родителей. Результаты коэффициентов корреляции отличаются в сотых значениях, что говорит о внутренней согласованности выделенных нами компонентов самосознания и у данной категории исследуемых.

Таким образом, корреляционный анализ характеристик черт, составляющих компоненты самосознания родителей в русском и бурятском этносах, показывает на наличие когерентности субъективных отношений и позволяет сделать вывод о том, что представленные компоненты самосознания родителя имеют целостную структуру. Связь между компонентами самосознания устанавливается в результате психической деятельности родителя по присвоению общекультурных норм отношений к ребенку.

Детство же целиком находится под влиянием не религиозности, а светской системы воспитания, которая требует постоянного самосовершенствования, послушания старшим, неукоснительного и строгого соблюдения всех существующих норм и правил поведения. Наблюдения за отношениями детей к родителям, анализ результатов опроса подростков-бурят являются индикаторами устоявшейся системы отношений старших членов семьи к младшим.

Сопоставительный анализ исследования результатов опроса родителей русских и бурят и подростков показал, что в системе отношений к ребенку присутствует непоследовательность воспитательных воздействий со стороны родителя. Эта черта ярко выражена в ответах старших подростков, в то время как младшие

подростки, присваивая нормы требований со стороны родителей, хорошо чувствуют ограничение их суверенности. Это является, по нашему мнению, показателем того, что культурные нормы отношения человека к человеку, в том числе и к ребенку, усваиваются в период предподросткового кризиса. Данный вывод согласуется с теоретическим положением о сензитивном периоде становления ценностно-смыслового сознания в подростковом возрасте.

Аргументом, усиливающим вывод, сформулированный выше, являются изменения в конативной компоненте самосознания при этнокультурном сопоставлении, наблюдаются в момент перехода от младшего подросткового возраста к старшему.

Таким образом, синкретизм центральноазиатского холизма и буддизма, принципы конфуцианства в воспитательной системе бурят, многоликая семантика бурятского языка, закрепившего в своей лексике разнообразие родственных отношений, устное народное творчество и произведения бурятских мыслителей и писателей определяют особенное, специфическое в системе отношений родителя к ребенку по сравнению с русским этносом.

Самосознание русских родителей обнаруживает особенности психологического отношения к ребенку родителя в ситуации отчуждения мира взрослых и мира детей (Д. И. Фельдштейн).

В условиях технократического общества недопонимание родителем значения своей воспитательной функции есть результат недостаточного осознания характера своей системы отношений с ребенком и родительской роли в ней. Возрастающие требования к уровню профессиональной компетентности все меньше места оставляют в жизни человека для реализации себя в сфере брачно-семейных отношений, ограничивают возможности предусматривать последствия своих воспитательных воздействий на ребенка. Выражаемое отношение человека к человеку определяется не только степенью активности и является нравственным критерием, но и характеризуется степенью сознательности, определяя человеческое счастье.

Второй круг проблем замыкается вокруг механизмов формирования девиантного материнства и отцовства. В последние годы в отечественной литературе по психологии большое внимание уде-

ляется проблемам насилия над детьми, агрессивности родителей, социальному сиротству, что же характеризует систему отношений родителя с ребенком, определяет самосознание родителя.

Третий круг проблем был обозначен давно. Психологи подвергли анализу последствия проявлений различных стилей воспитания. Выбор родителем стиля воспитания своего ребенка требует ориентироваться на аксиологические и деонтологические нормы, сознавать себя субъектом складывающейся системы отношений с ребенком, нести ответственность.

Система отношений личности является динамическим образованием, содержание которого усваивается в период предпубертативного кризиса и раскрывается с течением времени. Представления о системе отношений с ребенком в имплицитном виде хранятся у потенциального родителя и определяют характер отношений с детьми в настоящем и будущем.

Семья рассматривается нами как система, имеющая свою организационную структуру, определяемую культурными традициями и аксиологическими и деонтологическими нормами взаимодействия в ней.

Необходимость отождествления личности с группой является глубокой психологической потребностью в обеспечении успешных процессов социализации и психологической адаптации. В конце прошлого, начале нынешнего столетия явления этнической идентичности в социальных процессах на постсоветском пространстве обрели новое значение и актуальность исследования вследствие обращения людей к своим истокам, корням.

В толковом словаре Дудена (Duden, www.duden.de) Identifizierung (идентификация) das Identifizieren; das Sichidentifizieren; Identifikation (идентифицирование, самоидентифицирование) Identifikation идентификация 1. Identifizierung 2. (Psychologie) das Sichidentifizieren (2c) sich mit einer anderen Person oder Gruppe emotional gleichsetzen und ihre Motive und Ideale in das eigene Ich übernehmen в психологии — самоидентификация — эмоциональное отождествление себя с другим лицом или группой и заимствование их мотивов и идеалов в собственное Я.

Слово Identität (идентичность) — 1a. Echtheit einer Person oder Sache; völlige Übereinstimmung mit dem, was sie ist oder als was sie

bezeichnet wird переводится как (подлинность лица или вещи; полное соответствие тому, что оно/она есть или тому, как что она/оно обозначается); 1б. (Psychologie) als »Selbst« erlebte innere Einheit der Person (в психологии) понимается как внутреннее единство лица, переживаемое как «самость» (или как «собственное Я»); 2.völlige Übereinstimmung mit jemandem, etwas in Bezug auf etwas; Gleichheit (полное соответствие кому-либо; что-либо по отношению к чему-либо; тождественность).

В психологии этническая идентичность изучается с нескольких позиций: примордиализма, функционализма, конструкционизма.

С позиций социального конструкционизма Т. Г. Стефаненко разработала концепцию этнической идентичности. Она рассматривает этническую идентичность в качестве одного из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности и являющихся результатом переживания отношений Я и этнической среды. В своём диссертационном исследовании автор различает этническое самосознание и этническую идентичность. В основе исследования лежит изучение механизмов межгрупповой дифференциации на основе явлений языковой компетентности и речевого поведения, иных этнодифференцирующих признаков, социальных стереотипов, социальной каузальной атрибуции [1].

Этнос как психологическая общность выполняет следующие функции: 1) ориентирует в окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию; 2) задает общие жизненные ценности; 3) защищает, отвечая не только за социальное, но и за физическое самочувствие.

Д. А. Леонтьев различает социальную и личностную идентичность. Будучи представителем большого числа социальных групп, человек пребывает в состоянии множественных, неустойчивых и нередко конфликтных идентичностей. Автономная личность способна «разрешать конфликт идентичностей, конструируя своё «я» в соответствии со своими ценностями, а не наоборот... Эта работа предполагает уровень личностной зрелости, которого достигают далеко не все взрослые» [4, с. 6].

Н. Л. Ивановой убедительно было показано, что социальная идентичность образуется не единичным конструктом, а целостной системой, объединяющей определенное количество взаимосвязанных конструктов, имеющей различную структуру в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта (Д. Баннистер, Ф. Франселла, Дж. Келли). В структуре социальной идентичности выделяют единство когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов, объединение которых создает определенные функциональные блоки:

«базисный» — узлолокализованная самоидентификация; обеспечивает истолкование социальной реальности на уровне этнической, региональной, семейной общности и подобных общностей; мотивация самозащиты; ценности личной жизни, здоровья, безопасности и защищенности;

«индивидуально-личностный» — проявляется в самоидентификации по отношению к требованиям культуры различных сообществ; обеспечивает истолкование сложившихся нравственных критериев оценки социальных общностей; связан с мотивацией самоуважения, ценностями общения, культуры;

«профессионально-деловой» — обеспечивает истолкование и субъективную причастность к профессиональным, деловым, гражданским и подобным общностям; проявляется в мотивации самореализации, ценностях профессиональной и деловой жизни.

Теоретически и эмпирически обосновано, что социальная идентичность имеет динамичную структуру, представляющую собой единство когнитивного и ценностно-смыслового аспектов [3].

Таким образом, этническая идентичность представляет структурный компонент социальной идентичности, внутри которого как части целого необходимо учитывать когнитивный и ценностно-смысловой компоненты. Р. Д. Санжаева разрабатывает положения этнопсихологии на примере бурятского этноса и вопрос этнической идентичности рассматривает как один из ведущих [1].

Проблема трансформации этнической идентичности рассматривается группой исследователей в контексте модернизации образа жизни. Наиболее очевидными последствиями модернизации являются переход к новому типу производства, повышение уровня образования и т. п. Изменение ценностных ориентаций и их иерархии, смена

критериев оценки удовлетворенностью жизнью и представлений о собственном благополучии предполагают переоценку статуса своей группы (этнокультурной общности), что сказывается на её отношении к себе, собственной идентичности, а также на отношениях с другими этническими группами [6, с. 158]. В литературе также различают определенную/неопределенную этническую идентичность, степень позитивности/негативности этнической идентичности (Р. Браун, Д. Тейлор). Трансформацию этнической идентичности вызывает изменение структуры ценностей в традиционных обществах [7, с. 159].

Мы предположили, что нарушение согласованности жизненных смыслов двух поколений проявляется в асимметрии пары категорий жизненных смыслов, приводящей к гармонизации всю систему культурных ценностей и удерживающую ее в равновесии.

Современные измерительные инструменты, ориентированные на изучение ценностно-смысловой сферы личности, представлены методиками, измеряющими выраженность тех или иных жизненных смыслов, ценностных ориентаций и представляющих иерархию системы ценностей. В целях своего исследования мы использовали методику исследования системы жизненных смыслов В. Ю. Котлякова. По аналогии с классификационными категориями П. Иберсола [5, с. 25]. В. Ю. Котляков выделил 8 таких категорий жизненных смыслов: альтруистический, экзистенциальный, гедонистический, статусный, коммуникативный, семейный, когнитивный, самореализации. К сожалению, в известной нам литературе мы не нашли конкретизации содержания каждой категории жизненного смысла, что значительно затруднило процесс последующей обработки и интерпретации результатов.

Значение термина «категория альтруистических жизненных смыслов» включает в себя бескорыстную помощь другим, не ожидая награды. По наблюдениям этологов, альтруистическое поведение в сообществах животных и в социуме формируется при наличии мощнейшего внешнего врага и межгрупповых конфликтов. Обработка данных подростками и их родителями ответов по названной категории представлена на рисунке 1. Накопленные частоты предпочтений этой категории жизненного смысла показывают, что в бурятском этносе у подростков альтруистические смыслы смещаются в иерархии системы категорий смыслов на последние места.

Д. А. Леонтьев пишет, что экзистенциализм часто ошибочно понимают как размышления «о жизни вообще». Однако отличительным признаком экзистенциального взгляда на жизнь в отличие от многочисленных других взглядов на нее выступает признание возможности занять по отношению к своей жизни рефлексивную и произвольную позицию, в том числе и менять эту позицию [4, с. 58].

Гедонистический смысл жизни (гр. *hedone* — наслаждение) связан с опытом чувств. Удовольствия, которые этот опыт доставляет или поставляет, могут предвосхищать приоритетность этой категории жизненных смыслов.

Основной формой самореализации является достижение цели. Самореализация (*self-actualization*) может быть буквально понята как реализация потенциала личности или выявление индивидом своих способностей и их развитие. В таком контексте могут быть изучены результаты по категории жизненного смысла самореализации.

В рамках проводимого нами исследования мы будем понимать реализацию статусного жизненного смысла как занимаемое индивидом или группой, к которой он принадлежит, место в обществе. Социальный статус следует учитывать в иерархии жизненных смыслов, так как он может выступать в качестве объекта социального действия.

Категорию коммуникативных жизненных смыслов можно обозначить несколькими содержаниями: получение информации в процессе общения; эмоциональное насыщение; создание системы взаимопонимания и т. п. Для человека, предпочитающего принадлежность к семье, имеющего семью, категория «семейный жизненный смысл» занимает приоритетные позиции.

Больше всего вопросов, возражений и комментариев (как нам думается, не случайно) при обсуждении результатов вызвала категория «когнитивные жизненные смыслы» (рис. 8). Понимание этой категории наполняется знанием самого когнитивного процесса и вследствие этого уводит в сторону от логического подлежащего исследования. Неутешительная ранговая позиция этой категории в век потребления и информационных технологий может быть объяснена тем, что когнитивный смысл осознания заключается в преодолении потенциальной избыточности понимания» [9].

Опросник Шварца по изучению ценностей личности представляет собой шкалу, предназначенную для измерения значимости десяти типов ценностей. В основе методики изучения индивидуальных ценностей, которую разработал Шварц, лежат концепция Рокича о существовании терминальных и инструментальных ценностей, концепция Шварца о мотивационной цели ценностных ориентаций и универсальности базовых человеческих ценностей. Шварц сгруппировал ценности, отобранные среди выявленных в предшествующих исследованиях, в десять мотивационно отличающихся типов. Они, с его точки зрения, охватывают базовые типы: власть, гедонизм, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность, стимуляция, достижения.

Согласно теории Ш. Шварца, ценности личности существуют на двух уровнях: на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов.

Опросник состоит из двух частей, отличающихся процедурой проведения. Первая часть опросника («Обзор ценностей») предоставляет возможность изучить нормативные идеалы, ценности личности на уровне убеждений, а также структуру ценностей, оказывающую наибольшее влияние на всю личность, но не всегда проявляющуюся в реальном социальном поведении.

Вторая часть опросника («Профиль личности») изучает ценности на уровне поведения, то есть индивидуальные приоритеты, наиболее часто проявляющиеся в социальном поведении личности.

Различие показателей по типам ценностей в этих двух частях опросника, характеризующих два уровня функционирования ценностей, отражает ценностное давление, которое осуществляется, с одной стороны, через социализацию и, с другой стороны, посредством референтной группы и традиций.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе изучалось проявление особенного в иерархии категорий жизненных смыслов у двух поколений в русском и бурятском этносах. На втором этапе рассматривалась тенденция изменения иерархии системы ценностей у двух поколений в бурятском этносе.

В исследовании первого этапа принимали участие 20 бурятских и 40 русских семей. Участвовало 40 русских мам и 40 подростков, а также 20 мам, пап и их детей-подростков из бурятских семей.

Результаты исследования позволили обнаружить особенное в проявлениях накопления рангов категорий жизненных смыслов в русском и бурятском этносах. Было выявлено, что русские подростки по сравнению со своими родителями (были опрошены их мамы) не ставят категорию «семейный жизненный смысл» на первое место (рис.1). Такая же тенденция, но меньше выраженная, наблюдается по сравнению с их родителями у подростков-бурят. Семейный жизненный смысл занимает приоритетные позиции у старшего поколения. Ценность этого смысла подрастающим поколением только обретается.

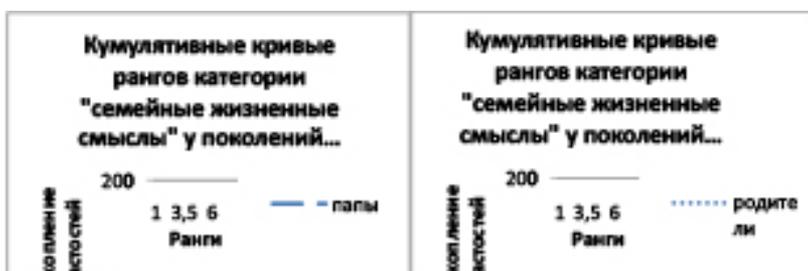

Рис. 1. Кумулятивные кривые рангов категории «семейные жизненные смыслы» у двух поколений в русском и бурятском этносах

Качественно другие результаты были получены по категории «статусные жизненные смыслы». В то время как у русских подростков эта категория имеет вообще преобладающее, приоритетное место во всей иерархии системы жизненных смыслов, у подростков-бурят даже по сравнению с их родителями она не занимает первых позиций и смещается в сторону больших значений рангов (рис. 2).

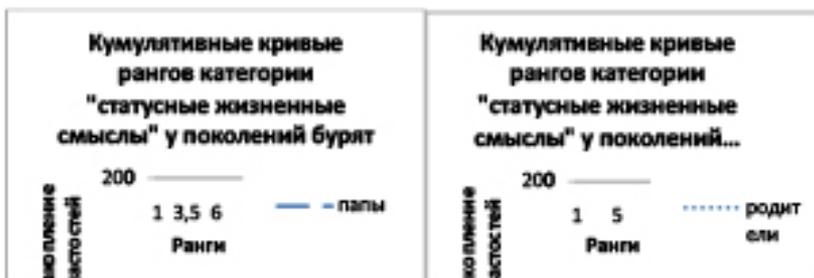

Рис. 2. Кумулятивные кривые рангов категории «статусные жизненные смыслы» у двух поколений в русском и бурятском этносах

Ранги категории «самореализация» у бурятских подростков выше, чем у их родителей. Наблюдается слияние кумулятивных кривых по этому рангу у подростков и мам в русском этносе (рис. 3).

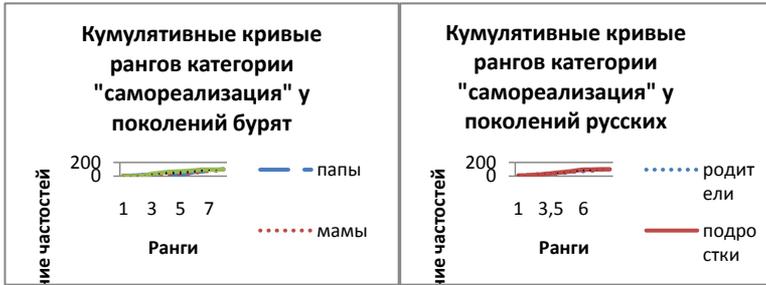

Рис. 3. Кумулятивные кривые рангов категории жизненного смысла «самореализация» у двух поколений в русском и бурятском этносах

Таким образом, ранги категорий жизненных смыслов при сравнении подростков и их родителей в двух этносах проявляются разнообразно. Сопоставление кумулятивных кривых рангов категорий жизненных смыслов показывает приоритетные позиции категории «семейные жизненные ценности» у обоих поколений бурятского и русского этносов и категории «экзистенциальные и коммуникативные жизненные смыслы» у обоих поколений в русском этносе. Ярко выражена тенденция занимать последние места в иерархии жизненных смыслов у обоих поколений в русском этносе по категории «когнитивные жизненные смыслы» (рис. 4).

Рис. 4. Кумулятивные кривые рангов категории «когнитивные жизненные смыслы» у двух поколений в русском и бурятском этносах

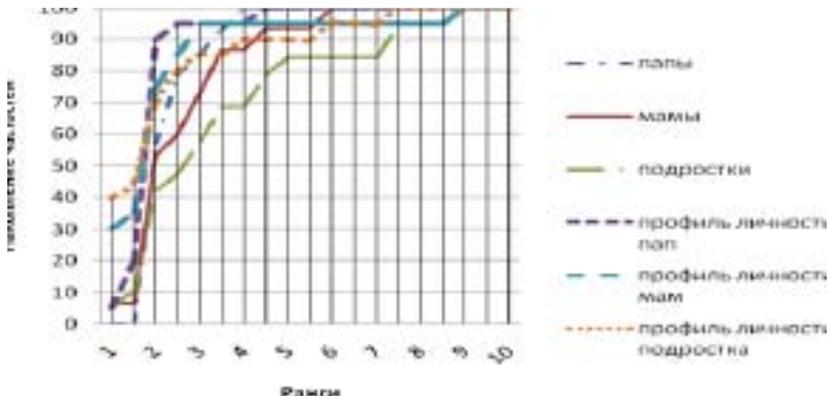

Рис. 6. Кумулятивные кривые рангов ценности «безопасность» у бурятских родителей и их детей-подростков на уровне убеждений и поведения

Социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность, взаимное расположение, взаимопомощь, чистота, чувство принадлежности, здоровье, составляющие цель безопасности для личности, в то же время определяют ценностями коллективной безопасности. В структуре этнической идентичности бурят универсализм и безопасность являются детерминирующими типами ценностей поведения и его норм.

Шварц дает следующую характеристику типу ценности «власть» (power). Функционирование социальных институтов требует определенной дифференциации статусов, и в большинстве случаев в межличностных отношениях в разных культурах было выявлено сочетание показателей доминантности/подчиненности. Центральная цель этого типа ценностей заключается в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание). Ценности *власти* и *достижения* фокусируются на социальном уважении, однако ценности *достижения* (например, успешный, амбициозный) подчеркивают активное проявление компетентности в непосредственном взаимодействии, в то время как ценности *власти* (авторитет, богатство) подчеркивают достижение или сохранение доминантной позиции в рамках целой социальной системы (рис. 7).

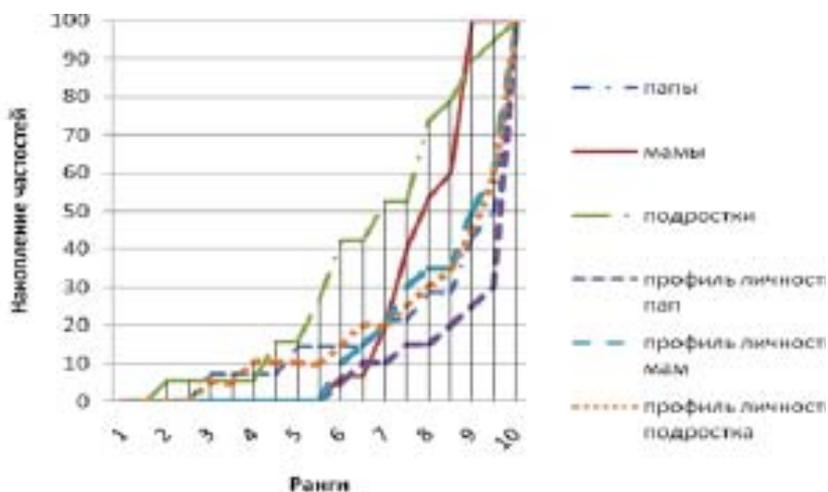

Рис. 7. Кумулятивные кривые рангов ценности «власть» у бурятских родителей и их детей-подростков на уровне убеждений и поведения

Последние позиции в иерархии ценностей занимают типы ценностей «власть» и «гедонизм». Еще раз подчеркнем, что ценность власти фокусируется на социальном уважении. Эмпирические данные по типу ценности «власть» показывают устойчивость традиций. В иерархии ценностей в соответствии с представлениями о социальных нормах и родители, и подростки типу ценности «гедонизм» отдают последние позиции.

Относительно устойчивая центральная позиция у типов ценности «конформизм» и «традиция». Такая позиция данных типов ценностей не случайна и находит объяснение условиями трансформации социокультурных норм в ситуации преобразования общества.

Типы ценностей «доброта» и «самостоятельность» занимают позиции первой половины диапазона результатов ранжирования. Во второй половине диапазона результатов ранжирования типов ценности «достижения» и «стимуляция». Потребность в автономности и независимости, определяющая ранги типа ценности «самостоятельность», в логике социальной жизни затеняет организменную потребность в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности, лежащую в основе ценности стимуляция.

Обсуждения заслуживают шкалы типов ценностей «достижения», «гедонизм», «доброта» и «традиции». Эмпирические данные профилей личности подростков по этим шкалам значительно отличаются от значений рангов ценностей поведения и его норм у родителей. Подростки на уровне поведения в иерархии ценностей отдают первые позиции типам ценностей «достижения» и «гедонизм» (значимость различий на уровне $p \leq 0,05$ при $v=1$ по критерию $\chi^2_{\text{эмп}}=5,26$ для типа ценности «достижения» и $\chi^2_{\text{эмп}}=6,51$ для типа ценности «гедонизм»). Причем тип ценности «достижения» в иерархии занимает 3–4-ранговую позицию. В опроснике Шварца ценность *достижения* (например, успешный, амбициозный) подчеркивает активное проявление компетентности в непосредственном взаимодействии, а гедонизм — наслаждение жизнью, чувственное удовольствие.

У подростков кумулятивные кривые типов ценностей «доброта» и «традиции» по профилю личности смещаются в сторону увеличения числового значения ранговых позиций. Значимость различий на уровне $p \leq 0,05$ при $v=1$ по критерию $\chi^2_{\text{эмп}}=3,14$ для типа ценности доброта, и $\chi^2_{\text{эмп}}=6,71$ для типа ценности «традиции». Уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им на уровне поведения не совпадает с ранговыми значениями представлений о том, каким оно должно быть в рамках установленных социальных норм поведения в этносе. Доброта как полезность, лояльность, снисходительность, честность, ответственность, дружба, зрелая любовь в подростковом возрасте еще не осознана в полной мере, и эмпирические данные могут объясняться как особенности возрастных проявлений в группе.

Выводы:

1. Изучение содержания идентификационного процесса требует как минимум обращения к двум поколениям, а оптимальный состав выборки для решения поставленного вопроса должен включать три поколения в семье.

2. В присвоении системы норм и ценностей, изменении их иерархии, следовательно, самым пластичным является личностный уровень. Однако следует учитывать, что компонентами, определяющими идентификационный процесс, также являются чувство вины

как внутреннее напряжение между структурными компонентами «Я» и «Сверх-Я», работа совести, определяемая структурой сознания.

3. Самые сильные связи в идентификационных процессах устанавливаются с мамой.

4. Содержательно качественные изменения на уровне этнической группы могут быть заметны не сразу в силу замедленности процессов изменения и закрепления новообразований в структуре психики подростков, не нашедших идентификации с родителями. Однако выявленные эмпирически особенности могут быть объяснены и свойственными для подросткового возраста характеристиками.

5. Слияние кумулятивных кривых на уровне поведения и его норм по полученным показателям у двух поколений свидетельствует о наличии единой иерархии системы ценностей, эмпирически определяющей целостность этнической идентичности.

6. Разнящееся накопление частот рангов ценностей на уровне поведения у подростков с показателями их родителей является фактом, имеющим объяснение не только в возрастных особенностях взрослеющего поколения. Социокультурные изменения привели к трансформации иерархии системы ценностей, имеющей результатом закрепление у подрастающего поколения.

7. Такие типы ценностей, как универсализм, самостоятельность и безопасность, занимают первые позиции в иерархии системы ценностей родителей подростков в бурятском этносе. Типы ценностей «власть», «гедонизм», «стимуляция» оттесняются на последние позиции в иерархии системы ценностей. Полученные эмпирические факты находят объяснение в истории становления бурятского этноса, его морально-этических норм и событий современности.

8. Глобальные процессы экономики затрагивают глубинные пласты устоев бытия психологического сообщества, что выражается в изменении иерархии ценностей у подрастающего поколения.

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Т. Г. Стефаненко; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, 1999.

2. Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека / Д. А. Леонтьев // Философские науки. 2009. № 10.
3. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Н.Л. Иванова. Ярославль, 2003.
4. Санжаева Р.Д. Этнопсихология бурят / Р. Д. Санжаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 5. С. 131–133.
5. Дугарова Т. Ц. Этническое самосознание личности: мифологический дискурс / Т. Ц. Дугарова // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 45–53.
6. Дугарова Т. Ц. Идентификация как механизм развития этнического самосознания / Т. Ц. Дугарова // Наука и школа. 2009. № 3. С. 59–61
7. Татарко А. Н. Роль модернизации образа в трансформации этнической идентичности / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева, М. А. Козлова // Вопросы психологии. 2006. № 2. 77–79
8. Леонтьев Д. А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор / Д. А. Леонтьев // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 58–82.
9. Агафонов А. Ю. Когнитивный смысл и логика порождения осознаваемых переживаний / А. Ю. Агафонов. URL: <http://andrey-agafonov.narod.ru/books/cogn.htm> (Дата обращения 18 октября 2012 г.)
10. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. Санкт-Петербург, 2004. 270 с.

ГЛАВА 6
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ:
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
CHAPTER 6
VALUE ORIENTATIONS OF PERSONALITY:
ETHNOPSYCHOLOGICAL ASPECT

© *Монсонова Арюна Раднанимаевна*
кандидат психологических наук, доцент
кафедры возрастной и педагогической психологии,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ, e-mail: monsonova77@mail.ru

Monsonova Aryuna Radnanimaevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of Age and Pedpsychology,
Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude

Актуальность изучения национально-психологических особенностей этнической личности и группы в настоящее время продиктована активизацией межэтнических, межконфессиональных отношений. Студенчество как наиболее активная социальная группа кроме выражения внешней активности направлено на духовное совершенствование через интериоризацию социокультурных норм и ценностей, что определяет их этноконфессиональную принадлежность к значимой этнической группе. Ценности неразрывно связаны со смысловой сферой личности. Так, В. Франкл и Г. Оллпорт фактически не разделяют понятия «ценности» и «личностные смыслы». Как пишет Г. Оллпорт, «ценность в моем понимании — это некий личностный смысл. Ребенок осознает ценность всякий раз, когда смысл имеет для него принципиальную важность» [1, с. 137].

В. Франкл понимал под ценностями личности так называемые «универсалии смысла», т. е. смыслы, присущие большинству членов общества, всему человечеству на протяжении его исторического развития [там же]. Б. С. Братусь определяет личностные

ценности как «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни» [2, с. 17]. Он проводит разделение личных ценностей как осознанных смыслов жизни и декларируемых, «назывных», внешних по отношению к человеку ценностей, «не обеспеченных «золотым запасом» соответствующего смыслового, эмоционально переживаемого, задевающего личность отношения к жизни, поскольку такого рода ценности не имеют по сути дела прямого касательства к смысловой сфере» [2]. Г. Л. Будинайте и Т. В. Корнилова также подчеркивают, что «личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект определился» [3, с. 47], акцентируя внимание на необходимости не только осознания смыслов, но и решения об их принятии или непринятии. Внутреннее принятие осознанных личностью смыслов выступает, таким образом, необходимым условием образования личностных ценностей. К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский описали роль смысловых представлений в организации системы ценностных ориентаций, которая проявляется в следующих функциях: принятии (или отрицании) и реализации определенных ценностей; усилении (или снижении) их значимости; удержании (или потере) этих ценностей во времени [4, с. 35].

По мнению Д. А. Леонтьева, личностные ценности являются одновременно и источниками, и носителями значимых для человека смыслов [5, с. 17].

В целях выявления структурно-содержательных характеристик ценностно-смысловой сферы личности современного студента как субъекта этноконфессиональных отношений была проведена диагностика студентов-бурят, буддистов, (n — 160) — 1-я группа, студентов-русских, православных христиан, (n—160) — 2-я группа.

Применялись следующие методики: анкета для изучения этнопсихологического своеобразия этноконфессиональных групп; тест ценностных ориентаций М. Рокича. В качестве единицы анализа мы рассматривали ценностные ориентации с точки зрения оценки их студентами как идеальные, реальные, которыми они пользуются как принципами в жизни, а также с точки зрения степени их реализации студентами; тест Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого по выявлению ориентаций испытуемых на ценности адаптации, социализации или индивидуализации; 16-факторный опросник Р. Кеттелла с целью

изучения личностных характеристик представителей этноконфессиональных групп студентов.

В результате проведения тестов ценностных ориентаций М. Рокича, Р. Инглхарта получены следующие данные: у студентов-буддистов наиболее полно реализованы такие ценности, как наличие хороших и верных друзей (10), являющееся важной составляющей свободной (11), продуктивной (6) жизни. Достаточно удовлетворены студенты реализацией таких идеальных для них ценностей, которыми они руководствуются в жизни как принципами — это здоровье (1), семейное благополучие (2), (в большинстве родительская) любовь (3) и развлечения (18).

Выделяет их стремление к жизненной мудрости (5) (рис. 1).

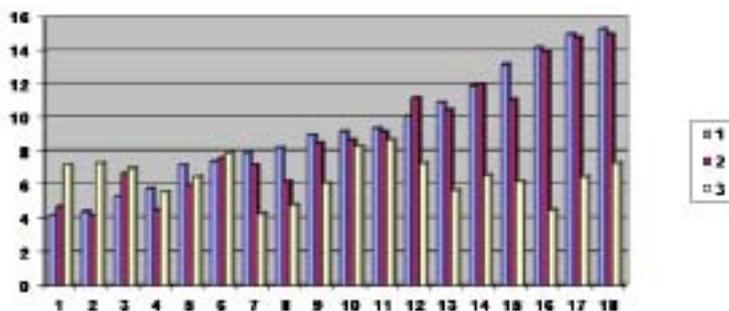

Рис. 1. Показатели терминальных ценностей в 1-й группе:

1—идеальные ценности; 2— ценности принципы;

3— степень реализации по 10-балльной шкале

В групповой иерархии терминальных ценностей бурят также доминируют конкретные жизненные ценности: здоровье, семейное благополучие, любовь, материальная обеспеченность, однако жизненная мудрость и счастье других имеют более важное значение для бурят, чем для русских-православных. Ценностно-смысловая основа буддийского мировоззрения имеет такие характерные ценности, как чуткость (13) и честность (2).

В системе ценностей-средств бурят доминируют такие как ответственность, честность, воспитанность, аккуратность. Наименее значимы эффективность в делах, смелость и высокие запросы (рис. 2).

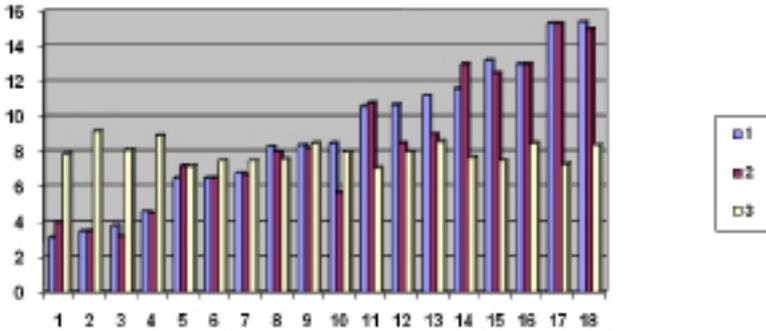

Рис. 2. Показатели инструментальных ценностей в 1-й группе:
 1 — идеальные ценности; 2 — ценности-принципы;
 3 — степень реализации по 10-балльной шкале

Степень реализованности ценностей-целей членов второй группы (рис. 3) говорит о том, что исследуемые хотят соответствовать идеалу современной личности — так, они считают себя здоровыми (1), свободными людьми (13), ведущими активную деятельную жизнь (5) и ценящими красоту природы и искусства (14). Хотя ценность интересная работа (7) значима для студентов, она не реализована на должном уровне в силу отсутствия у большинства студентов постоянной работы.

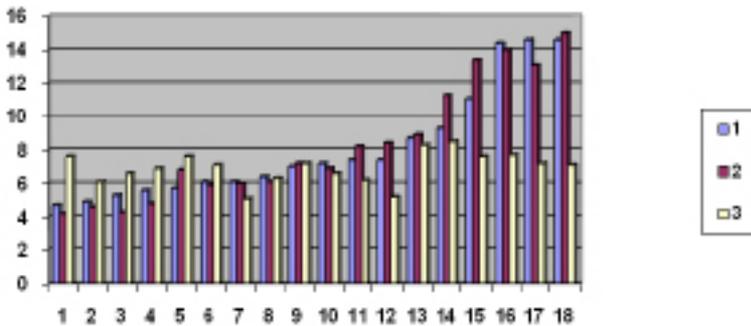

Рис. 3. Показатели терминальных ценностей во второй группе:
 1—идеальные ценности; 2— ценности-принципы; 3— степень реализации
 по 10-балльной шкале

Система терминальных ценностей студентов-православных характеризуется ориентацией на конкретные жизненные ценности: здоровье, материальная обеспеченная, активная жизнь. Развлечения, ценности саморазвития, творчества занимают в иерархии последние места.

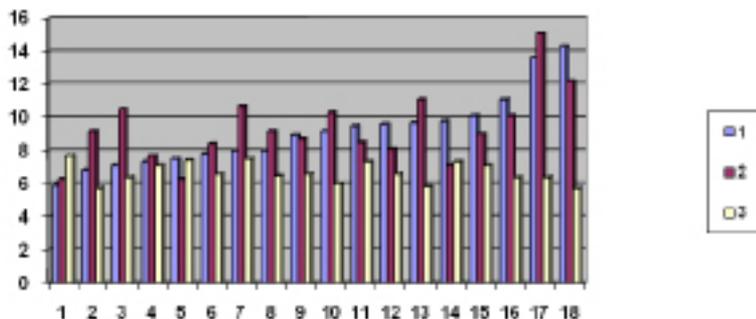

Рис. 4. Показатели инструментальных ценностей во 2-й группе:
1 — идеальные ценности; 2 — ценности-принципы; 3 — степень реализации по 10-балльной шкале

Степень реализованности жизненных ценностей-средств студентов-христиан (табл. 4) показывает яркую этнопсихологическую черту характера русского человека — жизнерадостность (1), а также готовность быть толерантными (7), ответственными людьми (5).

Также они отличаются воспитанностью (в проявлении радушия), стремятся к реализации чуткости (15). Вместе с тем можно выделить и противоречивые, как и у любого этноса, черты: например, стремление к воле (11), рационализм (14), с одной стороны, и высокие запросы на последнем месте (18), с другой стороны. Ведущие позиции в иерархии инструментальных ценностей студентов — православных христиан — занимают жизнерадостность, аккуратность, образованность. К явно отвергаемым относятся высокие запросы и непримиримость к недостаткам в себе и других, что подчеркивает толерантные христианские установки («не суди — и не судим будешь»), но вместе с тем не являются значимыми такие качества, как смелость и чуткость. Среднее значение самореализации терминальных (А) и инструментальных (Б) ценностей во всех этноконфессиональных

группах студентов равно 5,6 и 5,9 и корреляционный анализ выявил их положительную взаимосвязь (при $p < 0,05$) с идеальными ценностями (соответственно 7,2 и 8,0), что указывает на наличие значимой связи между «Я-идеальным» и «Я-реальным», об их достаточно адекватной самооценке. Были обнаружены существенные отличия между ценностями-принципами и реализованными ценностями ($t_{\text{эмп}} = -2,25$; $p < 0,05$), что объясняется разрывом между уровнем притязаний и возможностями.

Сравнение системы ценностных ориентаций студентов (с помощью *t*-критерия Стьюдента) показало значимые различия между выборками в зависимости от этноконфессиональной принадлежности.

В системе терминальных ценностей студентов мы выявили существенные отличия по ценности «счастливая семейная жизнь» ($t_{\text{эмп}} = -2,23$; $p < 0,05$), она оказалась более значима для студентов — приверженцев буддизма. Сравнение инструментальных ценностей показало, что студенты-христиане и студенты-буддисты терпимы к недостаткам в себе и в других ($t_{\text{эмп}} = -2,25$; $p < 0,05$); для них значимы жизнерадостность, чувство юмора ($t_{\text{эмп}} = 2,12$; $p < 0,05$), они предъявляют более высокие требования к жизни ($t_{\text{эмп}} = 2,96$; $p < 0,01$).

При сравнении предпочтений терминальных ценностей в этноконфессиональных группах выявлено, что для всех студентов значимо здоровье (физическое и психическое) ($t_{\text{эмп}} = -2,24$; $p < 0,05$), для студентов-христиан более важны активная деятельная жизнь ($t_{\text{эмп}} = 2,48$; $p < 0,05$) и любовь ($t_{\text{эмп}} = 2,12$; $p < 0,05$). Студенты-буряты отличаются эрудицией и умением уважать мнение других ($t_{\text{эмп}} = 3,0$; $p < 0,01$). Данное обстоятельство объясняется спецификой этноконфессиональных норм и ценностей.

Личностные черты представителей исследуемых групп были изучены с помощью 16-факторного опросника Кеттелла, результаты получены следующие: выявлено наличие у русских — православных христиан следующих личностных черт: высокий уровень интеллекта, настойчивость, смелость, мягкосердечность, пронизательность и довольно практичное отношение к жизни; выявлена доминантность, напористость. Вместе с тем людям этой общности свойственны открытость, общительность, понимание людей, интеллект в норме, несмотря на некоторую беспечность, показатели указывают на орга-

низованность. Также они характеризуются смелостью, мечтательностью, иногда это может выражаться в отрыве от действительности.

У бурят-буддистов значение показателей указывает на высокий уровень интеллекта, с некоторым преобладанием образного мышления, организованность, контроль поведения и внешних проявлений эмоциональных состояний, подчиненных общепринятым нормам и правилам; не завистливы, хорошо относятся к успехам других. Таким образом, представители данной группы характеризуются консерватизмом, иногда суровостью, высокой стрессоустойчивостью, не склонны к лидерству, но когда складываются условия, могут взять ответственность на себя. Результаты применения факторного анализа приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Факторный анализ методики Кеттелла
в группе студентов-христиан

	1	2	3	4	5
Г. Совестьливость	0,69	0,03	0,03	0,18	-0,01
В. Интеллект	0,68	-0,03	-0,11	-0,09	0,45
А. Сердечность	0,65	0,13	0,14	-0,20	-0,08
Q1 Гибкость	0,57	-0,03	0,46	-0,02	-0,07
М. Мечтательность	0,56	-0,16	-0,24	0,06	-0,07
І. Мягкосердечность	0,33	-0,61	0,35	0,07	0,21
С. Эмоциональная устойчивость	-0,07	-0,60	0,16	-0,01	-0,33
Н. Смелость	0,24	0,56	0,00	0,32	-0,18
Е. Доминантность	-0,28	0,55	-0,04	-0,29	-0,05
Q3.Высокий самоконтроль	0,32	0,47	0,46	-0,15	0,18
Л. Подозрительность	-0,06	-0,13	0,80	0,35	-0,07
Q4.Напряженность	-0,09	-0,22	0,72	-0,40	0,10
Н. Расчетливость	0,04	0,02	0,05	0,87	0,02
О. Чувство вины	0,28	0,19	0,15	-0,55	-0,46
Q2.Самостоятельность	-0,03	-0,04	0,07	-0,03	0,79
Ф. Беспечность	0,04	0,37	0,04	0,26	0,45
Дисперсия (%)	15,28	11,68	11,57	10,65	9,39

В группе студентов-христиан выделено 5 главных факторов (58,58 % общей дисперсии). В первом факторе личностных характе-

ристик представлены пять показателей: совестливость, интеллект, сердечность, гибкость, мечтательность. Данный фактор обозначим как «интеллект». Во втором факторе пять показателей: суровость, эмоциональная неустойчивость, смелость, доминантность, средний уровень самоконтроля. Данный фактор можно назвать «переменчивостью». В третьем факторе довольно высокую нагрузку имеют два фактора: подозрительность и напряженность, что позволяет назвать фактор «фрустрация». В четвертом факторе — расчетливость, низкий порог чувства вины. Обозначим этот фактор как «самоуверенность». В пятом факторе представлены два показателя: самостоятельность и беспечность. Русского человека можно охарактеризовать как человека с «широкой душой» для которого всегда была важна свобода — «волюшка-воля», тем более это ярко выражается в молодости, в пору студенчества, поэтому данный фактор можно назвать «свобода».

Таблица 2

Факторный анализ методики Р. Кеттелла
в группе студентов-буддистов

	1	2	3	4
Ф. Беспечность	0,88	-0,13	0,23	-0,08
С. Эмоциональная устойчивость	0,82	-0,04	0,39	-0,13
В. Интеллект	0,81	0,00	0,20	0,07
Н. Смелость	0,81	0,24	0,35	0,26
Q3. Высокий самоконтроль	0,73	0,29	-0,15	0,10
М. Мечтательность	0,66	0,53	-0,11	0,14
Е. Доминантность	0,61	-0,27	0,55	-0,08
І. Мягкосердечность	0,48	0,15	0,48	-0,14
Q1. Гибкость	0,00	0,90	0,02	0,08
Q2. Самостоятельность	0,03	0,84	-0,13	-0,09
О. Чувство вины	0,07	0,78	0,17	-0,36
Л. Подозрительность	0,09	-0,05	0,85	0,13
Н. Расчетливость	0,49	0,20	0,51	-0,46
А. Сердечность	0,39	-0,04	0,10	0,76
Q4. Напряженность	0,41	0,24	0,10	-0,72
Г. Совестливость	0,41	0,48	0,36	0,53
Дисперсия (%)	31,64	18,80	13,22	11,86

В данной группе выделено четыре главных фактора (75,52 % общей дисперсии).

В первом факторе личностных характеристик бурят — приверженцев буддизма, выделились 8 факторов: беспечность, эмоциональная устойчивость, интеллект, смелость, высокий самоконтроль, мечтательность, доминантность, мягкосердечность. Воспитание в бурятских семьях традиционно было строгим, иерархичным, но в то же время спокойным, гармоничным. Несмотря на обычную многочисленность, внимание уделялось каждому члену семьи, поэтому данный фактор можно назвать «постоянство». Во втором факторе выделились три фактора: гибкость, самостоятельность, чувство вины. Данный фактор можно назвать как «интернальность». В третьем факторе представлены два фактора: подозрительность, расчетливость. Данный фактор обозначим как «проницательность». В четвертом факторе представлены сердечность, совестливость и нефрустрированность, что позволяет назвать данный фактор «эмпатия».

Рассмотренная нами система ценностных ориентаций у представителей различных этноконфессий интегрирует различные подходы к объяснению ее содержания, реализуя базовые для отечественной психологии принципы единства сознания и деятельности, историзма, развития, личностного и системного подходов.

Результаты диагностики показали, что система ценностных ориентаций исследуемых групп отличается специфичностью содержания его структурных компонентов, среди которых особенности, проявляющиеся в принадлежности к ценностям этнической культуры, укладе образа жизни, соблюдении традиций этноса.

Исследование ценностно-смысловой сферы современного студента в контексте этноконфессиональных отношений позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на указанные специфические отличия, в данном периоде онтогенеза они слабо дифференцированы и существует ценностно-ориентационное единство, что может быть объяснено общими геополитическими условиями и едиными духовными (буддийскими и христианскими) ценностями предков.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности: избранные психологические труды / К. А. Абульханова-Славская. Москва; Воронеж: Модэк, 1999.224 с.
2. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования ценностных ориентаций личности / А. Р. Монсонова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 128 с.
3. Монсонова А. Р. Психолого-педагогическое сопровождение этноконфессиональной идентичности личности / А. Р. Монсонова, Д. Р. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 122 с.
4. Монсонова А. Р. Образ мира личности / А. Р. Монсонова, Д. Р. Базарова, Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос.ун-та, 2019.122 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. Москва: Прогресс, 1990.368 с.
6. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 264 с.

ГЛАВА 7
**ИДЕНТИЧНОСТЬ ОБРАЗА Я КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ
ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ
КОНТЕКСТЫ ФОРМИРОВАНИЯ**
По материалам Всероссийского исследования

CHAPTER 7
**IDENTITY IMAGE OF I AS A DYNAMIC HIERARCHICAL SYSTEM:
SOCIAL AND CULTURAL CONTEXTS OF FORMATION
(ALL-RUSSIAN STUDY)**

В рамках данного подхода на основе результатов применения теста М. Куна и Т. Макпартленда осуществлена разработка и апробация специального опросника, позволяющего установить ранг значимости 16 категорий, отражающих социально-ролевые компоненты идентичности в основных сферах жизнедеятельности, и тем самым представить индивидуальную или групповую структуру идентичности как упорядоченную иерархию. На выборке из 1251 студента, различающихся по полу, возрасту, национальности, религии, региону проживания и профессиональной направленности обучения, доказано значение принадлежности к соответствующей социальной или культурной группе для формирования иерархии компонентов идентичности. Установлено, что наибольшее значение для ранга компонентов идентичности имеет гендерная и профессиональная принадлежность, а также в меньшей степени принадлежность к этноконфессиональной группе и регион проживания исследуемых. Принадлежность к той или иной социокультурной группе во всех случаях является важной дифференцирующей характеристикой, определяя различия значимости соответствующего основания идентичности в иерархии. При этом социокультурная принадлежность в большинстве случаев одновременно оказывает влияние на ранг значимости не менее половины других компонентов идентичности, тем самым определяя общую структуру идентичности. В заключение делается вывод о том, что принадлежность студентов к конкретной гендерной, учебно-профессиональной, этнической, конфессиональ-

ной или региональной социокультурной среде выступает важной детерминантой формирования иерархии образов, определяющей особенности и структуру идентичности личности.

Введение

Самосознание и отношение к себе традиционно рассматриваются как результат социально детерминированного развития. Очевидно, что в качестве социальных детерминант развития личности может рассматриваться ее принадлежность к той или иной гендерной, поколенческой, этнической, конфессиональной, профессиональной или локальной общности. Социальная принадлежность определяет особенности среды, в которой происходит становление идентичности, результатом чего является формирование уникального образа Я. В этой связи процесс идентификации невозможно рассматривать в отрыве от социального и культурного контекста развития личности.

В классическом понимании идентичность рассматривается как элемент Я-концепции, отвечающий за целостность и самоидентичность личности. Начиная с концепции Э. Эриксона, получила признание идея о множественности «Я», и, соответственно, возник вопрос о структуре и компонентах идентичности. Э. Эриксон выделял в структуре идентичности два взаимосвязанных компонента: личностную (персональную) и социальную идентичность [1]. Подобная модель идентичности, конкретизируемая в работах А. Тэшфела, Дж. Тернера, Р. Брауна и др. [2; 3], до сих пор является базовой для большинства исследований, в которых идентичность может изучаться как с позиции психологии личности, так и в рамках социальной психологии.

Во второй половине XX в. объектом исследований часто являлись отдельные виды социальной идентичности: гендерная, профессиональная, религиозная, этническая и т. д. Однако в настоящее время, по словам К. Э. Разлогова, наблюдается отчетливый переход от «эксклюзивности» в понимании идентичности к идентичности «по определению множественной, соответствующей характеру современной жизни и разнообразию культурных сообществ (от профессиональных и социально-демографических групп до групп по интересам)» [4, с. 28]. В психологии в соответствии с постнеклассической методологией акцент все чаще делается на достаточно широком контексте формирования и трансформации идентичности и образа Я. Так, Oyserman,

М. Destini S. Novin в своем исследовании выявляют связь позитивного/негативного социального контекста с оценкой образа Я [5]. R. Jaspal, M. Cinnirella расширяют контекст воздействий на идентификационные процессы, вводя в него представления об окружающей среде [6]. Указывая на значимость средовых факторов в идентификационных процессах, О. И. Муравьева, С. А. Литвина и С. А. Богомаз определяют среду как ментальное пространство, основными измерениями которого являются ценности, место и время, рассматриваемые как психологические характеристики [7]. Очевидно, что исследование характера влияния отдельных средовых факторов и всей их совокупности на идентичность и образ Я личности определяют необходимость разработки более сложной, многомерной модели идентичности.

Как пишет Е. П. Белинская, в настоящее время формируется консенсус исследователей в отношении множественности идентичностей, одним из положений которого является «общее для постнеклассической парадигмы понимание Я как принципиально неунитарного (постоянно изменчивого, множественного и т. п.)» [8, с. 12]. Однако, как отмечает Т. Г. Стефаненко, несмотря на имеющиеся зарубежные и отечественные исследования, указывающие на множественность оснований идентичности и ее гетерогенность, исследователи в большинстве случаев не описывают иерархические отношения между компонентами идентичности, и работ, раскрывающих иерархическую структуру идентичности, все еще очень немного [9, с. 11–14].

Еще одним актуальным трендом в изучении рассматриваемого феномена является смещение фокуса внимания на проблему изменчивости / устойчивости идентичности, на значение идентичности для личности и общества в ситуации неопределенности, на проявления кризиса идентичности в ситуации социальных изменений. Как пишет Т. Д. Марцинковская, проблема идентичности всегда актуализируется в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, в моменты актуализации вопросов о нормах, ценностях и эталонах будущего [10]. Проведенные нами исследования показывают, что существенные изменения жизненной ситуации, приводящие одновременно к изменению системы ценностно-смысловых ориентаций и временной перспективы личности, выступают одним из факторов трансформации структуры идентичности [11–13].

Повышение интереса к изучению идентификационных процессов обусловлено рядом особенностей постмодернистского общества, таких как усиление миграционных процессов, возросшая мобильность населения, глобализация, распространение анонимного интернет-общения, дающего возможность «примерять» новые социальные роли и идентичности и т. д. Как отмечают Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и Е. Н. Загоруйко, «современная идентичность (self) перегружена всевозрастающей необходимостью исполнять в совершенстве множество социальных ролей» [14, с. 7]. По словам Н. В. Дмитриевой и Н. А. Самойлик, глобальные изменения эпохи постмодерна не могли не отразиться на становлении идентичности постсовременного человека, которую они определяют как «постмодернистский сэлф», отличающийся фрагментарностью и конфликтами между субидентичностями [15]. Соответственно в постмодернистском обществе актуализируется четкий запрос на исследование не столько онтологии идентичности, сколько кризисных проявлений в данной области.

Как указывает Е. П. Белинская, кризис идентичности в наше время уже перешел за некие нормативно-возрастные рамки и стал частью всего современного общества [8]. Тем не менее обозначенные проблемы, по нашему мнению, особенно значимы для формирующейся личности, находящейся на этапе становления идентичности, и прежде всего для студенческой молодежи. Как известно, период обучения в вузе, соответствующий стадиям «отрочество» и «молодость» в периодизации Э. Эриксона, является ключевым для развития идентичности. Помимо изменения социального статуса период обучения становится для многих студентов временем начала самостоятельной жизни, интимных и семейных отношений, трудовой деятельности, периодом знакомства с профессиональной культурой. Все это приводит к тому, что за относительно короткий период система идентичности подвергается воздействию множества факторов, способствующих ее трансформации [16]. При этом остается неясным, какие именно средовые факторы определяют выбор молодежью преимущественных оснований идентичности в условиях их множественности и изменчивости. В связи с этим целью нашего исследования являлось изучение влияния социальной и культурной принадлежности студентов на формирование иерархии компонентов их идентичности.

Методы

В исследовании принял участие 1251 студент различных вузов, в том числе 839 девушек и 412 юношей. Возраст исследуемых находился в диапазоне от 16 до 35 лет. Для проведения сравнительного анализа общая выборка была разбита на возрастные когорты в соответствии с периодизацией И. Ю. Кулагиной: ранняя юность (16–17 лет) — 126 человек; собственно юность (18–19 лет) — 616; поздняя юность (20–23 года) — 474; зрелость (24 и старше) — 34. По этнической принадлежности исследуемая группа включала 892 русских, 139 бурят, 125 украинцев, 95 представителей остальных национальностей (в основном малых коренных народов и мигрантов из ближнего зарубежья). По конфессиональной принадлежности в исследуемой группе наиболее широко представлены православные — 510 человек; последователи иных религий (преимущественно другие христианские конфессии, мусульмане и буддисты) — 261; лица, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо определенной конфессии, — 244; атеисты — 233. В зависимости от города проживания респонденты отнесены к одному из следующих регионов: Сибирь (Кемерово, Чита, Улан-Удэ) — 515 человек; Дальний Восток (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский) — 462; Центральная Россия (преимущественно Москва и Московская область) — 157; Украина (Ровно, Хмельницкий, Тернополь и др.) — 117. По профилю обучения исследуемые разделились на социально-гуманитарную (659 студентов), а также естественнонаучную и техническую учебно-профессиональные группы (573 студента).

Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профилеобучения.

Для изучения структуры идентичности и значимости ее отдельных компонентов использовался специальный опросник, разработанный нами на основе многолетнего опыта применения теста «Двадцать утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда. Поскольку задачей исследования было выявление групповых универсалий в самоописаниях (т. е. промежуточного и высшего уровней самокатегоризации в терминологии Дж. Тернера), в качестве индикатора

личностной идентичности предлагался только один вариант — «Я как уникальная личность», все остальные элементы опросника касались «Социального Я» и «Коммуникативного Я» в терминологии Т. В. Румянцевой [17]. Таким образом, изучались компоненты образа Я, отражающие прямое обозначение пола; учебно-профессиональную ролевую позицию; семейную принадлежность, проявляющуюся через обозначение семейной роли; этническо-региональную идентичность, включающую в себя этническую идентичность, гражданство и локальную, местную идентичность; мировоззренческую идентичность (конфессиональную принадлежность); групповую принадлежность. Помимо перечисленного в опросник вошла категория «Я как представитель вида *Homo sapiens*», являющаяся эквивалентом часто используемого респондентами при заполнении теста М. Куна и Т. Макпартленда ответа «Я человек», позволяющая оценить представленность высшего уровня самокатегоризации. Также был предусмотрен вариант «Другое» для самокатегоризаций, не вошедших в предлагаемый нами список (основные определения в этом случае касались личностных характеристик или хобби).

В результате для оценки испытуемым предлагался список из 16 категорий, отражающих, в первую очередь, социально-ролевые компоненты идентичности в основных сферах жизнедеятельности, выделенных Т. В. Румянцевой (семья, работа, учеба, досуг, интимно-личностные отношения, отдых):

- Я как профессионал (будущий профессионал);
- Я как студент;
- Я как мужчина / женщина;
- Я как сын / дочь;
- Я как муж / жена (будущий муж /жена);
- Я как уникальная личность;
- Я как представитель своего народа;
- Я как гражданин своей страны;
- Я как житель данного города;
- Я как отец / мать (будущий отец /мать);
- Я как представитель молодежи;
- Я как член неформальной группы;
- Я как друг / подруга;

- Я как последователь своей религии;
- Я как представитель вида *Homo sapiens*;
- Другое.

Исследуемым предлагалась следующая инструкция: «Перед вами несколько элементов, входящих в представления о себе любого человека. Проранжируйте их, пожалуйста, от 1 до 16 по степени важности для Вас в настоящий момент. Так, наиболее важная характеристика получит цифру 1, а наименее важная — 16».

Оценивая результаты заполнения данного опросника, мы исходили из того, что чем меньше ранг, чем он ближе к единице, тем больше субъективная значимость и степень осознанности данной категории. Достоверность различий значимости компонентов идентичности в описываемых группах определялась при помощи H-критерия Крускала-Уоллиса, U-критерия Манна-Уитни; средний ранг компонентов идентичности — при помощи описательных статистик в программе Statistica 10.

Результаты

Задачами исследования было рассмотрение идентичности как иерархической системы и сравнение иерархий идентичности в группах студентов, дифференцированных по полу, возрасту, национальности, религии, региону проживания и профессиональной направленности обучения. Как следует из анализа полученных данных, по своей значимости рассматриваемые компоненты идентичности в исследуемой группе представляют следующую иерархическую последовательность образов Я: сын/дочь (средний ранг значимости 4,38); мужчина / женщина (5,12); личность (5,32); профессионал (5,88); студент (6,13); муж / жена (6,83); друг / подруга (7,54); отец / мать (7,82); гражданин своей страны (8,67); представитель своего народа (8,80); представитель молодежи (9,80); житель своего города (10,22); представитель вида *Homo sapiens* (10,29); последователь своей религии (11,67); член неформальной группы (12,74); другое (14,64). При этом иерархия компонентов идентичности обнаруживает определенные особенности в зависимости от принадлежности к той или иной социокультурной общности.

Так, гендерная принадлежность существенно влияет на структуру идентичности — достоверные различия между группами юношей

и девушек обнаружены в значимости 12 из 16 рассматриваемых компонентов идентичности (табл. 1). Для юношей наиболее важным основанием собственной идентичности является сама половая принадлежность, также для них достоверно более значимы профессиональные, гражданские, этнические и региональные компоненты идентичности. Для девушек, напротив, отчетливо более существенны семейно-ролевые основания идентичности — образ себя как дочери, жены или матери.

Полученные результаты демонстрируют определенную возрастную динамику иерархии компонентов идентичности в период обучения в вузе (табл. 2). Так, по мере взросления закономерно снижается значимость восприятия себя как представителя молодежи, а также как представителя вида *Homo sapiens* и одновременно последовательно растет значимость идентификации с жителями своего города. Наибольшей специфичностью структуры идентичности характеризуется молодежь в возрасте 20–23 года. Для респондентов этой группы повышается значимость восприятия себя как мужчины/женщины и мужа/жены, что, очевидно, связано с возникновением в этом возрасте постоянных интимных и семейных отношений

Таблица 1

Иерархия компонентов идентичности юношей и девушек (средние ранги) / The hierarchy of identity components of males and females (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия U)	Гендерная группа	
	Мужчины ($n=462$)	Женщины ($n=839$)
Я как мужчина / женщина ($p=0,0153$; $U=154413,5$)	4,85	5,24
Я как сын / дочь ($p<0,0001$; $U=139722,0$)	5,00	4,09
Я как профессионал ($p<0,0001$; $U= 144485,5$)	5,31	6,17
Я как личность ($p=0,0229$; $U=155303,5$)	5,70	5,15

Глава 7 Идентичность образа Я как динамическая иерархическая система:
социальный и культурный контекст формирования

Я как муж / жена ($p=0,0064$; $U=152405,0$)	7,21	6,64
Я как отец / мать ($p=0,0068$; $U=152698,5$)	8,24	7,61
Я как гражданин своей страны ($p=0,018$; $U=154774,5$)	8,31	8,85
Я как представитель своего народа ($p=0,0092$; $U=152954,0$)	8,45	8,97
Я как представитель вида Homo sapiens ($p=0,0163$; $U=153978,0$)	9,75	10,56
Я как житель своего города ($p=0,0349$; $U=156277,0$)	9,88	10,39
Я как последователь своей религии ($p<0,000$; $U=143446,0$)	12,06	11,48
Я как член неформальной группы ($p=0,03$; $U=156351,5$)	12,46	12,88

Примечание: Здесь и далее в таблицах приведены только статистически значимые различия между описываемыми группами.

Таблица 2

Иерархия компонентов идентичности представителей разных
возрастных групп (средние ранги) / The hierarchy of identity
components according to age group (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет			
		1	2	3	4
		16–17 ($n=126$)	18–19 ($n=616$)	20–23 ($n=474$)	≥ 24 ($n=34$)
Я как мужчина / женщина ($p<0,0001$; $H=30,816$)	1–3 ($p<0,0001$) 2–3 ($p=0,0003$)	6,24	5,33	4,56	5,06
Я как муж / жена ($p=0,01$; $H=11,34$)	1–3 ($p=0,006$)	7,83	6,89	6,48	6,73
Я как представитель вида Homo sapiens ($p=0,0036$; $H=13,54$)	1–2 ($p=0,03$) 1–3 ($p=0,002$)	8,65	10,25	10,78	10,15

Я как представитель молодежи ($p=0,015$; $N=10,448$)	2–4 ($p=0,014$) 3–4 ($p=0,03$)	9,97	9,65	9,85	11,39
Я как житель своего города ($p=0,0064$; $N=12,3$)	1–3 ($p=0,023$)	10,77	10,35	9,94	9,79

Иерархии компонентов идентичности представителей различных этнических групп оказались достаточно сходными: наиболее приоритетными являются представления о себе как о сыне / дочери, мужчине / женщине и как об уникальной личности; наименее значим образ себя как члена неформальной группы (табл. 3). Одновременно в иерархии компонентов идентичности бурят и представителей других этнических меньшинств заметно более высокий ранг значимости занимают их этноконфессиональные особенности. Для русских и украинцев, представляющих на своей территории этническое большинство, эти характеристики менее значимы. Особенностью структуры идентичности украинцев является большая по сравнению со всеми остальными приоритетность семейно-ролевых оснований идентификации, а также представление о себе как об уникальной личности, отражающее, вероятно, большую ориентацию на индивидуалистические культуры.

Таблица 3

Иерархия компонентов идентичности представителей разных этнических групп (средние ранги) / The hierarchy of identity components of different ethnic groups (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Этническая группа			
		1	2	3	4
		Русские ($n=892$)	Буряты ($n=139$)	Украинцы ($n=125$)	Другие ($n=95$)
Я как сын / дочь ($p=0,0085$; $N=11,7$)	1–3 ($p=0,0074$)	4,52	4,04	3,49	4,73
Я как мужчина / женщина ($p=0,0009$; $N=16,487$)	1–2 ($p=0,0005$)	4,93	6,11	4,82	5,83

Глава 7 Идентичность образа Я как динамическая иерархическая система:
социальный и культурный контекст формирования

Я как личность ($p=0,0063$; $N=12,339$)	2-3 ($p=0,0034$)	5,32	5,84	4,62	5,61
Я как отец / мать ($p=0,0069$; $N=12,135$)	2-3 ($p=0,01$)	7,74	8,58	6,98	8,39
Я как представитель своего народа ($p<0,0001$; $N=28,73$)	1-2 ($p<0,0001$) 2-3 ($p=0,0001$)	8,99	7,50	9,27	8,30
Я как представитель молодежи ($p=0,012$; $N=10,87$)	1-2 ($p=0,024$) 2-3 ($p=0,05$) 2-4 ($p=0,04$)	9,89	10,55	9,62	9,48
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i> ($p=0,0031$; $N=13,84$)	1-3 ($p=0,013$)	10,09	9,88	11,67	11,01
Я как последователь своей религии ($p<0,0001$; $N=81,31$)	1-2 ($p<0,0001$) 1-3 ($p=0,0003$) 2-3 ($p=0,02$) 2-4 ($p=0,0032$)	12,21	9,45	10,98	10,64
Я как член неформальной группы ($p<0,0001$; $N=33,98$)	1-2 ($p=0,001$) 1-3 ($p=0,003$) 2-4 ($p<0,0001$) 3-4 ($p=0,0002$)	12,58	13,64	13,72	11,73

Анализ иерархии компонентов идентичности в конфессиональных группах выявил особенности, сходные с различиями между этническими группами (табл. 4). Так, для представителей религиозного меньшинства отчетливо более важна своя религиозная и этническая принадлежность, в то время как для православных, «внеконфессиональных верующих» и атеистов эти компоненты гораздо менее значимы. По ряду компонентов также обнаруживаются полярные различия между представителями православного большинства и атеистами — для православных наиболее существенны собственные полоролевые характеристики; для атеистов достоверно более высокий ранг значимости имеет образ себя как представителя молодежи и вида *Homo sapiens*.

Жители отдельных регионов обнаружили существенные отличия в структуре идентичности (табл. 5). Значимость восприятия себя как представителя молодежи и жителя своего города наиболее характерна для проживающих на Дальнем Востоке, что может объясняться

выраженной спецификой городской социокультурной среды, как, например, в Петропавловске-Камчатском. Для жителей Украины образ себя как жителя своего города, напротив, наименее существен. Важность представления о себе как об уникальной личности последовательно снижается от центра к «глубинке», достаточно четко отражая особенности менталитета жителей мегаполиса и провинции. В то же время жители Сибири отличаются наибольшей значимостью компонента идентичности, соответствующего высшему уровню самокатегоризации — образа себя как представителя вида *Homo sapiens*.

Профиль обучения, отражающий выбор будущей профессиональной группы, с которой студенты идентифицируются в период пребывания в вузе, оказался важным дифференцирующим фактором (табл. 6). Как видно из полученных результатов, для студентов естественнонаучного профиля более свойственны общие, неспецифические компоненты идентичности, такие как семейные и социальные роли. Для студентов социально-гуманитарного профиля, напротив, более значимы собственные учебно-профессиональные, а также этнические и гражданские основания идентичности, что может объясняться актуализацией данных характеристик в процессе социального и гуманитарного образования.

Таблица 4

Иерархия компонентов идентичности представителей разных конфессиональных групп (средние ранги) / The hierarchy of identity components of different confessions (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Конфессиональная группа			
		1	2	3	4
		Православные (n=510)	Другие (n=261)	Внеконфессиональные верующие (n=244)	Атеисты (n=233)
Я как мужчина / женщина (p=0,0001; H=21,234)	1-2 (p=0,0001) 2-3 (p=0,0014) 2-4 (p=0,013)	4,81	6,04	4,86	5,03
Я как муж / жена (p=0,0003; H=19,05)	1-4 (p=0,0003) 3-4 (p=0,009)	6,40	7,22	6,56	7,60

Глава 7 Идентичность образа Я как динамическая иерархическая система:
социальный и культурный контекст формирования

Я как отец / мать ($p < 0,0001$; $N = 23,86$)	1-2 ($p = 0,0007$) 1-4 ($p = 0,001$) 2-3 ($p = 0,034$) 3-4 ($p = 0,036$)	7,31	8,54	7,45	8,50
Я как представитель своего народа ($p = 0,0003$; $N = 19,18$)	1-2 ($p = 0,002$) 2-3 ($p = 0,015$) 2-4 ($p = 0,0004$)	8,96	8,04	8,94	9,18
Я как представитель молодежи ($p = 0,0065$; $N = 12,28$)	1-4 ($p = 0,017$) 2-4 ($p = 0,019$)	10,03	10,08	9,57	9,23
Я как представитель вида Homo sapiens ($p = 0,031$; $N = 8,902$)	1-4 ($p = 0,018$)	10,64	10,20	10,22	9,67
Я как последователь своей религии ($p < 0,0001$; $N = 163,35$)	1-2 ($p < 0,0001$) 1-3 ($p = 0,0034$) 1-4 ($p < 0,0001$) 2-3 ($p < 0,0001$) 2-4 ($p < 0,0001$) 3-4 ($p < 0,0001$)	11,62	9,49	12,35	13,51
Я как член неформальной группы ($p = 0,0098$; $N = 11,38$)	1-4 ($p = 0,03$)	13,03	12,87	12,49	12,27

Таблица 5

Иерархия компонентов идентичности жителей разных регионов
(средние ранги) / The hierarchy of identity components of residents
of various regions (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия N)	Достоверность различий в группах	Регион проживания			
		1	2	3	4
		Дальний Восток ($n = 462$)	Сибирь ($n = 515$)	Центральная Россия ($n = 157$)	Украина ($n = 117$)
Я как сын / дочь ($p = 0,0022$; $N = 14,63$)	1-4 ($p = 0,025$) 3-4 ($p = 0,0012$)	4,57	4,34	4,72	3,43
Я как мужчина / женщина ($p = 0,039$; $N = 13,36$)	1-2 ($p = 0,004$)	4,80	5,42	5,33	4,81

Я как личность ($p < 0,0001$; $N = 31,66$)	1-3 ($p = 0,004$) 2-3 ($p < 0,0001$) 2-4 ($p = 0,0008$)	5,40	5,76	4,31	4,50
Я как студент ($p = 0,030$; $N = 8,93$)	1-3 ($p = 0,04$) 2-3 ($p = 0,027$)	6,01	6,02	6,95	5,97
Я как представитель молодежи ($p = 0,0001$; $N = 22,016$)	1-2 ($p < 0,0001$)	9,31	10,28	9,63	10,01
Я как житель своего города ($p = 0,0004$; $N = 18,20$)	1-2 ($p = 0,011$) 1-4 ($p = 0,001$)	9,79	10,42	10,29	10,97
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i> ($p < 0,0001$; $N = 23,81$)	1-2 ($p = 0,003$) 2-4 ($p = 0,0001$)	10,77	9,50	10,29	11,77
Я как член неформальной группы ($p = 0,0002$; $N = 19,72$)	1-4 ($p = 0,003$) 2-4 ($p = 0,007$) 3-4 ($p = 0,0001$)	12,58	12,74	12,38	13,94
Я как последователь своей религии ($p < 0,000$; $N = 84,55$)	1-2 ($p < 0,0001$) 1-3 ($p = 0,005$) 1-4 ($p < 0,0001$) 3-4 ($p = 0,029$)	12,71	10,98	11,54	10,72

Таблица 6

Иерархия компонентов идентичности представителей разных учебно-профессиональных групп (средние ранги) / The hierarchy of identity components of representatives of different educational and professional groups (averageranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия U)	Учебно-профессиональная группа	
	1	2
	Социо-гуманитарная ($n = 659$)	Естественно-научная и техническая ($n = 573$)
Я как профессионал ($p < 0,0001$; $U = 157857,0$)	5,42	6,30
Я как мужчина / женщина ($p < 0,0001$; $U = 153039,5$)	5,64	4,68

Я как личность ($p < 0,0001$; $U = 151965,5$)	5,85	4,87
Я как студент ($p = 0,049$; $U = 173146,5$)	5,94	6,27
Я как муж / жена ($p = 0,0197$; $U = 170641,0$)	7,08	6,58
Я как друг / подруга ($p = 0,0009$; $U = 165174,0$)	7,9	7,20
Я как отец / мать ($p = 0,0158$; $U = 170393,0$)	8,11	7,54
Я как гражданин своей страны ($p = 0,0058$; $U = 168337,0$)	8,38	8,94
Я как представитель своего народа ($p = 0,0131$; $U = 169484,5$)	8,52	9,02
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i> ($p = 0,0031$; $U = 166964,0$)	9,73	10,76
Я как представитель молодежи ($p = 0,0040$; $U = 167337,0$)	10,13	9,58
Я как последователь своей религии ($p = 0,014$; $U = 170223,5$)	11,42	11,90

Обсуждение

При рассмотрении феномена идентичности мы придерживаемся конструктивистского подхода и представлений о множественности образов Я. Приведенные результаты подтверждают, что идентичность личности представляет собой сложную многомерную систему, где ее основные структурные компоненты, выступающие основаниями идентификации, иерархически выстроены. По нашему мнению, идентичность личности представляет собой систему взаимосвязанных представлений о себе, причем разные элементы этой системы имеют разную субъективную значимость. Условно говоря, существуют центральные — ядерные элементы, которые тесно связаны с ценностно-смысловой сферой личности, ее направленностью. Эти элементы относительно константны и их функция заключается в сохранении целостности личности. Изме-

ние таких ядерных элементов происходит в результате значимых событий и приводит к трансформации образа Я. Периферические элементы системы идентичности более подвижны. Их изменения носят эволюционный характер и связаны с приспособлением личности к актуальной социальной среде. Таким образом, идентичность рассматривается нами как иерархическая система, все компоненты которой тесно взаимосвязаны.

Одновременно система идентичности имеет изменчивый характер и, соответственно, рассматривается нами как динамическая. Мы полагаем, что элементы идентичности, формирующиеся раньше, являются наиболее устойчивыми, а динамика системы идентичности в целом идет по направлениям усложнения структуры и детализации содержания.

Особенности идентичности как иерархической динамической системы определяются принадлежностью к той или иной социокультурной среде, где осуществляется принятие норм и ценностей соответствующей группы, с членами которой личность себя идентифицирует. Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют, что наибольшее значение для формирования иерархии компонентов идентичности студенческой молодежи имеет ее гендерная и профессиональная принадлежность, влиянию которой подвержены три четверти компонентов идентичности. Несколько менее значима принадлежность к той или иной этнорегиональной группе, определяющая ранг половины оцениваемых параметров. На последнем месте в ряду рассмотренных в данном исследовании социально-средовых факторов находится принадлежность к конкретной возрастной общности, определяющая различия значимости лишь трети компонентов идентичности. Вероятно, это связано с относительной близостью выделяемых здесь возрастных групп, по сути относящихся к одному студенческому возрасту и не являющихся поколенческими когортами. Принадлежность к той или иной социокультурной группе во всех случаях является важной дифференцирующей характеристикой, определяющей различия значимости соответствующего основания идентичности в иерархии — так, профессиональная принадлежность определяет значимость профессионального компонента образа Я и т. д. При этом социокультурная принадлежность в большинстве

случаев одновременно обнаруживает взаимосвязь с рангом значимости не менее половины других компонентов образа Я, тем самым определяя общую структуру идентичности.

Выводы

Результаты настоящего исследования подтверждают и конкретизируют представление об идентичности личности как о сложной иерархической и динамической системе, в качестве основных структурных элементов которой выступают компоненты образа Я, отражающие результат идентификации одновременно с различными социальными группами.

Разработанный нами на основе представления о множественности и изменчивости идентичности опросник продемонстрировал свою применимость для изучения индивидуальной и групповой иерархии компонентов образа Я, а также для оценки влияния на структуру идентичности личности тех или иных социально-средовых факторов.

Полученные с использованием этого опросника результаты свидетельствуют, что принадлежность к конкретной гендерной, учебно-профессиональной, этнической, конфессиональной или региональной социокультурной среде выступает важной детерминантой становления иерархии социально-ролевых компонентов идентичности личности в студенческом возрасте и тем самым особенностей и структуры идентичности формирующейся личности.

Литература

1. Эриксон Э. Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Э. Эриксон. Москва: Прогресс, 1996. 344 с.
2. Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986. P. 7–24.
3. Brown R. J. Recognising Group Diversity Individualist Collectivist and Autonomous Relational Social Orientations and their Implications for Intergroup Processes / R. J. Brown, S. Hinkle, P. G. Ely, L. Fox-Cardamone, P. Maras, L. A. Taylor // *British Journal of Social Psychology*. 1992. Vol. 318. P. 327–342.
4. Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности / К. Э. Разлогов // *Вопросы философии*. 2015. № 7. С. 28–40.
5. Oyserman D. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise / D. Oyserman, M. Destin, S. Novin // *Self and identity*. 2014. Vol. 14. № 2. P. 173–188.

6. Jaspal R. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory / R. Jaspal, M. Cinnirella // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. № 5. P. 503–530.
7. Муравьева О.И. Средовая идентичность: содержание понятия / О. И. Муравьева, С. А. Литвина, С. А. Богомаз // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 58. С. 136–148.
8. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней / Е. П. Белинская // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. С. 12.
9. Стефаненко Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках / Т. Г. Стефаненко // *Трансформация идентификационных структур в современной России*. Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. С.11–29.
10. Марцинковская Т. Д. Методология современной психологии: смена парадигм / Т. Д. Марцинковская // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 36. С. 1.
11. Серый А.В. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации / А. В. Серый, М. С. Яницкий // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 43. С. 12.
12. Мазуркевич А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации / А. В. Мазуркевич, М. С. Яницкий, А. В. Серый // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. № 3. С. 104–122.
13. Яницкий М. С. Особенности иерархии составляющих образа Я в зависимости от принадлежности к этническому большинству либо меньшинству / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун // *Луриевский подход в мировой психологической науке*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 154–155.
14. Короленко Ц.П. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. 472 с.
15. Дмитриева Н. В. Кризис идентичности: феноменология переживания / Н. В. Дмитриева, Н. А. Самойлик. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 233 с.
16. Браун О. А. Динамика системы идентичности личности студентов -психологов / О. А. Браун, М. Г. Аркузин // *Комплексные исследования человека: психология: материалы VII Сибирского психологического форума*. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2017. Ч. 1. С. 30–33.
17. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре / Т. В. Румянцева. Санкт-Петербург: Речь, 2006. 176 с.

ГЛАВА 8
ПСИХОСЕМАНТИКА ОБРАЗА МИРА МОЛОДЕЖИ
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА
CHAPTER 8
PSYCHOSEMANTICS OF THE IMAGE
OF THE WORLD OF YOUTH OF THE BAIKAL REGION

© *Галсанова Долгор Раднанимаевна*
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ
E-mail: dolgor.bazarova@yandex.ru

Galsanova Dolgor Radnanimaevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of General and Social Psychology
Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude

Психосемантика — область психологии, изучающая генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредующих процесс восприятия, мышления и памяти. Возможность исследования психосемантического подхода при изучении образа мира основана благодаря исследованиям, посвященным психосемантике сознания, прежде всего исследованиям В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелева, О. В. Митиной, Е. Ю. Артемьевой, В. П. Серкина и др.

Отечественный основатель психосемантического подхода В. Ф. Петренко считает, что имплицитная картина мира тождественна индивидуальному сознанию человека, единицей которого является значение (Л. С. Выготский). А. Н. Леонтьев выделяет три образующих сознания: чувственная ткань, значение и личностный смысл. Индивидуальное сознание отражено в языке, организующем систему значений, которая представляет собой категориальную сетку взаимосвязанных смыслов (коннотативное значение). Таким образом, изучая семантический пласт, мы изучаем особенности индивидуального сознания,

проникаем во внутреннюю структуру картины мира. Изучение индивидуальных категориальных структур и значений возможно при использовании психосемантического подхода.

Экспериментальная психосемантика, использующая методологию построения субъективных семантических пространств как операциональных моделей категориальных структур индивидуального и общественного сознания, является областью пересечения интересов психологической науки, языкознания и семиотики, что следует из самого названия подхода и особенностей его методологии. К проблемам реконструкции картины мира индивидуального или коллективного субъекта причастны социология, экономика и правоведение, ибо любые социально-экономические формации не могут функционировать без особых социальных репрезентаций, принятых в обществе (термин С. Московичи); история, связанная с необходимостью реконструкции менталитета людей прошедших эпох (в духе школы Анналов или работ А. П. Гуревича), культурология, эмпирическая эстетика и теория массовых коммуникаций как науки, широко использующие структурные методы анализа и связанные с оценкой эффективности коммуникативного воздействия.

В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия).

Результаты ассоциативного эксперимента

Целью проведения ассоциативного эксперимента явилось выделение базы дескрипторов семантического пространства понятия «образ мира» молодежи в возрасте от 17 до 30 лет с позиций уровневого подхода (В. П. Яссман). В результате направленного ассоциативного эксперимента на стимульное понятие «Мой образ мира» было выделено десять категорий понятий, составляющих семантическое поле образа мира молодежи: Бурятия (Родина), Россия (Отечество), семья (родные), Байкал, образование (учеба), профессия, жизнь, любовь, мир (природа), счастье. В ходе обработки результатов индивидуальных матриц всех

респондентов образовались три экспериментальные группы, однородные по своему количественному составу (1-я группа — 60 студентов младших (вторых) курсов; 2-я группа — 60 студентов старших (пятых) курсов; 3-я группа — 60 человек работающей молодежи).

Внутри каждой группы были представлены почти равнозначно группы студентов-психологов, физиков и географов, юноши и девушки, буряты и русские. Результаты показали, что во всех трех группах молодежи наиболее актуальным уровнем образа мира является поверхностный уровень: эмоционально-чувственные ассоциации (страна большая, озеро глубокое, природа красивая и др.), предметно-формальные (город, село, дом, музыка и др.), культурно-стереотипные (школа, семья, университет, работа, друзья, отдых и др.) ассоциации. На этом уровне происходит первичный перцептивный анализ, эмоциональная оценка информации, что является необходимым этапом формирования образа мира. Но восприятие действительности в образе мира в данный момент носит ситуативный характер, отличается низким уровнем осмысления воспринимаемой информации. Различия между группами на данном уровне установлены в количественных показателях: у представителей 1-й и 2-й групп количество ассоциаций поверхностного уровня больше, чем у представителей 3-й группы ($t_{эмп}=2,23$ при $p<0,05$).

Второй уровень — культурно-понятийный, где происходит процесс соотношения поступающей информации со сложившимися культурно-историческими значениями, на основе которых формируется отношение к объекту как содержательной характеристике образа мира. Сюда входят императивно-операциональные представления (Россия, страна, Бурятия, Байкал, Земля, тайга, степь и др.); эмоционально-оценочные (творчество, любовь, дружба, надежда, мечты и др.). Они представлены больше в 3-й группе, чем в двух других ($t_{эмп}=2,62$ при $p<0,01$), а во 2-й группе больше, чем в 1-й ($t_{эмп}=2,32$ при $p<0,05$).

Третий уровень образа мира — глубинный — включает концептуальные представления (мировоззрение, мироощущение, внутренний мир и др.); экзистенциальные (смысл, разум, ценности, идеи и др.); духовные (душа, духовность, вера, прощение, церковь, буддизм и др.). Данные ценности больше присущи представителям 3-й группы ($t_{эмп}=3,0$ при $p<0,01$), больше девушкам и студентам-психологам. Наиболее часто встречаемые ассоциации во всех трех группах можно объединить

в категорию «семья» (семья, родители, родственники, дети, муж, жена и др.), что говорит о приоритетной значимости семьи в ценностном образе мира молодежи Байкальского региона. Студенты младших курсов чаще описывают мир в словах-ассоциациях, относящихся к категории «досуговая активность» (досуг, увлечения, хобби, музыка, спорт, дача и т. п.). Для респондентов 2-й группы характерно описание мира через категорию «профессиональная деятельность», причем это связано с некоторыми негативными ассоциациями: неизбежность, не пойду работать в школу, поиски работы, решение профессиональных проблем, малая зарплата и др. Многие из них получают вторую специальность, 20 человек — семейные, 10 — имеют детей. Они часто используют ассоциации категории «формальные объекты», что говорит об ограниченности их образа мира определенными объектами (дом, квартира, комната, общежитие, двор и др.), а также о некоторой стереотипности их восприятия мира. Для них также значимы «материальные объекты» (деньги, машины, квартира, благосостояние и др.).

Респонденты 3-й группы описывают мир в ассоциациях, которые можно объединить в категорию «самоактуализация» (творчество, учеба, профессия, жизнь, ценности, движение, интересы, карьера и др.), что является показателем зрелости. Для них характерны ответственность, интернальный локус контроля, они воспринимают мир позитивно, но выражают беспокойство за проявления агрессии, терроризма в мире, безработицу, социальное расслоение в обществе. Говоря о Родине, они особо подчеркивают значение «малой родины» — «тоонто» — места рождения, и Байкал для них не только единственное, уникальное, самое глубокое и красивое озеро, место отдыха и туризма, как подчеркивают респонденты 1-й и 2-й групп, но и священное, сакральное, энергетически связанное с макрокосмом и микрокосмом человека. Они больше описывают мир в понятиях, относящихся к категории «экзистенциальные ценности» (душа, духовность, церковь, буддизм, смыслы, мировоззрение, вера и др.), что говорит об их включенности в образ мира и значимости.

Результаты исследования этнокультурных факторов образа мира молодежи по анкете А. А. Бучек.

При построении программы исследования мы исходили из идей, утвердившихся в отечественной психологии относительно условий,

определяющих развитие личности (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, В. С. Мухина и др.). К ним мы отнесли ценностно-смысловые ориентации личности, в системе которой выделяют традиционные ценности этноса. Традиционные ценности — это представления, что привычный, детерминированный традиционной культурой, предшествующими поколениями образ жизни, мышления, цели существования, способы поведения предпочтительнее других. В культуре бурят это почитание старших, родителей, культ Неба и Земли, природы, стремление добиваться своей цели, полагание на свои силы, но с оглядкой на сверхъестественные силы, уважение к женщине — хранительнице очага, идея сильного единовластия (архетип вождя и отца в одном лице). Традиционная личность — это человек, почитающий родителей, молящийся о хорошем перерождении, о здоровье, благоденствии, исправлении кармы, старающийся жить со всеми в ладу, не выделяться, поступать по предписывающимся нормам и этикету, ценящий знания, мудрость, степенность, обстоятельность, не терпящий предательства, коварства, воровства. Образ мира подстраивает действительность подконкретного субъекта, представленного как член социума, носитель общественно-культурного опыта и одновременно как конкретная индивидуальность — носитель частного опыта, субъективности [5, с. 49]. Соглашаясь с вышесказанными положениями, мы придерживаемся точки зрения, что традиция — это трансляция, изменение и трансформация культурных ценностей и форм в условиях межпоколенной преемственности. Важнейшую роль в этом процессе играют знаковые системы, выступающие в качестве посредников между человеком и миром, и, в первую очередь, это язык. Способность человека отражать мир в сложных отвлеченных связях и отношениях позволяет ему оторваться от практического опыта путем постепенной эмансипации от симпрактического контекста и выработки синсемантической системы, т. е. системы знаков, связанных друг с другом по значению и образующих систему кодов, которые можно понимать, даже не зная ситуации [5, с. 34–35]. Все отражаемое человеком в многообразных формах активности категоризируется, именуется в системе значений, поскольку субъект отражает мир не напрямую, а через системы значений, выработанных в культурно-историческом развитии и зафиксированных в знаково-символических средствах. Язык уже сам по себе является упорядоченным, обобщенным образом мира.

Для изучения особенностей этнокультурного мира и социокультурной среды как факторов формирования образа мира молодежи использовался анкетный опрос. Этнокультурная ценность определяется прежде всего предпочтением родного языка.

Исследование показало, что большинство студентов младших и старших курсов осознают себя членом своей этнической общности (77,5 % русских и 85 % бурят). Выявлена языковая ассимиляция бурят: студенты 1-й и 2-й групп (56,5 % и 25 %) считают языком межэтнического общения русский язык, в семьях в основном говорят на русском, на бурятском же в зависимости от гостей, близких и т. д., считают русский язык родным языком.

Таблица 1

Этнолингвистическая характеристика первой группы (в %)

	Принадлежность родителей к бурятскому, русскому этносу		Язык, которым владели родители		Язык, на котором впервые научились говорить		Считают своим родным языком	
	отца	матери	русский	бурятский	русский	бурятский	русский	бурятский
1	59,5	59,5	100	60,9	69,6	30,4	56,5	43,5
2	40,5	40,5	100	—	100	—	100	—

Примечание: 1 — буряты; 2 — русские.

Таблица 2

Этнолингвистическая характеристика второй группы (в %)

	Принадлежность родителей к бурятскому, русскому этносу		Язык, которым владели родители		Язык, на котором впервые научились говорить		Считают своим родным языком	
	отца	матери	русский	бурятский	русский	бурятский	русский	бурятский
1	42,3	42,3	100	30,8	82,3	17,7	25	75
2	57,7	57,7	100	—	100	—	100	—

Примечание: 1 — буряты; 2 — русские.

В группе студентов старших курсов отмечается отчетливое осознание своей этнической принадлежности (82,3 %) у бурят, у русских (100 %). Высокий процент студентов, начавших говорить на русском языке, представлен городскими студентами.

Таблица 3

Этнолингвистическая характеристика третьей группы (в %)

	Принадлежность родителей к бурятскому, русскому этносу		Язык, которым владели родители		Язык, на котором впервые научились говорить		Считают своим родным языком	
	отца	матери	русский	бурятский	русский	бурятский	русский	бурятский
1	57	59,5	100	73	66,7	33,3	13,2	86,8
2	43	40,5	100	—	100	—	100	—

Примечание: 3-я группа: 1 — буряты; 2 — русские.

Буряты, несмотря на длительное совместное проживание с представителями других национальностей, подтверждают значительный уровень включенности в свою этническую группу (86,8 %) высоким субъективным предпочтением бурятского языка. Этнолингвистические характеристики в третьей группе работающей молодежи имеют более высокий показатель значимости родного языка.

Таблица 4

Отношение к элементам духовной культуры своего народа (в %)

Вопросы анкеты	1-я группа		2-я группа		3-я группа	
	да	нет	да	нет	да	нет
Знают свои народные песни, танцы, игры	74	26	80,8	19,2	76,9	23,1
Знаете свои национальные праздники	100	—	100	—	100	—
Соблюдают обычаи, традиции своего народа	60,9	39,1	76,9	23,1	82	18
Читают литературу по истории и культуре своего народа	38,5	61,5	42,3	57,7	56,5	43,5

Духовная культура и материальная культура являются одними из главных составляющих образа мира этнической личности. В нашем

исследовании представлены мнения исследуемых групп об элементах собственной культуры, отношение к духовным ценностям представлено в таблице 4.

Большинство респондентов знакомы с народным фольклором, праздниками своего народа и стараются соблюдать обычаи и традиции. При этом большое значение придается праздникам. Практически все буряты и русские отмечают праздники, ставшие общенациональными на территории Байкальского региона: Сагаалган (Новый год по восточному календарю), Рождество, Пасха, Масленица. Также буряты и русские считают важными праздники, связанные с их конфессиональной принадлежностью: у бурят-студентов — Майдари хурал (буддийское богослужение, молебен Будды Будущего); у русских студентов — Рождество, Пасха, Троица, Крещение. В народной праздничной культуре молодежь находит благоприятные условия для свободного применения своих дарований. Исследуемые 2-й и 3-й групп придают больше значения чтению литературы по истории и культуре своего народа, чем студенты младших курсов.

Мнения исследуемых относительно элементов материальной культуры своего народа представлены в таблице 5.

Таблица 5

Вопросы анкеты	1-я группа		2-я группа		3-я группа	
	да	нет	да	нет	да	нет
Имеются ли в Вашем доме предметы материальной национальной культуры?	47,8	52,2	46,2	53,8	35,9	64,1
Есть ли у Вас национальный костюм?	17,4	82,6	11,5	88,5	2,6	97,4
Носите ли Вы его постоянно?	—	—	—	—	—	—
Носите ли вы его по отдельному случаю?	4,3	—	11,5	—	2,6	—
Никогда не носите национальный костюм?	95,7	—	88,5	—	97,4	—
Готовятся ли в Вашей семье национальные блюда?	82,6	17,4	80,8	19,2	89,8	10,2

Молодежь хорошо знает блюда национальной кухни и в повседневной жизни, и особенно в праздники, готовят разнообразные угощения:

было выявлено, что национальное блюдо бурят «бууза» (позы) считают своим национальным блюдом и представители русского этноса. Описанные элементы культуры и значимость языка в группах проявляются и в выборе наиболее важных признаков, являющихся критериями близости исследуемых к своей этнической группе. Исследуемым был задан вопрос: «Что из указанных признаков главным образом роднит, сближает Вас со своим народом?» Ответы представлены в таблице 6.

Анализ результатов свидетельствует, что наиболее важным сближающим фактором у студентов первой группы является внешнее сходство, у студентов второй группы — национальный язык, у молодежи — кровное родство. Второе и третье места по значимости занимают соответственно: в первой группе — обычаи и традиции, место жительства и материальная культура, во второй группе — внешнее сходство, обычаи и традиции, в третьей — национальный язык и религия. Выявлены значимые различия: у студентов — обычаи и традиции, в 3-й группе — самосознание и религия ($t_{эмп} = -2,23$ $p < 0,05$).

Таблица 6

Этнокультурные характеристики образа мира молодежи (в %)

Суждения	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Меня сближает, роднит со своим народом:			
Внешнее сходство	60	44,2	29,2
Кровное родство	15	20,6	60,5
Материальная культура	40	31	7,8
Место жительства	40	17,2	16
Место рождения	30	17,2	25,7
Мифы, предания, песни	15	10	8,1
Национальный язык	35	75	51,6
Обычаи, традиции	45	24,1	29,4
Религия	—	17,2	40
Самоназвание	15	10	8
Самосознание	—	7	13
Ничего не связывает	—	—	—

Подобное распределение объясняется частичной утратой коренными народами национального языка, но сохранением религиозных ценностей и кровнородственных отношений. Мифы, предания, ле-

генды, самоназвание служат весьма слабыми признаками этнической самоидентификации у исследуемых независимо от этноконфессиональной принадлежности. Представители двух национальностей на первое место поставили «обычаи и традиции» как определяющий фактор культуры, что больше проявляется в поведении людей. Обряды (совокупность символических стереотипных коллективных действий), обычаи (неписанные правила поведения) и традиции (элементы и системы социального и культурного наследия) как образцы поведения определяют смысловое содержание культуры. Пренебрежительное отношение к обрядам, обычаям и традициям в теории и практике ведет к нарушению преемственности в развитии культуры, к утрате ценностных, цивилизационных достижений в истории человечества. Суждение «ничего не связывает» в утвердительной форме отсутствует в ответах всех респондентов. Таким образом, во всех исследуемых группах сильно выражена значимость этнической принадлежности. Внешнее сходство, религия, обычаи, нравы, традиции, язык являются детерминантами формирования этнического образа мира молодежи.

За несколько веков межэтнического взаимодействия буряты и русские выработали стиль, нормы и эталоны поведения, например, многочисленные примеры братства, уважение к национальному этикету друг друга, что в целом выражается в доброжелательном, толерантном отношении представителей молодежи бурятского и русского этносов (табл. 7).

Таблица 7

Отношение молодежи к представителям других национальностей (в %)

		1-я группа		2-я группа		3-я группа	
1	С представителями какой национальности вы предпочитаете совместно работать?	со своей	—	сосвоей	7,7	со своей	—
		не своей	—	несвоей	—	не своей	—
		любой	100	любой	92,3	любой	100
2	Руководителя какой национальности предпочли бы?	своей	8,7	своей	23,1	своей	—
		не своей	—	несвоей	—	не своей	—
		любой	91,3	любой	76,9	любой	100
3	С кем по национальности предпочитаете дружить?	своей	—	своей	19,2	своей	—
		не своей	—	несвоей	3,8	не своей	—
		любой	100	любой	76,9	любой	100

4	Как вы относитесь к межнациональным бракам?	полож–но	21,7	полож–но	50	полож–но	53,8
		нейтрально	73,9	нейтрально	42,3	нейтрально	46,2
		отриц–но	4,4	отриц–но	7,7	отриц–но	—
5	Есть ли у вас родственники, состоящие в браке с лицами другой национальности?	да	52,2	да	53,8	да	43,6
		нет	47,8	нет	46,2	нет	56,4
6	Как вы относитесь к межнациональному браку своих детей?	полож–но	17,4	полож–но	38,5	полож–но	41
		нейтрально	73,9	нейтрально	38,5	нейтрально	56,4
		отриц–но	8,7	отриц–но	23	отриц–но	2,6

В этих отношениях проявляются некоторые особенности бурятско-русской культуры. Сопоставление локуса контроля у многих исследователей связано с противопоставлением Востока и Запада: западная культура внушает человеку уверенность в своей силе, восточная же культура стремится внушить людям веру в судьбу, в предопределенность будущего (карма). К тому же в восточной культуре доминируют сильные традиции, делающие человека зависимым от субгруппы. Как мы уже отмечали, условно западная культура считается интернальной, восточная — экстернальной. Интерналы — это люди, которые ответственны за свою жизнь, поведение, поступки берут на себя. Экстерналы — связывают ответственность в жизни не волей других людей, с обстоятельствами жизни, судьбой и т. д.

Чтобы выяснить мнение опрашиваемых об этнокультурных особенностях образа мира, был задан вопрос: «В чем лично Вы как представитель своей национальности видите своё отличие от людей других национальностей?». Ответы отражены в таблице 8.

Таблица 8

Самооценка выраженности национально-отличительных особенностей от других народов (в %)

Отличительные особенности	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Не могу назвать, ничем	33,3	21,7	40
Внешность	45	50	51,7
Язык	16,7	11,7	10
Культура	5	6,7	5

Традиции, обычаи	6,7	21,7	10
Спокойствие	1,7	3,3	1,7
Упрямство	—	—	5
Уважение к старшим	—	—	5
Самосознание	1,7	5	1,7
Менталитет	—	3,3	3,3
Религия	—	—	3,3

Во всех трех группах испытуемых ясно видна положительная оценка и отношение к представителям других национальностей: в большинстве ответов молодежь не выделяет особенных различий своей национальности от другой. Данная ситуация вызвана многолетними тесными отношениями между бурятами и русскими. Во всех трех группах респонденты выделили три основных этнодифференцирующих признака: внешность, родной язык, традиции и обычаи и т. д. Также они выделяют культуру, самосознание и как характерную особенность спокойствие. Отличия выражаются в том, что работающая молодежь выделяет уважение к старшим, религию и черту характера — упрямство.

Как известно, становление зрелой личности возможно путями духовными и душевными. Каждый человек в определенные периоды осуществляет выбор духовного пути, в молодом возрасте это актуально и ценностно и в то же время этот процесс очень сложный, противоречивый. Конфессиональная принадлежность современной молодежи была выявлена с помощью анкеты с вопросом: «К какой конфессии (вере) вы себя относите?» (табл. 9).

Таблица 9

Выраженность конфессиональной принадлежности (в %)

Конфессия	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Буддист	63,3	40	68,3
Православный христианин	16,7	50	15
Другое: Все конфессии равны; Вера разная, но Бог един	20	10	16,7

Результаты конфессиональной принадлежности современной молодежи — результат многолетнего сосуществования христианства и буддизма на территории Бурятии. Многие респонденты считают, что все конфессии равны, Бог един и что «все религии равны и являются лепестками одного цветка».

В целом на этом этапе исследования выявлено, что этническое самосознание бурят как когнитивная структурно-содержательная характеристика образа мира современной молодежи детерминировано следующими ценностями: имя собственное, входящее в «именник» и являющееся типичным для данного этноса; телесные, физические и поведенческие особенности, содержание притязаний на признание, характеризующее уровень социального развития и ценностно-смысловые ориентации на традиционные ожидания; половая идентификация, типичная в своих нюансах для каждого конкретного этноса; психологическое прошлое, настоящее и будущее каждого конкретного индивида и этноса; обязанности и права, которыми обладает каждый индивид в системе этнических традиций. При этом многоуровневость этнического самосознания раскрыта через модальности образа мира во взаимодействии с бытием: «внутри» сообщества — аффилированности; «за пределами» сообщества — активности, деятельности, как экзистенциальная задача, решаемая личностью как способности воздействовать на внешний мир.

Результаты исследования по тесту М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?».

Образ «Я» личности является ядром ее образа мира, так как она является субъектом восприятия, осознания, отношения к миру, к людям и к себе. Как следует из таблицы 10, описывая себя, респонденты наиболее часто упоминают положительные личностные характеристики, родственные отношения и социальные характеристики.

Порядок использования названных выше категорий несколько различен в исследуемых группах. Приоритетной для студентов младших курсов и группы работающей молодёжи является категория положительных личностных характеристик, на втором месте — ведущая деятельность, у первой группы — студент, у третьей группы — работник, у первой группы на третьем месте — друг, а у третьей группы — верующий. Во 2-й группе категория положительных личност-

ных характеристик находится на второй позиции, приоритетной для данной группы является личность, а на третьем месте — гражданин РФ. Вопрос: «Кто Я?» — испытуемые во всех группах склонны заменять вопросом: «Какой Я?», стремясь отразить свойства личности, характера, преобладающее настроение. Категория «дочь (сын)» находится на четвертом месте у первой и третьей групп (во второй — на 6). Родственные отношения шире выражены у бурят в силу родоплеменных традиций, также они чаще ассоциируют себя с именем. У бурят имя имеет сложнообусловленную психологическую нагрузку: на новом этапе общественных отношений оно сохраняет важную функцию — символ связи поколений, генеалогии рода в целом.

Таблица 10

Содержание самоописаний в образе мира исследуемых групп

№ п/п	Категории	Исследуемые группы					
		1-я		2-я		3-я	
		Частота упоминаний	Ранговые значения	Частота упоминаний	Ранговые значения	Частота упоминаний	Ранговые значения
1	Положительные личностные характеристики	106	1	71	2	88	1
2	Дочь (сын)	53	4	55	6	45	4
3	Любимая (ый), любящая (ий)	16	18	25	14	21	15
4	Сестра (брат)	51	5	49	8	35	8
5	Племянница (ик)	28	11	24	15	8	20
6	Внук (чка)	23	15	39	10	17	17
7	Мать, отец (будущие)	11	20	33	11	31	11
8	Жена, муж (будущие)	15	19	20	17	25	14
9	Отрицательные личностные характеристики	31	8	12	20	44	5
10	Тетя (дядя)	22	16	23	16	18	16
11	Студент	56	2	60	4	12	18
12	Работающий	21	17	58	5	83	2
13	Гражданин РФ	39	7	63	3	29	12
14	Девушка (парень)	29	10	40	9	34	9

15	Национальность	24	14	27	13	26	13
16	Душа, часть Бога	25	13	16	18	33	10
17	Верующий	30	9	13	19	52	3
18	Человек	42	6	28	12	36	7
19	Личность	26	12	78	1	11	19
20	Подруга (друг)	55	3	50	7	43	6

Среднюю позицию в самоописаниях заняло суждение, касающееся национальности. Данный факт можно объяснить понятием этнических ролей личности, т. е. все социальные, в том числе семейные, роли окрашены этничностью, отличаются этническим стилем исполнения.

Таким образом, в самооценочных характеристиках исследуемых групп в качестве первостепенных имеется ряд тем, часть которых была указана еще А. Адлером [5]. Он полагал наличие трех проблем, с которыми сталкиваются люди, — это работа, дружба и отношения в сообществе, в котором человек живет, любовь и брак. Наше исследование выделило несколько приоритетных тем в группе младших студентов (в порядке убывания): «моя семья», «моя личность», «мои социальные роли». В группе студентов старших курсов: «мои социальные роли», «увлечения, предпочтения, интересы», «моя семья». В группе работающей молодежи: «моя семья», «моя личность», «мои социальные роли».

Полученные данные выявили особенности когнитивного образа мира молодежи. В целом результаты исследования выявили позитивную групповую и личностную идентификацию молодежи, достаточный уровень субъектности. Отрицательные личностные характеристики во всех группах занимают последние позиции. Результаты показали метаценность образа «Я» личности как субъекта жизни, самосознания.

Результаты исследования по тесту «Самосознание» Л. Фенигштейна.

Приступая к изучению данной темы, следует проанализировать ее ключевые понятия с целью определения границы изучаемого явления и обоснования выбора метода. В энциклопедическом словаре приводится следующее определение: «Самосознание — убеждение в ценности собственной личности, переживание единства и спец-

ифичности Я как существа, наделённого мыслями, чувствами, желаниями, противоположное осознанию внешнего мира (объекта)». С. И. Ожегов обозначает самосознание как полное понимание самого себя, своего значения, роли в жизни, обществе. В психологическом словаре дается определение: «Самосознание — высший уровень развития сознания, основа формирования умственной активности и самостоятельности личности в ее суждениях и действиях, это образ себя, отношение к себе».

Ж. Пиаже рассматривал развитие интеллекта (аналог сознания) как прогрессирующую обратимость мобильных психических структур, как децентрацию позиции субъекта. Множественная альтернативность проявляется через плюрализм мнений — естественный процесс дифференциации общественного сознания. Политические, духовные, экологические кризисы — атрибут не только нашего общества на поворотном моменте истории, их переживают и стабильные, сложившиеся миры.

Самосознание — относительно устойчивая, более или менее осознанная структура представлений индивида о самом себе, включающая изначальные основы самосознания (притязания на признание своего «Я», своего имени, своей внутренней психической сущности и внешних физических данных; притязания на социальное признание; притязания на признание своей сущности как представителя пола); историю их развития во времени (прошлое, настоящее, будущее) и существование в социальном пространстве (самость личности, долг перед людьми, права среди других). Мы видим, что это важнейшие структурно-содержательные характеристики образа мира личности. Наиболее близкими к понятию «самосознание» являются понятия «Я-концепция», «Я-эго», «Я-образ».

В психологии понятия «Я-эго», «Я-образ» чаще трактуются как результат выделения человеком самого себя из среды, позволяющий ему ощущать себя субъектом своих физических и психических состояний, действий, процессов, переживать свою целостность и тождественность с самим собой в отношении прошлого, настоящего и будущего. Понятие «Я» всегда соотносится и нередко даже сливается, с одной стороны, с понятием личности, а с другой — с понятием самосознания. «Я» — не просто индивидуальность, личность,

а личность, рассматриваемая изнутри. В то же время самосознание может быть не только индивидуальным, но и коллективным, групповым, общественным, включающим существование в социальном пространстве (самость личности, долг перед людьми, права среди других). Общественная направленность самосознания личности актуальна в ситуации преодоления кризиса российского общества.

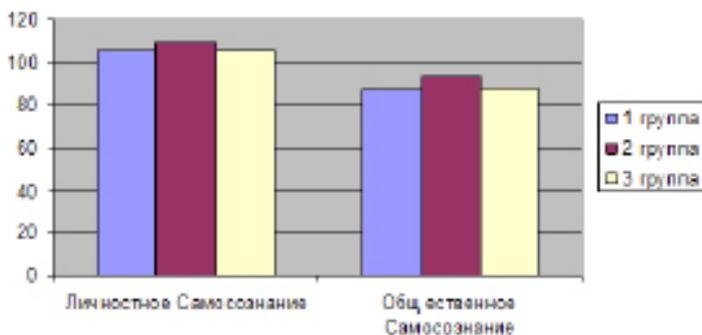

Рис. 1. Результаты теста самосознания молодежи

В Т-баллах уровень личностного и общественного самосознания находится в пределах нормы (40–60), средние показатели ЛС и ОС близки во всех группах, но личностное самосознание выражено выше (45), чем общественное (41). Это можно объяснить тем, что развитие самосознания неизбежно и тесно связано с особенностями социальных предписаний. По Э. Эриксону, кризисы личностной идентичности имеют неразрывную связь с кризисами общественного развития (табл. 11).

Таблица 11

Самосознание	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Личностное	106	109,4	106
Общественное	87,7	93,6	88,5

Многомерность сознания обуславливает и определяет многомерность путей развития общества. И единичный, и коллективный субъект, будь то индивид, политическая партия или общество в целом,

обладает определенной картиной мира, позволяющей осознать мир, себя в нем, планировать и принимать решения по реализации тех или иных действий.

Понятие «картина мира» близко к понятиям «общественное сознание» или «менталитет общества», используемым в философской литературе, но оппозиция «сознание — бессознательное», принятая в психологии, делает более эвристическим использование понятия «картина мира», поскольку оно вбирает и осознаваемые, и неосознаваемые пласты познания. Картина мира представляет собой многоуровневое образование, в которое наряду с научным, понятийным понятием входят и религиозный опыт, и виртуальные построения искусства, и идеология, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного в духе К. Г. Юнга. Картина мира характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию. В психологии исследование картины мира, в том числе ее политического аспекта, интенсивно развивает психосемантический подход. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и как следствие на идее множественности путей развития отдельного индивида, общества, страны, всего человечества.

Литература

1. Базарова Д. Р. (Галсанова Д. Р.) Психолого-педагогическое сопровождение этноконфессиональной идентичности личности / Д. Р. Базарова (Галсанова Д. Р.), А. Р. Монсонова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 122 с.
2. Базарова Д. Р. Ценностно-смысловые детерминанты структурно-содержательных характеристик образа мира молодежи: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Д. Р. Базарова. Улан-Удэ, 2010. 164 с.
3. Базарова Д. Р. Психосемантический анализ самоописаний «Я» в структуре образа мира студентов / Д. Р. Базарова // Вестник Бурятского гос. университета. 2010. Вып. 5.
4. Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят / В. Д. Бабуева. Улан-Удэ: Центр сохранения и развития культурного наследия Бурятии, 2004. 212 с.

5. Базарова (Галсанова) Д. Р. Образ мира молодежи: структурно-содержательные характеристики / Д. Р. Базарова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2019. 160 с.
6. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят / К. Д. Басаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
7. Монсонова А. Р. Воспитание духовности учащихся в системе дополнительного образования / А. Р. Монсонова // Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Казань: Бук, 2016. С. 124–127.
8. Базарова Д. Р. Психолого-педагогическое сопровождение этноконфессиональной идентичности личности / А. Р. Монсонова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 126 с.
9. Социальное сиротство как актуальная проблема современного общества: материалы междунар. научно-практ. конф. (Улан-Удэ, 2 июля 2016 г.) / отв. ред. Т. С. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2016. 234 с.
10. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни / В. П. Серкин. Магадан: Изд-во СМУ, 2005. 330 с.

ГЛАВА 9
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
CHAPTER 9
ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITY OF MODERN YOUTH

© *Монсонова Арюна Раднанимаевна*
кандидат психологических наук,
доцент кафедры возрастной и педагогической психологии,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ
e-mail: monsonova77@mail.ru

Monsonova Aryuna Radnanimaevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of Age and Pedpsychology,
Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude

Потребность молодежи в обращении к этническим ценностям, представляющимся более устойчивыми в изменчивом настоящем, является реакцией на неопределенность. В связи с этим актуализируется проблема эго- и этноидентификации, в процессе которой кроме критерия приписывания (то, кем другие их воспринимают) большую роль играет и критерий внутреннего выбора (то, кем они сами себя осознают). Выдающийся отечественный психолог Г. Г. Шпет подчеркивал, что принадлежность человека к народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к его культурным ценностям и святыням [3]. Этнические ценности связаны с этноконфессиональными и являются больше этическими ценностями, передаваемыми с помощью механизма традиции, которая обеспечивает существование культуры этноса. В последнее десятилетие в науке появилась перспектива более объективного и глубокого изучения традиционной культуры, в частности, представителя конфессии как носителя культурных норм и ценностей.

Предметом диагностики нашего исследования, представленного в данной статье, явилась этническая идентичность как психологический механизм этноконфессиональной принадлежности личности. Для анализа было выбрано 7 групп респондентов и создана переменная, принимающая значения номеров групп (рис. 1).

1-я группа— нанайцы, последователи шаманизма ($n=20$), студенты Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск);

2-я группа— эвенки ($n=20$), буряты ($n=10$), шаманисты, студенты Бурятского государственного университета;

3-я группа—русские ($n=100$), православные христиане, студенты Бурятского государственного университета и Бурятского лесопромышленного колледжа;

4-я группа—русские, представители старообрядческого течения христианства («семейские») ($n=30$), студенты Бурятского лесопромышленного колледжа;

5-я группа— буряты, приверженцы буддизма ($n=100$), студенты Бурятского государственного университета и Бурятского лесопромышленного колледжа;

6-я группа— русские ($n=20$), студенты Дальневосточного библейского колледжа;

7-я группа— буряты ($n=60$), студенты Буддийского института «Даши Чойнхорлин» (Бурятия) и Буддийской академии (Агинский Бурятский автономный округ).

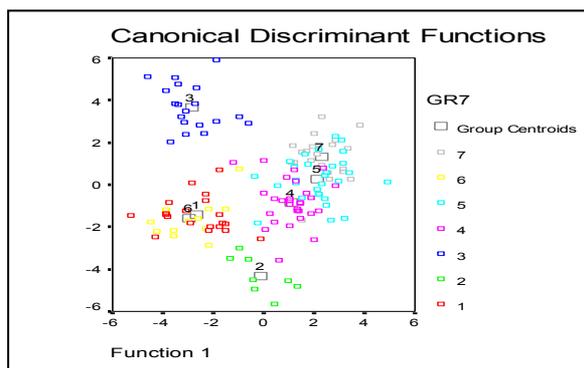

Рис. 1

В результате дискриминантного анализа (рис. 1) было выделено три группы, при этом первая, вторая и шестая группы объединились в одну группу (ей присвоен номер 1), третья группа (христиане) выделилась в отдельную группу (номер 2), четвертая, пятая и седьмая исходные группы, объединились в третью группу под номером 3. При анализе таблицы принадлежности к этноконфессиональной группе были удалены 16 случаев (статистических выбросов), которые принадлежат к одной группе дискриминантными функциями, с большей вероятностью переводятся в другую. Результаты дискриминантного анализа полученной выборки с разделением на три группы представлены на рисунке 2.

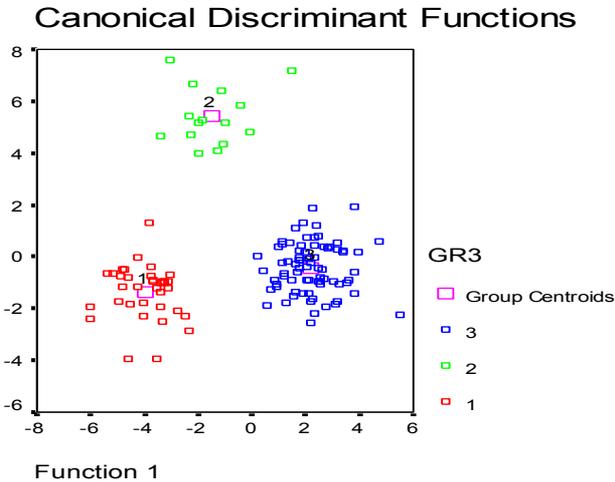

Рис. 2

В выделенных трех группах по каждой методике был проведен факторный анализ выделением главных компонент с вращением методом Варимакс.

По тесту эгоидентичности Э. Эриксона — Дж. Марсиа выявлялось четыре статуса (состояния) эгоидентичности на основе двух параметров: 1) наличие или отсутствие кризиса — состояние поиска идентичности; 2) наличие или отсутствие единиц идентичности — лично значимых ценностей, целей, убеждений.

Получаются следующие статусы идентичности:

1. Достигнутая идентичность. Этим статусом обладает человек, прошедший период кризиса, самоисследований и сформировавший определенную систему ценностей. Он знает, кто он и чего хочет, и соответственно структурирует свою жизнь. Таким людям свойственно чувство доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего (этот статус выявлен у 18% всех испытуемых и коррелирует с хорошей успеваемостью студентов).

2. Мораторий относится к человеку, находящемуся в состоянии кризиса идентичности и активно пытающемуся разрешить его, пробуя различные варианты. Он находится в состоянии поиска информации, полезной для разрешения кризиса (чтение литературы, беседы с друзьями, родителями, реальное экспериментирование со стилиями жизни). Данный статус характеризует большинство испытуемых (54%), по интеркорреляции во всех группах обнаружены достоверно значимые связи ($r=0,7$ $p<0,05$).

3. Преждевременная идентичность. Этот статус приписывается человеку, который никогда не переживал состояние кризиса идентичности, но тем не менее обладает определенным набором целей, ценностей, убеждений. У людей с преждевременной идентичностью элементы формируются относительно рано в жизни не в результате самостоятельного поиска и выбора, а в основном вследствие идентификации с родителями или другими значимыми людьми (это оказалось характерно для студентов буддийских вузов, 11 из 20%).

4. Диффузная идентичность выявлена у 8 % студентов. Такое состояние идентичности характерно для людей, которые не имеют прочных целей, ценностей и убеждений и которые не пытаются активно формировать их. При отсутствии ясного чувства идентичности люди переживают ряд негативных состояний, включая пессимизм, апатию, отчуждение, тревогу, чувства беспомощности и безнадежности. Юношество — лишь одна из стадий в развитии идентичности, период наиболее яркого ее кризиса. Хотя Э. Эриксон отмечает, что процесс формирования идентичности заканчивается в юношеском возрасте, именно в процессе социализации в вузе студент может найти выход из кризиса, найти и принять новые ценности, виды деятельности. Это подтверждается следующим фактом.

Корреляционный анализ эгоидентичности выявил достоверно значимые связи во второй этноконфессиональной группе.

Во второй группе испытуемых — студентов-христиан (табл. 1) достоверно установлена связь между диффузной идентичностью и мораторием, которые показывают стремление студентов искать варианты разрешения кризиса эгоидентичности, во многом через профессиональное самоопределение, выбор профессии, получение знаний и диплома об образовании.

Таблица 1

Показатели интеркорреляции по тесту эгоидентичности 2-й группы

		1	2	3	4
1	Диффузия	1,00	0,70**	-0,42**	0,29
2	Мораторий		1,00	-0,45**	0,13
3	Предрешенность			1,00	-0,07
4	Идентификация				1,00

Смена социальной и образовательной среды дает им достаточно широкие возможности для личностного роста, они критичнее смотрят на окружающий мир, в том числе и на свои этноконфессиональные отношения, на что указывают достоверно значимые ($p < 0,05$) отрицательные связи с предрешенностью (преждевременной идентичностью), т. е. с опытом родителей, которые, по словам студентов, жили в то время, когда религиозному воспитанию не уделялось внимания, и родители в основном не повлияли на их этноконфессиональную принадлежность.

Для выявления этой направленности этнической идентичности в этноконфессиональных группах был использован тест Г. У. Солдатовой «Типы этнической идентичности», построенный на теоретических положениях Л. М. Дробижевой о семи типах этноидентичности: нормальная идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, этнонигилизм, этнический фанатизм, этнодоминирующая идентичность и этническая индифферентность [2]. Полученные результаты по типам этнической идентичности были подвергнуты факторному анализу вместе с результатами «Ценностного теста Ингльхарта» (в модификации М. С. Яницкого), в котором выделяется три типа ценностей: ценности

социализации, адаптации и индивидуализации, в трех исследуемых группах. Результаты представлены в таблицах 3, 4, 5.

Таблица 2

Результаты факторного анализа по методикам «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой» и «Ценностный тест Инглхарта» в первой группе

Шкалы	1	2	3
Этноэгоизм	0,80	-0,02	0,01
Этноизоляционизм	0,78	-0,12	-0,02
Этнонигилизм	0,69	0,23	-0,13
Национальный фанатизм	0,67	-0,08	-0,38
Ценности социализации	-0,12	0,90	-0,13
Ценности адаптации	0,10	0,90	-0,21
Ценности индивидуализации	0,00	0,63	0,19
Позитивн. этн. идентичность (норма)	-0,12	0,03	0,85
Этническая индифферентность	-0,08	-0,11	0,75
Дисперсия (%)	24,77	23,52	17,15

В первой группе (нанайцы, эвенки и студенты Библейского колледжа) выделено три фактора, обеспечивающих 65,45% общей дисперсии (табл. 3).

Первый фактор объясняет 24,77% общей дисперсии и включает четыре показателя: этноэгоизм (0,80), этноизоляционизм (0,78), этнонигилизм (0,69) и этнофанатизм (0,67). Этноэгоизм как этнодоминирующая идентичность фиксирует такое состояние самосознания и поведения человека, при котором не только этническая идентичность становится первостепенной среди других видов идентичностей (гражданин, мать, муж, представитель профессии и др.), но и достижение целей, интересов народа (возможно, и ложно понимаемых) начинает восприниматься как безусловно доминирующая ценность.

Этноцентричная идентичность или этноизоляционизм понимается не в том смысле, что точкой отсчета для восприятия другой культуры является собственная, а в плане акцентированности на значимость этничности, ориентированности на нее, ее безусловного не критического предпочтения. При такой идентичности присутствуют элементы направленного (на ту или иную культуру или вид контак-

тов), но не агрессивного этноизоляционизма, замкнутости. Эти два типа идентичности имеют в виду тогда, когда говорят о гиперидентичности. Часто причиной такого сочетания этнических показателей является этноущемленная идентичность. Обычно она возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности другим. Данный факт достаточно часто встречается в среде студентов младших курсов — представителей коренных малочисленных народов, к старшим курсам это в основном преодолевается в процессе социализации, но не у всех. Отсюда избегание демонстрации своей этничности, а иногда и вообще отрицание всякой этничности, что называется этнонигилизмом.

Этнонигилизм может приобрести форму космополитизма, тогда он представляет собой отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей; декларирование свободы от всего, связанного с этническим феноменом; иногда даже квалифицирование его как вредного; демонстрация себя как «человека мира». Думаем, это не характерно для представителей коренных малочисленных народов, в нашем исследовании — эвенков и нанайцев, и в первой группе данный показатель высок из-за студентов библейского колледжа, одним из постулатов которых является то, что люди все равны и Бог един.

Этнический фанатизм — идентичность, при которой абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто иррационально понимаемых, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия, вплоть до использования терроризма. Данный тип представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности, что также не характерно для наших респондентов. В целом данный фактор можно обозначить как «самооценка».

Во второй фактор вошли ценности социализации (0,90), адаптации (0,90) и индивидуализации (0,63). Фактор получил название «адаптация», так как ценности адаптации здесь имеют большой факторный вес. Часто второй фактор, который называют латентным и поэтому более сильным, чем даже первый фактор, выделяет наиболее важные проблемы испытуемых. Для коренных малочисленных народов таковой является проблема адаптации, и она особо актуальна в студенческом возрасте: статистика показывает, что не все студенты-северяне справляются и проходят этапы адаптации (биологической, психологической, учебной, социокультурной). 60–70 % из них не проходят весь

процесс обучения в вузе, в том числе 20–30 % студентов-набайцев [1]. В третий фактор вошли показатели «нормальная идентичность» (0,85) и «этническая индифферентность» (0,75), поэтому мы назвали его «нормальная идентичность».

Во второй группе студентов-христиан выделено четыре фактора, обеспечивающих 74,19% общей дисперсии с весом соответственно 23,98 %, 18,28 %, 16,87 % и 15,06 % (табл. 4).

В первый фактор вошли нормальная идентичность (-0,91), этноэгоизм (0,82) и этноизоляционизм (0,68). Этот фактор может показывать недостаточную веру в христианские заповеди, проявление некоторых негативных этнических установок и может быть назван как «замкнутость». Второй фактор составили «ценности», в третий вошли этническая индифферентность (0,83) и этнический фанатизм (0,76), который в определенных условиях может проявляться как агрессивная идентичность. В третий фактор вошли два показателя: этническая индифферентность (0,83) и национальный фанатизм (0,76). Данный фактор может быть назван «индифферентность». Четвертый фактор указывает на этнонигилизм (0,92).

Таблица 3

Результаты факторного анализа по методикам
«Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой
и «Ценностный тест Ингльхарта» во второй группе

Шкалы	1	2	3	4
Позитивная этническая идентичность (норма)	-0,91	-0,04	-0,16	-0,02
Этноэгоизм	0,82	0,14	-0,06	0,09
Этноизоляционизм	0,68	-0,19	-0,27	-0,22
Ценности социализации	0,00	0,81	-0,04	-0,08
Ценности адаптации	0,00	0,73	0,25	0,33
Ценности индивидуализации	0,07	0,61	-0,25	-0,44
Этническая индифферентность	-0,29	0,11	0,83	0,11
Национальный фанатизм	0,31	-0,16	0,76	-0,36
Этнонигилизм	0,01	-0,01	-0,12	0,92
Дисперсия (%)	23,98	18,28	16,87	15,06

В третьей группе выделено четыре фактора, обеспечивающих 69% общей дисперсии (табл. 5). Ценностные ориентации вошли в первый фактор «социализация», который объясняет 22,55% общей дисперсии, и если в данной системе ценности социализации закономерно

доминируют во всех трех группах, то ценности индивидуализации (нагрузка на фактор 0,77) занимают второе место только в этой группе, в первой и второй группах система ценностей входит во второй фактор, а ценности индивидуализации находятся по факторному весу на третьем месте. Данный фактор характеризует студентов буддийской конфессии и студентов — потомков староверцев — как представителей традиционных, даже патриархальных культур, так как термин «социализация» чаще всего используется относительно процессов, посредством которых ребенку внушаются ценности общества и его собственные социальные роли.

Таблица 4

Результаты факторного анализа по методикам «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и «Ценностный тест Инглхарта» в третьей группе

Шкалы	1	2	3	4
Ценности социализации	0,87	-0,05	-0,04	0,01
Ценности индивидуализации	0,77	-0,03	-0,08	-0,02
Ценности адаптации	0,76	0,00	0,10	0,00
Этническая индифферентность	0,03	0,83	0,17	0,10
Этноизоляционизм	0,12	-0,79	0,15	-0,08
Этнонигилизм	0,20	0,29	0,77	-0,03
Национальный фанатизм	0,17	0,22	-0,74	-0,01
Позитивная этническая идентичность (норма)	-0,07	-0,01	0,14	0,91
Этноэгоизм	-0,09	-0,36	0,33	-0,66
Дисперсия (%)	22,55	17,43	14,91	14,10

Второй фактор описывает 17,43 % дисперсии и задан двумя показателями: этническая индифферентность (0,83) и низкий этнический изоляционизм (-0,79), что говорит о значимости для студентов феномена этничности, ориентированности на нее. При такой идентичности присутствуют элементы направленного (на ту или иную культуру или вид контактов), но не агрессивного этноизоляционизма и замкнутости. Этническая индифферентность показывает, что на жизненные поступки, поведение студентов в любых сферах деятельности особо не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других. Данный фактор можно интерпретировать

как «сдержанность». В третий фактор вошли этнонигилизм (0,77) и этнофанатизм с отрицательным значением, его можно обозначить как фактор «космополитизм». В четвертый фактор вошли два важных показателя: нормальная идентичность с нагрузкой на фактор 0,91 и этноэгоизм с минимальным отрицательным значением (-0,66). Данный фактор можно обозначить как «норма».

Нормальная идентичность, при которой образ своего народа воспринимается как положительный, имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки на общение с другими народами, понимание их вклада в историю может быть обозначена как фактор толерантности.

Таблица 5

Интеркорреляции типов этнической идентичности 1-й группы

	ЭН	ЭИ	Н	ЭЭ	ЭИЗ	НФ
Этнонигилизм	1,00	-0,18	-0,21	0,65	0,29	0,16
Этническая индифферентность		1,00	0,45	0,22	0,20	0,10
Нормальная идентичность			1,00	0,10	-0,01	0,05
Этноэгоизм				1,00	0,58	0,43
Этноизоляция					1,00	0,45
Национальный фанатизм						1,00

Примечание: значимые связи выделены.

Корреляционный анализ типов этнической идентичности выявил статистически значимые связи ($P < 0,05$) между этнонигилизмом и этноэгоизмом ($r = 0,65$), что свидетельствует о гиперидентичности представителей данной группы. Чем выше нормальная идентичность, тем сильнее проявляется и этническая индифферентность (0,45), которая показывает, что на поведение студентов в различных ситуациях особо не влияет их собственная этническая идентичность и других. Из таблицы видим, что во всех случаях корреляции положительны, что этноизоляция достоверно коррелирует с этноэгоизмом (0,58) и национальным фанатизмом (0,45 %), т. е. с акцентуированностью на значимость идентичности, присутствующими при этом элементами направленной, но не агрессивной замкнутости.

Таблица 6

Интеркорреляция типов этнической идентичности 2-й группы

	ЭН	ЭИ	Н	ЭЭ	ЭИЗ	НФ
Этнонигилизм	1,00	0,01	0,04	0,02	-0,05	-0,22
Этническая индифферентность		1,00	0,05	-0,29	-0,40	0,17
Нормальная идентичность			1,00	-0,49	-0,25	-,20
Этноэгоизм				1,00	0,28	0,25
Этноизоляционизм					1,00	0,10
Национальный фанатизм						1,00

Примечание: значимые связи выделены.

Во второй группе студентов-христиан выявлены достоверно значимые ($P < 0.05$) отрицательные связи: нормальная или позитивная этническая идентичность снижает уровень этноэгоизма ($r = -0,49$), когда этническая идентичность перестает быть первостепенной среди других видов идентичности, и автостереотипы не воспринимаются как безусловно доминирующие ценности. Другая значимая связь ($-0,40$) между этнической индифферентностью и этноизоляционизмом характеризует представителей данной группы как людей открытых, что подтверждается такой этнопсихологической особенностью русского характера, как общительность, а также осознающих высокий статус своей этнической группы.

Таблица 7

Интеркорреляция типов этнической идентичности 3-й группы

	ЭН	ЭИ	Н	ЭЭ	ЭИЗ	НФ
Этнонигилизм	1,00	-0,10	-0,36	0,31	0,61	0,58
Этническая индифферентность		1,00	0,22	-0,58	-0,53	-0,21
Нормальная идентичность			1,00	-0,08	-0,07	-0,13
Этноэгоизм				1,00	0,33	0,36
Этноизоляционизм					1,00	0,68
Национальный фанатизм						1,00

Примечание: значимые связи выделены ($p < 0,05$).

В третьей группе больше достоверно значимых положительных связей с этнонигилизмом, который может приобрести форму космополитизма. Тогда он может представлять собой отрицание этничности,

декларирование свободы от всего, демонстрацию себя как «человека мира». Это достаточно адекватно может характеризовать представителей этой группы — студентов-буддистов, которых учат с помощью молитв, медитационных упражнений соединяться с макрокосмом, уметь освобождаться от различного рода «привязанностей», т. е. невежеств. Поэтому здесь недопустимы этноизоляционизм, замкнутость ($r=0,61$), национальный фанатизм ($r=0,58$), который взаимно связан с этноизоляционизмом, что составляет важную для данной группы этнопсихологическую плеяду. Достаточно высокий уровень этнической индифферентности, показывающий, что студенты-буддисты спокойно и сдержанно относятся к проявлениям собственной этнической принадлежности этничности других (в буддийских вузах учатся представители многих национальностей), снижает уровень этноэгоизма, о чем свидетельствует отрицательная достоверно значимая связь ($r=-0,58$).

Таким образом, конкретный эмпирический анализ показал, что содержательная сторона системы ценностных ориентаций бурят характеризуется особенностями проявления этнической идентичности, отражением в самосознании этноинтегрирующих, объединяющих с этносом, и этнодифференцирующих, отличающих от других этносов, признаков. Уровень осознания значимости собственной этнической принадлежности, ценностно-смысловое отношение к членству в этнической группе характеризуют особенности эмоциональной стороны системы ценностных ориентаций бурят, проявляющиеся в специфике чувств, эмоций, настроений, в самооценивании собственной этнической группы и её отличия от других. Кроме того, студенчество как наиболее активная социальная группа кроме выражения внешней активности направлено на духовное совершенствование через интериоризацию социокультурных норм и ценностей, что определяет их этноконфессиональную принадлежность к значимой этнической группе. Этническая идентичность зависит от особенностей когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов личности.

Данное исследование также выявило, что амбивалентность, выраженность всех типов этнической идентичности достаточно распространена в этнически смешанной среде и для представителей различных конфессий характерна этноцентричная идентичность,

понимаемая не в том смысле, что точкой отсчета для восприятия другой культуры является собственная, а в плане акцентированности на значимость этничности, ориентированности на нее. Тогда идентичность становится этнодоминирующей, фиксирует такое состояние самосознания и поведения человека, при котором не только этническая идентичность становится первостепенной среди других видов идентичностей (гражданин, мать, муж, представитель профессии и др.), но и достижение целей, интересов народа, система его ценностей.

Литература

1. Гонтмахер П. Я. Нанайцы. Этюды о духовной культуре / П. Я. Гонтмахер. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1996. 114 с.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. Москва: Смысл, 1998. 386 с.
3. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. Санкт-Петербург, 1996. 492 с.
4. Дагбаева С. Б. Проблема снижения уровня толерантности современной молодежи / С. Б. Дагбаева // Модернизация профессионального образования в России, Китае и Монголии: материалы международного образовательного форума (Чита, 23–25 апреля 2013 г.): в 2 ч. / отв ред. Т. К. Клименко. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. Ч. 1 — 228 с. С. 117–124 (0,5 печ. л.)
5. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности / А. Р. Монсонова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 182 с.
6. Монсонова А. Р. Учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики» как фактор социализации школьников // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 24–30.
7. Монсонова А. Р. Воспитание духовности учащихся в системе дополнительного образования / А. Р. Монсонова // Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Казань: Бук, 2016. С. 124–127.
8. Монсонова А. Р. Психолого-педагогическое сопровождение этноконфессиональной идентичности личности / Д. Р. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 126 с.
9. Базарова (Галсанова) Д. Р. Образ мира молодежи: структурно-содержательные характеристики / Д. Р. Базарова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2019. 160 с.

ГЛАВА 10
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ
И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
ОБРАЗА МИРА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

CHAPTER 10
TRANSFORMATION OF SPATIO-TEMPORAL
AND VALUE-SEMANTIC COMPONENTS OF THE IMAGE
OF THE WORLD IN THE PROCESS OF STUDYING
AT A UNIVERSITY

© *Санжаева Римма Дугаровна*
доктор психологических наук, профессор
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ,
e-mail: rimmasan24@mail.ru

Sanzhaeva Rimma Dugarovna
PhD in Psychological Science, Professor of General and social
psychology Buryat State University, Ulan-Ude

Социальные изменения, характерные для постмодернистского общества, формируют новую реальность, в которой происходит жизнеосуществление человека, и тем самым меняют его образ жизни и жизненный мир в целом. Объективное изменение жизненного мира человека закономерно сопровождается и трансформацией его субъективного образа. Особенно актуальной в этой связи является проблема освоения новой социальной реальности молодым поколением [1] и, соответственно, изучение отражения этой реальности в сознании современной молодежи, изменения ее образа мира. От того, какой образ мира складывается в итоге у современной молодежи, зависит и формируемое последней реальное будущее нашего общества.

Согласно принятому в психологии личности пониманию, образ мира — это система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности, субъективная интерпретация человеком жизненного пространства, позволяющая ему ориентироваться

в действительности [2]. С. Д. Смирнов определяет образ мира так же как систему ожиданий, связывая его с временным измерением [3]. Значит, образ мира человека, являющийся индивидуальным выражением его жизненного мира, имеет пространственно-временную организацию. Поскольку жизненный мир человека в постнеклассической психологии рассматривается не только как внешняя среда или объективные условия жизни человека, но и как уникальное, и, по существу, внутреннее пространство, масштаб которого задается ценностно-смысловыми измерениями [4], то и образ мира дополняется сегодня аналогичными ценностно-смысловыми координатами. Так, в модели В. П. Серкина структура образа мира представлена как субъективными пространственно-временными характеристиками реальности, так и дополнительным квазиизмерением — значениями и смыслом отражаемых событий и явлений [5].

Содержательные характеристики образа мира традиционно описываются с использованием такого понятия, как хронотоп [6–8]. Данный феномен рассматривается И. О. Логиновой в качестве пространственно-временного континуума, в котором живет человек, преодолевая пространство и время и последовательно овладевая им в процессе жизнеосуществления [9]. По мнению В. П. Зинченко, наряду с пространством и временем в хронотопе содержатся значащие, смысловые и ценностные аспекты сознания, которые он называет ценностно-смысловым измерением [10]. А. М. Медведев, К. В. Мартиросян и А. Ю. Хачатрян полагают, что аналогично жизненному миру и его индивидуальному образу хронотоп включает в себя и сверхчувственные, в частности смысловые характеристики, «отслоившиеся» у человека от временного и пространственного измерений и занимающие у него ведущую роль [11].

Анализ этих и других психологических исследований позволил нам ранее описать образ мира студентов вуза как систему, представляющую собой совокупность взаимосвязанных пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов [12].

К *пространственным характеристикам* образа мира относятся круг общения и социальное окружение человека — группы членства, их участники и присущие им социально-психологические особенности [13]. Эти особенности определяют психологическую

«территорию» группы — групповое пространство, которое в свою очередь характеризуется наличием своих смыслов и ценностей [14]. Мы полагаем, что в качестве наиболее общей и операционализируемой характеристики субъективного пространства человека можно рассматривать идентичность личности, представляющую собой упорядоченную иерархию субидентичностей в основных сферах жизнеосуществления.

Основной *временной характеристикой* образа мира является временная перспектива личности как многоаспектный феномен, характеризующийся множественностью временных перспектив, т. е. существованием отдельных перспектив прошлого и будущего, а также их связанностью с настоящим — темпоральной интеграцией [15]. В данном исследовании под временной перспективой личности понимается совокупность представлений человека о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам. В качестве временных характеристик рассматривается индивидуальное восприятие активности, эмоциональной окрашенности, наполненности времени и т. п. К подобным характеристикам можно отнести субъективно описываемую личную историю (нарратив) и образ личного и профессионального будущего студентов.

Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира в нашей модели выступают системы личностных ценностей и личностных смыслов, операционализируемые через такие параметры, как ценностные ориентации личности, их осознанность, внутреннее принятие и реализованность в жизни, общая осмысленность жизни и осмысленность ее отдельных временных локусов — прошлого, настоящего и будущего, определяющие актуальное смысловое состояние личности. При этом системы ценностных ориентаций и личностных смыслов рассматриваются в неразрывном единстве как метасистема ценностно-смысловых ориентаций личности [16], представляющая собой систему более высокого порядка, обеспечивающую общую регуляцию всего спектра жизнедеятельности человека.

В качестве модельной группы для изучения пространственно-временных и ценностно-смысловых характеристик образа мира могут рассматриваться студенты вузов как особая общность, характеризующаяся переходом из одной социальной ситуации развития

в другую, проявляющимся в изменении социокультурной, а зачастую и физической среды, сложившегося образа жизни, социально-экономического статуса и т. д. Период обучения в вузе можно определить как особую кризисную ситуацию, связанную с изменением «формата взаимодействия» с пространством и временем собственной жизни и закладывающую основы формирования образа Я и образа мира в зрелом возрасте [17–19]. Исследование изменений, происходящих в сознании молодежи, посредством описания названных характеристик образа мира студентов в динамике позволит дополнить недостающие научные знания в этой сфере и предложить рекомендации по повышению эффективности психолого-педагогического сопровождения формирования образа мира студентов вузов. Цель настоящего исследования заключалась в верификации предлагаемой модели пространственно-временных и ценностно-смысловых характеристик образа мира студентов, раскрытии их содержания и динамики в процессе обучения в вузе.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 450 студентов 1–6-х курсов очной формы обучения вузов городов Владивосток, Кемерово, Москва, Петропавловск-Камчатский, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Смоленск, Томск, Улан-Удэ, Чита, представляющих собой однородную группу по характеру и режиму деятельности. Данная выборка сбалансирована по полу, возрасту и профилю обучения.

В организационном плане исследование представляет собой метод поперечных срезов, т. е. динамика анализируемых характеристик оценивалась путем их сравнения в группах студентов, находящихся на различных этапах обучения. Основными эмпирическими методами выступили опрос и комплекс диагностических методик. Опрос реализован с помощью самостоятельно разработанной анкеты, направленной на установление природно-географических характеристик места проживания, данных о часовом поясе и солнечном времени места проживания, пола, возраста и направленности обучения респондентов. Комплекс психодиагностических методик включал в себя опросник структуры идентичности, разработанный М. С. Яницким, А. В. Серым, О. А. Браун на основе теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [20]; мо-

дифицированный графический тест «Круги» Т. Коттла [21]; методику «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна [21]; адаптированную методику

«Шкала полихронных ценностей» А. Блюдорна [21]; адаптированную методику «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье [21]; методику «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой и К. Р. Червинской [22]; методику Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого [23]; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева в концептуализации А. В. Серого [23].

Нормальность распределения данных проверялась по критериям Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова с коррекцией Лиллиефорса. Поскольку большинство изучаемых характеристик не имеют нормального распределения, для оценки достоверности групповых различий (в зависимости от количества сравниваемых выборок и численности групп) использовались Н-критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни и ϕ^* -критерий Фишера.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с целью настоящего исследования нами проведен содержательный анализ выделенных в теоретической части работы хромотопических характеристик образа мира студентов вуза и их динамики в процессе вузовского обучения. Для этого приводится феноменологическое описание общих результатов по каждой характеристике как по всей исследуемой выборке, так и по отдельным курсам обучения.

Пространственные характеристики образа мира студентов вуза

К пространственным характеристикам студентов вузов в нашей модели отнесены, в частности, общая направленность обучения, формирующая профессиональный образ мира и, соответственно, профессиональные особенности образа мира в целом. Помимо осознания принадлежности к той или иной профессиональной общности, субъективное психологическое пространство личности определяется и значимостью для нее членства в других социальных группах и представляет собой более широкую социально-психологическую «территорию», которая может быть рассмотрена как система идентичности личности. Такая си-

стема, представляющая собой иерархию субидентичностей в основных сферах жизнеосуществления, изучалась с использованием опросника, разработанного нами на основе теста «Двадцати утверждений самооотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [20]. Итоговая иерархия отдельных компонентов идентичности личности всей исследуемой группы и ее динамика в период обучения представлены в табл. 1.

Доминирующую позицию в иерархии образов Я студентов вуза занимает личностная идентичность — представление о себе как об уникальной личности. Все остальные компоненты идентичности, отражающие социальное и коммуникативное Я, имеют относительно более низкий ранг значимости. Наиболее приоритетными среди них оказываются семейно-ролевые и учебно-профессиональные основания идентичности. Следует отметить, что по результатам исследования, проведенного нами ранее на международной студенческой выборке, ведущие позиции в системе идентичности личности занимали те же самые компоненты, однако они явно демонстрировали иную относительную приоритетность — по своей значимости описанные образы Я представляли следующую иерархическую последовательность: сын / дочь; мужчина / женщина; уникальная личность; будущий профессионал; студент; муж / жена [20].

Таблица 1

Результаты теста структуры идентичности
в зависимости от курса обучения, средние ранги
(Tab. 1. Identity structure test depending on the year of study,
average ranks)

Компоненты структуры идентичности	Все (n=449)	Курс обучения				
		1 (n=124)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Я как уникальная личность	4,2	4,1	4,5	4,1	4,1	2,9
Я как мужчина / женщина*	4,9	5,3	5,1	4,9	3,8	3,5
Я как сын / дочь	5,1	5,0	5,0	5,0	5,2	5,8
Я как (будущий) профессионал	5,6	6,3	5,5	5,1	5,1	5,5

Я как студент	6,1	6,1	5,8	6,4	6,2	6,3
Я как (будущий) муж / жена	7,0	7,8	6,8	6,7	6,4	6,6
Я как друг / подруга	7,1	6,8	6,8	7,7	7,8	7,1
Я как (будущий) отец / мать	8,4	8,6	8,1	8,9	8,1	8,3
Я как представитель молодежи	8,8	9,0	8,7	8,5	9,4	9,1
Я как гражданин своей страны	9,5	8,9	9,5	9,7	9,7	10,7
Я как представитель своего народа	9,5	9,0	9,7	9,6	9,6	9,4
Я как житель данного города	10,1	9,9	10,4	9,7	10,8	8,6
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i>	10,6	10,5	10,9	11,1	10,2	8,6
Я как член неформальной группы	11,5	11,5	11,3	11,5	12,4	10,8
Я как последователь своей религии	12,3	11,8	12,6	12,1	12,4	13,3
Другое	12,9	12,0	13,4	12,9	14,0	10,8

Прим.: * — различия между 1 и 5 курсами достоверны при $p < 0,01$.

Идентичность личности трансформируется в процессе ее социализации, при этом подразумевается, что по мере ее осуществления должна возрастать значимость целенаправленно сконструированных компонентов идентичности, сформированных в результате осознанного подключения конкретных социализирующих агентов [24]. В нашем исследовании значимость рассматриваемых компонентов идентичности в период обучения в вузе, являющегося одним из наиболее важных для формирования личности, претерпевает определенные изменения. Так, к концу обучения все более отчетливо повышается приоритетность образа себя как уникальной личности, особенно ярко выраженная на этапе обучения в магистратуре. Закономерно, что в этот период повышается ранг значимости таких компонентов идентичности, как мужчина / женщина и муж / жена при относительном понижении ранга образа Я как сын / дочь. Требуется отдельного изучения несколько неожиданное отсутствие какой-либо определенной динамики компонента идентичности Я как профессионал, а также относительное снижение значимости общегражданского и мировоззренческого (Я как представитель вида *Homo sapiens*) оснований идентичности.

Временные характеристики образа мира студентов вуза

К временным характеристикам образа мира студентов вуза можно отнести, в частности, связанность трех временных измерений (модусов времени) — прошлого, настоящего и будущего — и их субъективную приоритетность (доминантность). Эти характеристики исследовались с использованием модифицированного графического теста «Круги» Т. Коттла [21]. Результаты по данной методике представлены в табл. 2. По всей описываемой выборке подавляющее большинство студентов демонстрируют весьма низкую связанность своей временной перспективы — три четверти респондентов характеризуются отсутствием смысловой связанности между собственным прошлым, настоящим и будущим. Анализ связи отдельных временных модусов демонстрирует несколько большую связанность настоящего с будущим, чем с прошлым, и минимальную субъективную связь будущего и прошлого. Тем не менее по мере обучения в вузе связанность всех трех временных модусов между собой последовательно возрастает, исключением является относительное снижение данного показателя у студентов магистратуры, которое можно объяснить переходом в новую ситуацию развития, сопряженную в ряде случаев с сменой ранее выбранной образовательной траектории.

Таблица 2

Результаты модифицированного графического теста «Круги» в зависимости от курса обучения, % респондентов
(Tab. 2. Modified graphic test "Circles" depending on the year of study, % of respondents)

Модусы времени	Все (n=449)	Курс обучения				
		1 (n=124)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
<i>Связанность временной перспективы</i>						
Прошлое – настоящее	0 – 74,9	0 – 86,4	0 – 70,4	0 – 71,1	0 – 66,0	0 – 79,2
	2 – 4,9	2 – 4,0	2 – 5,6	2 – 4,8	2 – 3,8	2 – 8,3
	4 – 16,3	4 – 6,4	4 – 21,6	4 – 19,3	4 – 20,8	4 – 12,5
	6 – 3,8	6 – 3,2	6 – 2,5	6 – 4,8	6 – 9,4	6 – 0,0
Настоящее – будущее	0 – 72,7	0 – 85,6	0 – 67,3	0 – 68,7	0 – 64,2	0 – 75,0
	2 – 5,1	2 – 4,8	2 – 5,6	2 – 6,0	2 – 3,8	2 – 4,2
	4 – 17,0	4 – 7,2	4 – 22,8	4 – 18,1	4 – 22,6	4 – 12,5
	6 – 5,1	6 – 2,4	6 – 4,3	6 – 7,2	6 – 9,4	6 – 8,3

Будущее – прошлое	0 – 85,7	0 – 90,4	0 – 88,3	0 – 81,9	0 – 75,5	0 – 79,2
	2 – 1,8	2 – 2,4	2 – 0,6	2 – 1,2	2 – 3,8	2 – 4,2
	4 – 7,8	4 – 4,8	4 – 8,6	4 – 9,6	4 – 9,4	4 – 8,3
	6 – 4,7	6 – 2,4	6 – 2,5	6 – 7,2	6 – 11,3	6 – 8,3
<i>Доминантность модуса времени</i>						
Прошлое	0 – 42,3	0 – 48,8	0 – 34,9	0 – 40,2	0 – 54,7	0 – 34,8
	2 – 49,0	2 – 44,8	2 – 49,3	2 – 56,1	2 – 39,6	2 – 65,2
	4 – 8,7	4 – 6,5	4 – 15,8	4 – 3,7	4 – 5,7	4 – 0,0
Настоящее	0 – 18,4	0 – 11,2	0 – 26,0	0 – 18,3	0 – 15,1	0 – 13,6
	2 – 70,8	2 – 79,2	2 – 61,7	2 – 69,5	2 – 77,4	2 – 72,7
	4 – 11,0	4 – 9,6	4 – 12,3	4 – 12,2	4 – 7,5	4 – 13,6
Будущее	0 – 9,2	0 – 7,2	0 – 8,6	0 – 9,6	0 – 13,2	0 – 13,6
	2 – 46,4	2 – 48,0	2 – 47,0	2 – 50,6	2 – 43,4	2 – 27,3
	4 – 44,1	4 – 44,8	4 – 44,4	4 – 39,8	4 – 43,4	4 – 59,1

Прим.: связанность временной перспективы: 0 — временные модусы не граничат друг с другом; 2 — граничат; 4 — пересекаются; 6 — включают друг друга; доминантность модуса времени: 0 — модус меньше других; 2 — модус меньше одного, но больше другого (средний); 4 — больше других.

Для большинства студентов наиболее важное место во временном компоненте образа мира занимает их будущее, отчетливо доминирующее над другими модусами, собственное настоящее имеет относительно среднюю значимость, и наименьшую приоритетность обнаруживает модус прошлого. Данные результаты представляются вполне ожидаемыми и соответствуют ведущей смысловой направленности на будущее, свойственной периоду юности и ранней взрослости. Уровень доминантности модусов прошлого, настоящего и будущего в период обучения в вузе демонстрирует в целом волнообразный характер с тенденцией к относительному повышению значимости своего будущего при понижении значимости прошлого.

Еще одной операционализируемой характеристикой временного компонента образа мира являются его хронологические рамки или протяженность временной перспективы личности, исследуемая с использованием адаптированной методики «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна [21]. Как видно из приведенных в табл. 3–4 результатов, время наступления ближайшего будущего для студентов составляет чаще всего период в 1 год — такое пред-

ставление свойственно четверти респондентов, при этом за период обучения доля указавших годичную перспективу относительно увеличивается, и на старших курсах достигает одной трети опрошенных. Среднесрочная перспектива для большинства студентов находится в интервале от 1 до 5 лет и практически не изменяется за время обучения. Долгосрочная перспектива для половины и более исследуемых находится в диапазоне 5–10 лет, однако обучающиеся в магистратуре здесь являются явным исключением — ровно половина из них определяет долгосрочную перспективу как интервал в 1–3 года, что, вероятно, связано с меньшей продолжительностью обучения по сравнению с бакалавриатом. Ближайшее прошлое чаще всего связывается периодом в 1 год и менее, относительно недавнее прошлое — с интервалом от 1 года до 3, который указали более трети опрошенных, причем доля студентов, выбравших такой вариант, по мере обучения последовательно возрастает. Обращает на себя внимание, что среднесрочный интервал в ретроспективе несколько короче, чем перспективный, скорее всего, это отражает возрастные особенности респондентов и общее доминирование образа будущего в их восприятии времени. Отдаленное прошлое охватывает для более половины опрошенных ретроспективу в 5–10 лет, практически не увеличиваясь с возрастом. Некоторым исключением здесь вновь являются студенты магистратуры, относительно чаще демонстрирующие более короткую протяженность отдаленной ретроспективы.

Таблица 3

Результаты методики «Индекс протяженности временной перспективы» в отношении своего будущего в зависимости от курса обучения,% респондентов
(Tab. 3. "Index of time perspective" test (future) depending on the study year,% of respondents)

Вариант ответа	Все (n=442)	Курс обучения				
		1 (n=117)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
<i>Ближайшее будущее</i>						
1 день	2,26	2,56	1,83	2,41	1,85	4,17
1 неделя	10,18	10,26	12,80	7,23	9,26	4,17
2 недели	5,43	1,71	4,88	13,25	3,70	4,17

Глава 10 Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе

1 месяц	17,19	11,97	21,34	14,46	16,67	25,00
3 месяца	10,63	11,97	9,76	12,05	7,41	12,50
6 месяцев	7,47	11,97	4,88	7,23	7,41	4,17
9 месяцев	1,36	3,42	0,61	–	1,85	–
1 год	23,98	21,37	25,00	18,07	31,48	33,33
3 года	10,18	9,40	9,76	13,25	11,11	4,17
5 лет	9,50	11,97	8,54	9,64	7,41	8,33
10 лет	1,13	2,56	0,61	–	1,85	–
15 лет	0,23	–	–	1,20	–	–
20 лет	0,23	0,85	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–	–	–
Более 25 лет	0,23	–	–	1,20	–	–
<i>Будущее в среднесрочной перспективе</i>						
1 день	1,13	0,85	1,22	1,20	1,92	–
1 неделя	1,36	1,71	1,22	1,20	1,92	–
2 недели	3,85	4,27	3,66	3,61	5,77	–
1 месяц	6,79	6,84	7,32	6,02	5,77	8,33
3 месяца	9,50	10,26	9,76	8,43	5,77	16,67
6 месяцев	12,22	10,26	14,63	14,46	1,92	12,50
9 месяцев	2,49	0,85	2,44	2,41	5,77	4,17
1 год	18,79	19,66	18,29	19,28	19,23	16,67
3 года	19,68	20,51	20,12	15,66	26,92	12,50
5 лет	15,84	14,53	16,46	16,87	13,46	20,83
10 лет	5,43	6,84	3,66	6,02	7,69	4,17
15 лет	2,71	3,42	1,22	4,82	1,92	4,17
20 лет	0,23	–	–	–	1,92	–
25 лет	–	–	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–	–	–
<i>Долгосрочное будущее</i>						
1 день	0,45	–	0,61	1,20	–	–
1 неделя	0,23	–	0,61	–	–	–
2 недели	0,45	–	–	1,20	1,85	–
1 месяц	1,58	2,56	1,83	1,20	0,00	–
3 месяца	2,04	1,71	1,83	3,61	1,85	–
6 месяцев	2,04	2,56	1,22	1,20	3,70	4,17
9 месяцев	0,45	–	0,61	1,20	–	–
1 год	10,41	9,40	10,98	8,43	7,41	25,00
3 года	15,16	17,09	10,98	20,48	11,11	25,00

Этнопсихология бурят

5 лет	22,62	20,51	26,22	19,28	25,93	12,50
10 лет	26,02	23,93	29,88	24,10	29,63	8,33
15 лет	6,79	8,55	6,71	3,61	5,55	12,50
20 лет	7,69	10,26	4,88	9,64	9,26	4,17
25 лет	1,58	0,85	1,22	3,61	1,85	–
Более 25 лет	2,49	2,56	2,44	1,20	1,85	8,33

Таблица 4

Результаты методики

«Индекс протяженности временной перспективы» в отношении
своего прошлого в зависимости от курса обучения,
% респондентов

(Tab. 4. "Index of time perspective" test (past) depending on the study
year,% of respondents)

Вариант ответа	Все (n=442)	Курс обучения				
		1 (n=117)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
<i>Ближайшее прошлое</i>						
1 день	3,39	3,42	3,66	3,61	3,70	–
1 неделя	9,50	10,26	8,54	9,64	9,26	12,50
2 недели	6,33	4,27	6,71	10,84	3,70	4,17
1 месяц	14,25	13,68	14,63	15,66	12,96	12,50
3 месяца	10,86	10,26	14,63	9,64	5,55	4,17
6 месяцев	10,86	8,55	9,15	13,25	14,81	16,67
9 месяцев	3,85	4,27	3,66	3,61	3,70	4,17
1 год	25,34	34,19	21,34	20,48	27,78	20,83
3 года	10,86	8,55	12,20	7,23	14,81	16,67
5 лет	3,17	2,56	3,05	4,82	1,85	4,17
10 лет	1,13	–	1,83	–	1,85	4,17
15 лет	0,23	–	–	1,20	–	–
20 лет	–	–	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–	–	–
<i>Относительно недавнее прошлое</i>						
1 день	1,81	2,56	0,61	4,88	–	–
1 неделя	4,52	5,98	5,49	1,22	3,70	4,17
2 недели	8,60	5,98	10,98	6,10	5,55	20,83

Глава 10 Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе

1 месяц	13,57	15,38	14,63	9,76	14,81	8,33
3 месяца	15,61	17,95	15,85	15,85	14,81	4,17
6 месяцев	10,41	11,97	8,54	14,63	7,41	8,33
9 месяцев	3,62	4,27	4,27	1,22	3,70	4,17
1 год	18,79	12,82	19,51	18,29	25,93	29,17
3 года	15,38	15,38	12,80	20,73	16,67	12,50
5 лет	6,33	6,84	6,71	3,66	7,41	8,33
10 лет	0,68	0,85	–	2,44	–	–
15 лет	–	–	–	–	–	–
20 лет	–	–	–	–	–	–
25 лет	0,23	–	–	1,22	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–	–	–
<i>Отдаленное прошлое</i>						
1 день	0,45	0,85	–	–	1,85	–
1 неделя	0,68	1,71	–	–	–	4,17
2 недели	0,68	–	–	3,61	–	–
1 месяц	1,36	1,71	1,23	1,20	1,85	–
3 месяца	2,04	1,71	0,61	2,41	5,55	4,17
6 месяцев	2,71	2,56	3,68	2,41	–	4,17
9 месяцев	0,90	0,85	1,23	1,20	–	–
1 год	11,99	13,68	10,43	15,66	7,41	12,50
3 года	17,87	18,80	17,79	15,66	18,52	20,83
5 лет	29,41	25,64	30,67	32,53	29,63	29,17
10 лет	22,17	23,08	25,77	16,87	22,22	12,50
15 лет	6,56	4,27	6,75	6,02	9,26	12,50
20 лет	1,58	1,71	1,84	–	3,70	–
25 лет	1,13	2,56	–	2,41	–	–
Более 25 лет	0,23	0,85	–	–	–	–

Специфичность временных характеристик образа мира проявляется также в субъективной полихронности или же монохронности — предпочтении включаться в решение одновременно нескольких задач или же реализации одномоментно только какой-либо одной деятельности. Этот показатель оценивался при помощи адаптированной «Шкалы полихронных ценностей» А. Блюдорна [21]. Как видно из табл. 5, в нашем исследовании уровень полихронности в целом оказался несколько ниже, чем при стандартизации данной

методики на общероссийской выборке, что явно противоречит существующим представлениям о большей многозадачности поколения Z [25]. Данный показатель снижается по мере прохождения обучения в бакалавриате, вновь увеличиваясь у обучающихся в магистратуре, что, вероятно, отражает особенности организации и общей направленности обучения на этих уровнях образования.

Таблица 5

Результаты методики «Шкала полихронных ценностей» в зависимости от курса обучения, баллы
(Tab. 5. "Scale of polychronic values" test depending on the study year, points)

Шкала теста		Все (n=441)	Курс обучения				
			1 (n=117)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=53)	5, 6 (n=24)
Полихронность*	M	2,92	3,03	2,98	2,87	2,55	2,98
	σ	0,92	0,90	0,93	0,87	0,87	1,12
Монохронность	M	3,55	3,55	3,48	3,66	3,52	3,73
	σ	0,83	0,76	0,87	0,89	0,71	0,85

Прим.: * — различия между 1 и 4 курсами достоверны при $p=0,02$.

Существенной характеристикой временного компонента образа мира является субъективное представление о ценности времени, которое в данном случае анализировалось с использованием адаптированной методики «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье [21], результаты по которой представлены в таблице 6. Отношение ко времени как значимой ценности в рассматриваемой нами группе несколько ниже, чем в общероссийской выборке, что может объясняться более молодым возрастом респондентов, объективно характеризующихся относительно бóльшим временным ресурсом жизнеосуществления. Динамика данного показателя в зависимости от курса обучения имеет отчетливый параболический характер, достигая максимума в середине обучения и значительно снижаясь в период обучения в магистратуре, что, возможно, связано с уменьшением общего объема аудиторной нагрузки в учебном плане магистерских программ.

Таблица 6

Результаты по методике «Шкала ценности времени как экономического ресурса» в зависимости от курса обучения, баллы

(Tab. 6. "Time value scale as an economic resource" test depending on the study year, points)

Ценность времени	Все (n=444)	Курс обучения				
		1 (n=119)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5,6 (n=24)
M	4,24	4,16	4,24	4,39	4,33	4,00
σ	0,74	0,72	0,71	0,73	0,79	0,77

Важной характеристикой образа мира является субъективное восприятие прошлого, настоящего и будущего. С учетом направленности и результатов других, ранее приведенных тестов для изучения представления о времени в семантическом пространстве студентов вузов нами анализировались результаты по факторам активности и эмоциональной окраски времени методики «Семантический дифференциал времени» Л. И. Вассермана, Е. А. Трифоновой и К. Р. Червинской [22], представленные в табл. 7. Значения как активности, так и эмоциональной окраски времени в описываемой группе в континууме *прошлое — настоящее — будущее* последовательно возрастают, что отражает оптимистические ожидания и высокий уровень мотивации деятельности и жизнеосуществления в целом у большинства респондентов. Динамика выраженности различных метафорических образов времени в процессе обучения в вузе в большинстве случаев проявляется слабо, демонстрируя общую тенденцию умеренного роста ощущения насыщенности времени и субъективной удовлетворенности оцениваемым временем в бакалавриате и последующее относительное снижение этих показателей в период магистратуры, что может соответствовать переживанию нормативного для этого этапа кризиса профессионального и личного самоопределения. Описанной закономерности соответствует рост у студентов магистратуры представлений о тревожности как важной характе-

ристики образов собственного прошлого, настоящего и будущего одновременно.

Общий средний балл активности образа настоящего по всей выборке составляет 4,1 балла; активность будущего несколько выше — 4,5; наименее активным воспринимается прошлое — 3,96. При этом показатели активности всех трех временных модусов соответствуют пониженному уровню в сравнении с показателями нормативной выборки. Похожая ситуация наблюдается и в характеристике эмоциональной окраски времени: прошлое — 4,2; настоящее 4,34; будущее — 4,84. Однако здесь баллы оценки прошлого и настоящего достигают повышенного уровня, а будущего — только пониженного. Таким образом, для студентов характерна относительно низкая оценка активности времени и несколько более выраженное восприятие его эмоциональности.

Таблица 7

Результаты по методике «Семантический дифференциал времени» в зависимости от курса обучения, баллы
(Tab. 7. "Semantic time differential" test depending on the study year, points)

Характеристика времени	Все (n=447)	Курс обучения				
		1 (n=122)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
<i>Настоящее</i>						
Активное	4,5	4,6	4,5	4,4	4,6	4,0
Напряженное*	3,9	3,5	4,3	3,9	3,9	4,0
Радостное	4,4	4,5	4,2	4,4	4,7	4,2
Стремительное	4,5	4,6	4,5	4,4	4,7	4,2
Плотное	4,5	4,4	4,6	4,3	4,6	4,2
Яркое	4,5	4,6	4,4	4,4	4,7	4,4
Тревожное**	3,7	3,4	4,2	3,6	3,4	4,0
Цветное	4,6	4,7	4,5	4,5	4,8	4,5
Постоянное	3,1	2,9	3,2	3,3	3,4	2,8
Светлое***	4,5	4,5	4,6	4,5	4,9	4,0
<i>Прошлое</i>						
Активное	4,2	4,3	4,2	4,2	4,4	4,3
Напряженное	3,8	4,1	3,6	3,9	4,0	4,1

Глава 10 Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе

Радостное	4,2	4,2	4,3	4,4	4,2	4,0
Стремительное	4,2	4,1	4,3	4,1	4,4	3,9
Плотное	4,2	4,1	4,3	4,3	4,3	4,4
Яркое	4,4	4,4	4,5	4,3	4,6	4,2
Тревожное	3,8	3,8	3,7	3,6	4,1	4,3
Цветное	4,4	4,4	4,4	4,3	4,5	4,1
Постоянное	3,4	3,3	3,5	3,5	3,3	2,8
Светлое	4,2	4,2	4,2	4,3	4,2	4,0
<i>Будущее</i>						
Активное	5,4	5,5	5,3	5,4	5,4	5,3
Напряженное	3,3	3,1	3,1	3,5	3,7	3,3
Радостное	5,4	5,4	5,5	5,4	5,4	5,3
Стремительное	5,1	5,2	5,2	5,1	5,0	4,9
Плотное	5,1	5,2	5,1	5,2	5,1	5,2
Яркое	5,4	5,4	5,3	5,2	5,4	5,5
Тревожное****	2,8	2,5	2,9	2,7	3,3	3,0
Цветное	5,3	5,4	5,3	5,3	5,4	5,2
Постоянное	3,6	3,3	3,7	3,8	3,7	3,3
Светлое	5,3	5,3	5,4	5,4	5,3	5,3

Прим.: * — различия между 1 и 2 курсами достоверны при $p < 0,01$; ** — различия между 1 и 2 курсами достоверны при $p < 0,01$; между 2 и 4 курсами — при $p = 0,03$; *** — различия между 4 и 5 курсами достоверны при $p = 0,02$; **** — различия между 1 и 4 курсами достоверны при $p = 0,01$.

Ценностно-смысловые характеристики образа мира студентов вуза

Ценностные составляющие образа мира студентов вуза изучались посредством анализа частоты представленности отдельных ценностных типов в описываемой выборке в целом и по отдельным курсам обучения, диагностированных при помощи модифицированной методики Р. Инглхарта (табл. 8). Результаты нашего исследования в целом свидетельствуют об относительно более высокой доле промежуточного, т. е. «неопределившегося» в ценностном отношении типа, а также индивидуализирующегося типов в сравнении с результатами общероссийских опросов, что тем не менее вполне соответствует как общей характеристике ценностей молодежи поколения Z, характеризующегося несформированностью

системы ценностей и аномией, так и возрастным особенностям нашей выборки, определяющим ее постматериалистическую ценностную направленность. Однако динамика распределения описываемых ценностных типов в период обучения в вузе здесь явно противоречит нормативному развитию системы ценностей личности, заключающемуся в поступательном повышении процента ориентирующихся на высшие ценности и поэтапном снижении доли студентов, характеризующихся несформированностью системы ценностей. В нашем исследовании, напротив, отмечается заметный рост числа неопределившихся в ценностном отношении и представителей адаптирующегося типа при одновременном снижении процента отнесенных к социализирующемуся и индивидуализирующемуся типам (доля последнего возрастает лишь у студентов магистратуры). Таким образом, становление системы ценностных ориентаций в вузе в нашем случае скорее имеет обратный и деструктивный характер, что может быть связано как с общими социально-экономическими изменениями в обществе, так и с трансформацией системы высшего образования.

Таблица 8

Результаты по методике ценностной структуры массового сознания в зависимости от курса обучения, % респондентов (Tab. 8. Mass consciousness value structure depending on the study year, % of respondents)

Ценностный тип	Все (n=441)	Курс обучения				
		1 (n=120)	2 (n=162)	3 (n=81)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Адаптирующийся	29,71	20,00	35,19	25,93	37,04	37,50
Социализирующийся	22,00	33,33	19,14	19,75	14,81	8,33
Индивидуализирующийся	8,84	11,67	6,79	8,64	7,41	12,50
Промежуточный	39,46	35,00	38,89	45,68	40,74	41,67

Приведенные результаты подтверждаются показателями развития системы смысложизненных ориентаций студентов вузов, которые изучались с использованием реконцептуализированного теста СЖО Д. А. Леонтьева (табл. 9). Как следует из приведенных данных,

общий уровень осмысленности жизни, осмысленности ее прошлого, настоящего и будущего, уровень ответственности за себя и свою жизнь в описываемой группе в целом заметно ниже, чем в других исследованиях, реализованных на студенческой выборке [16; 26]. Наблюдается незначительная положительная динамика по большинству рассматриваемых параметров (за исключением показателей по шкале *Процесс жизни*) в период обучения в бакалавриате с последующим резким снижением показателей по всем шкалам теста у студентов магистратуры. Эти данные свидетельствуют о некоторой экзистенциальной фрустрации обучающихся в магистратуре, связанной, вероятно, с определенным непониманием смысла реализуемой ими учебно-профессиональной деятельности.

Таблица 9

Результаты по тесту смысловых ориентаций в зависимости от курса обучения, стандартные баллы

(Tab. 9. Life-meaning orientations test depending on the study year, standard points)

Шкала СЖО	Все (n=447)	Курс обучения				
		1 (n=122)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
ОЖ	4,4	4,2	4,6	4,5	4,6	3,2
Цели	4,3	4,2	4,4	4,4	4,6	2,8
Процесс	4,1	4,2	4,4	4,0	4,0	2,8
Результат	4,3	4,4	4,4	4,6	4,5	2,9
Локус — Я	4,5	4,2	4,5	4,8	5,0	3,7
Локус — жизнь*	4,9	4,4	5,2	5,0	5,0	3,9

Прим.: * — различия между 1 и 2, между 2 и 5 курсами достоверны при $p=0,02$; между 3 и 5 курсами — при $p=0,05$.

Приведенные результаты демонстрируют относительно невысокий уровень развития субъективных хромотопических характеристик образа мира студентов вуза и недостаточно прогрессивную динамику их становления в процессе вузовского обучения, особенно заметную

при анализе его ценностно-смысловой составляющей, показатели которой в ряде случаев обнаруживают отчетливый негативный тренд. Все это свидетельствует в пользу актуальности и необходимости разработки и внедрения в практику воспитательно-образовательного процесса вузов специальной системы мер психолого-педагогической поддержки эффективного становления целостной системы хромотопических характеристик образа мира обучающихся.

Заключение

Образ мира студентов вуза представляет собой находящуюся в процессе становления систему, включающую пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики. В разработанной нами модели к пространственным характеристикам образа мира студентов отнесена система идентичности личности, очерчивающая ее социально-психологическую «территорию».

Временными характеристиками образа мира выступают временная перспектива личности как совокупность представлений студентов о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам. Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира являются ценностные ориентации личности, их осознанность, внутреннее принятие и реализованность в жизни, а также общая осмысленность жизни и осмысленность своего прошлого, настоящего и будущего.

В эмпирическом исследовании, посвященном изучению феноменологии образа мира студентов вузов и трансформации его пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих в процессе обучения, выявлены в целом невысокий уровень развития и недостаточная динамика рассматриваемых хромотопических характеристик: отсутствие поступательной динамики при формировании профессиональной, гражданской и мировоззренческой идентичности; отсутствие смысловой связанности между прошлым, настоящим и будущим; низкий общий уровень осмысленности жизни и ее отдельных временных локусов; нарастание проявлений ценностной дезориентации; увеличение значимости низших материалистических ценностей. Данные результаты свидетельствуют в пользу актуальности и необходимости разработки и внедрения в практику воспитательно-образовательного процесса вузов специальной системы мер психолого-педагогической поддержки эффективного

становления целостной системы хронотопических характеристик образа мира обучающихся.

В качестве основных направлений психолого-педагогического сопровождения развития хронотопических характеристик образа мира в воспитательно-образовательном процессе вуза мы рассматриваем целенаправленное обеспечение условий эффективного становления идентичности, временной перспективы и системы ценностно-смысловых ориентаций личности обучающихся. Поскольку, как следует из анализа полученных результатов, формирование пространственно-временных компонентов образа мира студентов вуза определяется достигнутым уровнем развития системы их ценностно-смысловых ориентаций, в качестве первоочередного направления психолого-педагогического сопровождения становления хронотопических характеристик образа мира может рассматриваться создание в процессе обучения необходимых условий для продуктивного развития системы ценностно-смысловых ориентаций личности.

Литература

1. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.
2. Серкин В. П. Пять определений понятия и схема образа мира / В. П. Серкин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
3. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира / С. Д. Смирнов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981. № 2. С. 15–29.
4. Ключко В. Е. Индивидуально-психологические характеристики двух типов хронотопической организации жизненного мира человека / В. Е. Ключко, О. М. Красноярцева, Н. В. Хван // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–3. С. 148–154.
5. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни / В. П. Серкин // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.
6. Некрасова Е. В. Хронотоп и хронотопические характеристики человека как психологической системы / Е. В. Некрасова // Ползуновский вестник. 2003. № 3–4. С. 203–210.
7. Некрасова Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Е. В. Некрасова. Барнаул, 2005. 344 с.

8. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез / Н. Н. Толстых Смоленск; Москва: Универсум, 2010. 312 с.
9. Логинова И. О. Хронотопические характеристики жизненного самоосуществления человека / И. О. Логинова // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7–2. С. 98–103.
10. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания / В. П. Зинченко // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
11. Медведев А. М. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Ч. 1 / А. М. Медведев, К. В. Мартиросян, А. Ю. Хачатрян // Мир науки. 2017. Т. 5. № 4. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (дата обращения: 07.06.2020).
12. Яницкий М. С. Хронотопические характеристики образа мира студентов вузов / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Р. О. Балабашук // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2019 г.). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. Вып. 2. С. 851–859.
13. Михальский А. В. Хронотоп в жизненном пути личности: будущее через призму пространства и времени / А. В. Михальский // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10–5. С. 71–74. DOI: 10.18454/IRJ.2015.41.128
14. Журавлев А. Л. Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 45–56.
15. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. Москва: Смысл, 2004. 608 с.
16. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / А. А. Утюганов. Кемерово, 2019. 401 с.
17. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность как психолого-педагогическая проблема вузовской подготовки психологов-практиков / Л. Б. Шнейдер // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 4. С. 49–58.
18. Ковдра А. С. Психологические особенности временной перспективы студентов вуза / А. С. Ковдра // Гуманизация образования. 2012. № 2. С. 30–35.

19. Проконич О. А. Ценностно-смысловые предикторы сбалансированной временной перспективы личности студентов вуза в период обучения: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / О. А. Проконич. Кемерово. 2016. 251 с.
20. Яницкий М. С. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования / М. С. Яницкий и др. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21603/2078–8975–2018–2–131–140
21. Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях / Т. А. Нестик. Москва: Изд-во ИП РАН, 2011. 293 с.
22. Вассерман Л. И. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии / Л. И. Вассерман, Е. А. Трифонова, К. Р. Червинская. Санкт-Петербург: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 43 с.
23. Яницкий М. С. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый. Новокузнецк: МАОУ ИПК, 2010. 102 с.
24. Лубский А. В. Российская идентичность: методологические проблемы интердисциплинарных научных исследований / А. В. Лубский // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 25. № 2. С. 68–75.
25. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций «Поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий и др. // Сибирский психологический журнал 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3
26. Утюганов А. А. Формирование гражданско-патриотических ценностей и их смысловых детерминант у курсантов военного вуза / А. А. Утюганов. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2015. 159 с.

ГЛАВА 11
РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ
CHAPTER 11
THE DEVELOPMENT OF PERSONALITY ABILITIES
IN AMULTICULTURAL ENVIRONMENT

© *Гунзунова Бальжима Анатольевна*
кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой возрастной и педпсихологии,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ
e-mail: balzhimag@mail.ru

Gunzunova Balzhima Anatolevna
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head, Department of Age and Pedpsychology
Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude

В современной образовательной концепции российского общества «Наша новая школа» первой задачей поставлено развитие способностей каждого обучающегося. Это не только психолого-педагогическая проблема, но и социальная, которую предстоит решать на всех уровнях образования, во многом через систему дополнительного образования.

Проблема способностей возникает при рассмотрении личности как субъекта деятельности, когда носителем способностей выступает личность со всеми присущими ей свойствами. Субъектные свойства характеризуют человека как субъекта труда, общения и познания и включают особенности внимания, памяти, восприятия. Интеграцией этих свойств выступают способности. Личностные свойства характеризуют человека как социальное существо и связаны прежде всего с социальными ролями, социальным статусом и структурой ценностей. Понятие о способностях развивалось, как и многие другие категории психологии, сначала в русле философского рассмотрения.

Объектом философского подхода выступают всеобщие социальные закономерности, лежащие в основе человеческих способностей.

Рассматривая проблему человеческого развития вообще и способностей в частности, философы выдвинули ряд конкретных положений, имеющих методологическое значение, раскрывающих многоаспектность способностей. В частности, они рассматривали способности рода «человек», особенности развития способностей в условиях антагонистических и неантагонистических формаций. Суть психологического подхода состоит в том, что, в отличие от философского и социологического он исследует специфические закономерности развития психических процессов, психической деятельности, которые представляют собой особенности индивидуальной жизнедеятельности человека. Объектом психологического анализа становятся специфические особенности психических процессов в функционировании и развитии человеческих способностей. Это обусловлено тем, что задачей психологической науки служит анализ психической деятельности, закономерностей ее протекания и функционирования в рамках отдельного индивида.

Способности, по определению Б. М. Теплова, как определенные человеческие свойства представляют собой хотя и сложное, многоплановое, но вместе с тем и целостное образование — им свойственны общие закономерности, которые не могут быть раскрыты конкретными науками. Их позволяет рассмотреть философско-социологический и общепсихологический подход к проблеме. При этом философско-социологический анализ дает методологические предпосылки и открывает возможности собственно психологического анализа проблемы способностей, который, в свою очередь, позволяет выявить пути их практического совершенствования применительно к конкретным видам деятельности.

Познавательные способности отождествляются с понятием «общие умственные способности», под которыми понимаются качества интеллекта, стоящие за определенными количественными показателями развития. Основная проблема заключается в выделении и определении психологических качеств, рассматриваемых как способности, в нахождении их места в структуре познавательной деятельности, в их измерении, позволяющем выявить уровень развития.

На начальном этапе изучения интеллект отождествлялся с простейшими психофизиологическими функциями с подчеркиванием органического (врожденного) характера интеллектуальных различий между людьми. Эмпирический подход к решению проблем способностей рассматривается в исследованиях Ф. Гальтона, основателя психологии способностей, разработавшего для этого основные методы и методики, посвятившего свою жизнь проблемам наследственности и таланта.

Проблемой современного подхода является проблема социальной обусловленности развития способностей. Это и исторический процесс развития способностей человечества, и онтогенетический процесс развития способностей индивида, и историческая закономерность процесса общественного развития, и социальная закономерность индивидуального развития. Раскрытие содержания понятия социальной обусловленности, развития способностей по существу и есть решение вопроса о взаимосвязи природного и общественного в способностях, об их соотношении.

Диссертационное исследование этнопсихологических особенностей детей было проведено в Бурятской гимназии № 29 г. Улан-Удэ Б. А. Гунзуновой под научным руководством профессора Р. Д. Санжаевой. Был подтвержден достаточно высокий статус учебного заведения, соответствие всем показателям гимназического образования, успешность детей в образовательном и личностном развитии. Но вместе с тем был обнаружен несколько повышенный уровень школьной тревожности, что было объяснено с требованиями уровня гимназии и стремлением детей соответствовать им. Также феномен успешности был связан с соревновательностью учащихся в условиях одного из первых инновационных образовательных учреждений города — Бурятской гимназии № 29.

В работе Б. А. Гунзуновой «Психологические детерминанты устойчивой тревожности личности подростков» анализируются результаты исследования, проводившегося в период с 1998 по 2002 г. в г. Улан-Удэ. Анализу были подвергнуты данные 150 человек. Все респонденты — учащиеся старшего подросткового возраста 13–14 лет. В исследовании принимали участие подростки, условно разделенные на две группы: группа Г (дети, обучающиеся в гимназических классах,

в которых обучение и воспитание организованы на коммерческой основе, с дополнительными оплачиваемыми услугами), и группа Ш (дети из школьных классов, учащиеся обычной, массовой средней школы, в которых обучение и воспитание осуществляются по типовой программе, без дополнительных услуг).

На первом этапе, целью которого было изучение соотношения различных видов тревожности, определено, каким образом показатели общей и частной тревожности соотносятся между собой. Данные корреляционного анализа показывают, что между высоким уровнем общей тревожности в этих выборках существуют достоверные различия ($t=2,6$, при $p<0,01$), свидетельствующие о высокой тревожности в группе Г по сравнению с группой Ш. Анализ и сравнение результатов, полученных при обследовании, обнаружили некоторые различия в переживании тревоги, связанной с частными сферами. Полученные результаты показали, что в группе Г тревожность связана со школьными ситуациями (ШТ — школьная) — 33,3%, с отношением к себе (СТ — самооценочная) — 23,9%, и классическими фобиями (Маг.Т — магическая) — 41,3%. Ситуационный показатель продуктивен с точки зрения преодоления тревожности: позволяет локализовать зону наибольшего напряжения и построить индивидуализированную программу работы.

Результаты группы Ш оказались следующими: самооценочная тревожность — 29,3%, межличностная — 29,2%, магическая — 34,6%. Данные, таким образом, свидетельствуют, что у гимназистов и учащихся школьных классов встречаются аналогичные виды частной тревожности: самооценочная и магическая. Расхождения наблюдаются в школьной тревожности (группа Г) и межличностной (группа Ш).

Выраженная школьная тревожность в группе Г связана с требованиями, законами, правилами, превышающими возможности школьника в условиях инновационного обучения. Во-первых, хорошая успеваемость часто достигается нерациональными методами за счет неоправданно высоких трудовых и временных затрат. Во-вторых, как показал анализ психологических и медицинских данных, это нередко происходит за счет здоровья детей: у таких школьников ухудшается состояние здоровья. В-третьих, система обучения в гимназии, постоянные проверочные и контрольные работы, зачеты, информация

об обязательных действиях в течение длительного периода особенно сильно влияют на ответственных, старательных учащихся. Не имея достаточного опыта для анализа и планирования собственных действий, они пугаются обилия требований и стоящих перед ними задач. Результатом является повышение числа «тревожных отличников» и «плохо успевающих». Таким образом, общая ситуация в условиях инновационной образовательной среды, преломляясь в эмоциональной сфере подростков, приводит к повышению уровня тревожности.

В группе Ш обнаружена тревожность, связанная с ситуациями общения (межличностная). В литературных источниках имеется множество данных, указывающих на связь тревожности с особенностями общения и социального взаимодействия, поэтому мы позволим не останавливаться на этих данных.

Результаты анализа «магической» тревожности, которая оказалась очень чувствительной и позволила отделить общую, генерализованную тревогу от вариантов частной тревоги, показали, что наряду с классическими фобиями («архаическими» страхами): боязнь темноты, крови, огня и др., наблюдаются «магические» страхи: потусторонних сил, судьбы, «сглаза» и др. Кроме того, обнаружены «социальные» страхи, связанные с социально-экономической нестабильностью и непредсказуемостью. Очевидно, изменившаяся социальная обстановка, возрастание тревог, связанных с будущим отражаются в переживаниях и настроениях молодежи в общественной жизни.

Таким образом, в изучаемых группах происходит смена различных видов тревожности, что подтверждает имеющуюся в литературе точку зрения наличия общей тревожности, которая может приобретать разные формы. В целом можно сказать, что на протяжении подросткового возраста частная тревожность выступает совместно с общей тревожностью, являясь лишь специфической формой выражения, «привязывания» к определенным объектам общей тревожности. Обнаружение различия в частных видах тревожности разрешает одну из задач экспериментальной работы.

Целью второго этапа исследования было изучение внутриличностных детерминант устойчивой тревожности у подростков. Автором изучена возможность количественной оценки устойчивой тревожности с личностными характеристиками с помощью методики

М. Люшера (МЦВ). Чтобы данные теста можно было использовать в статистическом (анализе, нами были задействованы интерпретационные коэффициенты Г. А. Аминова (1982, с. 18). Им на основе факторного анализа было выделено шесть таких коэффициентов: гетерономность, концентричность, баланс личностных свойств, баланс автономной (вегетативной) нервной системы, работоспособность, наличие стрессового состояния.

Корреляционный анализ выявил различные зависимости уровня тревожности, в которых просматривается действие ее психологических механизмов. Было обследовано более 100 человек, из них для корреляционного анализа отобраны данные 58 испытуемых, поскольку они проходили комплексное обследование на протяжении всего эксперимента.

По показателям интерпретационных коэффициентов испытуемые группы Г характеризовались низким уровнем гетерономности ($G = -2,8$), что означает выраженность их в автономности, активности, инициативности, независимости, стремления к успеху, доминированию, самоутверждению личности; низкими показателями (концентричности ($K = -1,6$), т. е. слабой выраженностью эксцентричности, сосредоточенности подростков на своих проблемах, интереса окружением как объектом воздействия или источником получения помощи; средними значениями коэффициента баланса личностных свойств ($ЛБ = -0,1$), что указывает на несбалансированность личностных свойств, противоречивость, неустойчивость личности; средними показателями баланса вегетативной нервной системы ($ВБ = 0,9$), что означает доминирование тонуса симпатической нервной системы, катаболических обменных процессов, которые, в свою очередь, проявляются в усилении и учащении сердцебиения, в преобладании диссимилиативных обменных процессов; достаточно высоким уровнем работоспособности ($P = 17,4$) и средним уровнем состояния стресса ($C = 14,4$). Испытуемые группы Ш характеризовались следующими показателями: $G = -0,4$, $K = 0,4$, $ЛБ = 0,5$, $ВБ = 2,2$, $P = 16,4$, $C = 8,3$.

В корреляционном анализе были получены различные зависимости устойчивой тревожности от этих характеристик. Прежде всего выяснилось, что устойчивая тревожность имеет отрицательные связи с гетерономностью как в группе Г, так и в группе III ($t = -3,4$, при $p <$

0,01), концентричностью ($t = -1,8$, $p < 0,05$), балансом личностных свойств ($t = -0,6$, $p < 0,05$), балансом вегетативной нервной системы ($t = -1,6$, $p < 0,05$). В психологическом смысле это означает, что низкие показатели ведут к повышению уровня устойчивой тревожности.

Также в корреляционном анализе обнаружены сильные положительные связи между показателями тревожности и показателями работоспособности и стрессового состояния ($t = 2,2$, при $p < 0,05$ и $t = 3,3$, при $p < 0,01$). Работоспособность является одним из важнейших условий успешности деятельности. Наличие тревожности как устойчивого образования оказывает существенное влияние на успешность деятельности, связанной с интеллектуализацией личности в подростковом возрасте. Мыслительная активность, связанная с инновационной информационной перегрузкой, по нашему мнению, есть скорее показатель эмоциональной напряженности и свидетельствует о наличии группы тревожных испытуемых-отличников.

Состояние тревоги влияет на успешность деятельности в подростковом возрасте в соответствии с неоднократно описанными в литературе закономерностями: оказывает позитивное влияние на результаты простой деятельности и негативное — сложной. (Г. Ш. Габдреева, А. А. Голушко, Н. Д. Левитов, Ю. Л. Ханин, К. Спенс, Ч. Спилбергер, И. Сарасон, Дж. Тейлор и др.). При этом сложность деятельности может определяться как трудностью заданий, так и усложнением условий деятельности.

Согласно Н. Д. Левитову (1969) тревожные люди действуют гораздо успешнее в стабильной, структурированной, привычной для них обстановке. Когда ситуация оказывается новой или ее требования превышают возможности подростка, актуализируется сильное состояние тревоги, в результате чего возникает дезорганизация деятельности и поведения, и подросток действует гораздо ниже своих возможностей.

Корреляционный анализ между показателями тревожности и стрессового состояния выявил следующие различия: высокотревожные испытуемые группы Г чаще находятся в состоянии стресса ($C = 14,4$), чем подростки группы Ш ($C = 8,3$). Следовательно, длительное и многократное воздействие стрессовой ситуации при соответствующем

щей ее оценке подростком рассматривается как основной источник невротических и преневротических состояний, в том числе устойчивой тревожности.

Выявленные особенности устойчивой тревожности подростков-гимназистов послужили нам ориентирами при разработке системы коррекционных воздействий.

Эти данные были подтверждены результатами диссертационного исследования Б. В. Соктоевой, выполненного под научным руководством профессора Р. Д. Санжаевой в Республиканском бурятском лицее-интернате № 1 в г. Улан-Удэ для одаренных детей. На основе результатов корреляционного и факторного анализов был сделан вывод о том, что обнаруженная эмоциональная напряженность (ЭН) является сложным структурным образованием, компоненты которого оказывают отрицательное влияние на личность одаренного подростка.

На высокую ЭН творчески одаренной личности подростка оказывают влияние такие факторы, как тип нервной системы и гендерная принадлежность. Слабый тип нервной системы по отношению к возбуждению, характеризующийся низким уровнем работоспособности и высокой чувствительностью, обуславливает эмоциональную нестабильность творчески одаренной личности подростка. Различия мужского и женского мышления, низкая самооценка одаренных девушек и недостаточное принятие в качестве положительного качества их одаренности со стороны окружающих (Э. Ландау), влияние семейного воспитания на проявление и развитие творческой одаренности у девушек (в бурятских семьях преобладает восточный тип, когда мужчина ставится во главу семьи исключительно по половому признаку), у девушек большая эмоциональная напряженность оказывает тормозящее влияние на развитие творческой одаренности.

Возрастной фактор несет наименьшую смысловую нагрузку. Старший подростковый возраст характеризуется большей психологической устойчивостью, становлением самосознания, самоопределением личности. Среди трех возрастных групп было выявлено больше 15-летних учащихся с высоким уровнем невербальной креативности, меньше 16–17-летних испытуемых. Причиной данного факта является то, что 15-летний возраст — это завершение сензитивного периода,

когда происходят значимые сдвиги в развитии личности подростка, в то время как 16–17-летний период характеризуется психологической устойчивостью.

1. Теоретическое изучение и практическое исследование личности творчески одаренного подростка позволяют определить творческую одаренность как сложное многоаспектное и разноуровневое явление, полноценно реализующееся с учетом комплекса психологических, психофизиологических и социальных факторов.

2. Творческая одаренность личности подростка, воспитывающегося в условиях лицея-интерната, находится во взаимосвязи с состояниями эмоциональной напряженности. Уровень состояния эмоциональной напряженности у творчески одаренных подростков значительно выше, чем у подростков, не выявивших творческую одаренность. ЭН включается в развитие личности творчески одаренного подростка, вызывая другие неблагоприятные эмоции. Можно говорить об эмоциональной напряженности как о сложном структурном образовании, компоненты которого (агрессивность, фрустрация, тревожность, ригидность) оказывают отрицательное влияние на личность одаренного подростка.

3. Комплекс выявленных факторов, обуславливающих высокую эмоциональную напряженность творчески одаренной личности подростка, составляют:

- латентная, нереализованная одаренность;
- гендерная принадлежность: психофизиологические особенности;
- социальные условия: испытуемые, сельские подростки, воспитываются в закрытом учреждении интернатного типа, и несмотря на тот факт, что обучению и воспитанию учащихся уделяется особое внимание согласно специально разработанной программе, такие факторы, как отсутствие близкого эмоционального общения со взрослыми, постоянный контроль с их стороны, жесткий режим дня, круглосуточное пребывание среди других детей и взрослых, отсутствие личного пространства, многочисленность детей, отсутствие родительской опеки, отрицательно влияют на реализацию творческого потенциала личности подростка, затрудняют проявление собственного Я.

В практическом плане полученные результаты имеют перспективы в психологическом сопровождении творчески одаренной личности подростка, воспитывающейся не только в учреждении интернатного типа, но и в массовой школе, учреждениях дополнительного образования. Выявленные в работе закономерности могут использоваться при разработке диагностических методик, коррекционных программ, разработке учебных курсов по педагогической, общей, социальной, возрастной психологии, психофизиологии и психологии одаренности.

Современной эффективной платформой решения этой проблемы является система дополнительного образования, которая имеет славную и трудную 100-летнюю судьбу развития.

На сегодняшний день дополнительное образование становится площадкой подготовки будущих кадров, системой предпрофильного обучения. Дополнительное образование — эта та сфера человеческой деятельности, в которой происходит выработка теоретической и практической систематизации объективных знаний педагогом, назначением которых является помощь детям при ориентировании в многогранном мире познания: развитие интеллекта, индивидуальных творческих способностей и культуры мышления. В современных условиях научно-техническое творчество — это основа инновационной деятельности. Творчество — это специфичная для человека деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью.

Дополнительное образование оказывается встроенным в структуру любой деятельности, в которую включен ребенок. Обычно термином «дополнительное образование детей» характеризуют сферу неформального (по терминологии ЮНЕСКО) образования, связанную с индивидуальным развитием ребенка в культуре, которое он выбирает сам (или с помощью значимого взрослого) в соответствии со своими желаниями и потребностями. В ней одновременно происходит его обучение, воспитание и личностное развитие [1].

Муниципальное автономное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования "Эдельвейс"» г. Улан-Удэ (*директор Ирина Иннокентьевна Басхаева, кандидат психологических наук*) на современном этапе в состав вклю-

чает 7 детских клубов: «РиФ», «Буревестник», «Контакт», «Юность», «Орленок», «Старт», лагерь труда и отдыха «Чайка», с. Нарын-Ацагат.

Цель работы центра — создание оптимальных условий для развития творческих способностей и задатков ребенка, удовлетворение интересов, склонностей, дарований воспитанников. Центр ведет работу по реализации программы развития «Успешное поколение», где основной целью является обеспечение гармоничного развития ребёнка в процессе его обучения и воспитания в коллективах учреждения, а также психологического комфорта для образовательной деятельности участников образовательного процесса. Психологическое сопровождение через собственную службу «Инсайт» всех участников образовательного процесса является необходимым условием достижения вышеставленной цели, в которую входят специалисты (социальные педагоги, педагоги-психологи, логопеды).

Центр успешно сотрудничает с Улан-Удэнским авиационным заводом, обеспечивая воспитанников качественной организацией досуга и психологической помощью (просветительские беседы, тренинги, круглые столы, экскурсии и пр.). В перспективе имеется договоренность усилить взаимодействие с колледжами микрорайона Загорск для осуществления профориентационной работы в клубах центра, где бы мы стали связующим звеном по подготовке потенциальных абитуриентов ССУЗов.

Эффективным стал опыт совместных мероприятий по привлечению обучающихся Межшкольного учебного центра г. Улан-Удэ на практику в качестве вожатых в летнее время на базе ЛТО «Чайка».

Клубы центра «Эдельвейс» посещают дети и подростки из школ микрорайонов пос. Зеленый, Загорск, Восточный. Общее количество детей ежегодно составляет свыше 1100 человек. Центр успешно сотрудничает с родительской общественностью, гражданскими институтами.

В центре работают опытные педагоги-организаторы и педагоги дополнительного образования. Дети активно занимаются в творческих объединениях по направлениям: прикладное искусство, художественно-эстетическое, морально-нравственное, спортивно-оздоровительное развитие, социально-педагогическое, психологическое сопровождение, научно-техническое, патриотическое — штаб «Загорского отделения "Юнармия"».

Задачи центра:

- реализация дополнительных образовательных программ;
- обучение и личностное развитие, укрепление здоровья и профессионального самоопределения, формирование общей культуры у воспитанников, выявление и развитие творческого потенциала детей;

- организация содержательного досуга детей мкр. Загорск во внеурочное и каникулярное время, проведение массовых мероприятий с привлечением социальных партнеров.

Также центр «Эдельвейс» является инициатором и организатором ежегодных городских мероприятий, которые проводятся с целью актуализации проблемы системы образования и ее дальнейшего перспективного развития. «Педагогические чтения "Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы"», круглые столы на темы «Трудоустройство несовершеннолетних граждан: опыт, проблемы и поиск путей решения», «Межведомственное взаимодействие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Выявление раннего семейного неблагополучия», «Стратегия развития дополнительного образования пос. Загорск г. Улан-Удэ, лагеря труда и отдыха «Чайка» (с. Нарын-Ацагат), «Межведомственное взаимодействие по профилактике трудностей обучения несовершеннолетних в школе. Рекомендации по оказанию помощи детям с проблемами в обучении», «Стратегия развития образовательной и спортивной робототехники в Республике Бурятия».

Особое место в центре «Эдельвейс» занимает седьмое структурное подразделение «Лагерь труда и отдыха "Чайка"», который расположен в Заиграевском районе Республики Бурятия, в 50 км от г. Улан-Удэ. Лагерь является сезонным учреждением круглосуточного пребывания и организуется для детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет включительно. В лагере активно проводится организация трудовой деятельности детей, их трудовое воспитание, организация отдыха. За летний период ежегодно в течение трех сезонов в лагере отдыхает 240–244 подростка. В настоящее время лагерь «Чайка» — это единственный в Республике Бурятия лагерь труда и отдыха. В рамках программы центра «Эдельвейс» по профессиональной ориентации и трудовому воспитанию подростки старше 14 лет трудоустройства-

ются и работают в лагере. В 2018 г. вновь с несовершеннолетними заключены трудовые договоры, внесены записи в трудовую книжку. В сотрудничестве с МБОУ ДО «Межшкольный учебный центр» г. Улан-Удэ в лагере с обучающимися учебного центра была организована производственная практика по специальности «вожатый», по итогам которой ребятам вручили трудовые книжки. Для ребят это великолепная возможность применить теоретические знания в реальных условиях и начать свой трудовой стаж с 14–17 лет, получив за свой труд заработную плату и действительно с пользой провести лето. Вожатые прошли специальный курс психологической и педагогической подготовки, ознакомились с основами конфликтологии. Вожатые-подростки являлись связующим звеном между взрослыми и детьми, благоприятно влияя на психологический климат в детском коллективе. Летняя педагогическая практика является важнейшим звеном в обучении, предполагая закрепление освоенных психолого-педагогических знаний и умений, творческий подход к организации воспитательной работы с детьми в условиях летнего оздоровительного лагеря.

Образовательная программа «Успешное поколение» летней оздоровительной компании ЛТО «Чайка» включает несколько направлений: английский и китайский языки (ежедневные 1,5–2-часовые занятия), художественно-эстетическое направление (керамика, ИЗО, хореография, гитара, вокал), спортивно-оздоровительное (футбол, волейбол, шахматы, шашки, стрельба из лука и пневматического оружия), военно-патриотическое (Юнармия), социально-педагогическое (журналистика, вожатское дело, КВН), научно-техническое (робототехника, ТРИЗ, занимательная математика, 3D-моделирование).

Воспитанники лагеря активно включаются в экономическую игру «Успешное поколение». Детям выдаются «чековые книжки». По итогам игры, в зависимости от трудового вклада дети могут заработать разные суммы, денежным эквивалентом которых является местная номинальная единица — чайкон.

С целью ознакомления детей с миром профессий и их адаптации к современным условиям жизни в течение смен была проведена бизнес-игра «Город мастеров». Отрядам было предложено организовать не менее трех видов услуг. По итогам игры были выявлены лидеры по следующим номинациям:

- «Лучший предприниматель» (критерий: доход);
- «Самый инновационный бизнес-проект» (критерий: неожиданный и креативный бизнес-прорыв);
- «Самая лучшая бизнес-группа» (критерий: прибыль, отзывы, поток посетителей).

В результате игры были достигнуты следующие педагогические цели:

- воспитание в подрастающем поколении потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их социальной и религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения и поведения;
- формирование психологической готовности к профессиональному самоопределению (в том числе детей из неблагополучных и социально не защищенных семей) [2].

Воспитатель лагеря «Чайка» является организатором детского отдыха, он еще хороший друг и товарищ для детей, который поможет в любой ситуации и отнесется к ним со всей душой. Создание душевного спокойствия отдыхающего — главная задача руководства.

Организация летнего отдыха детей в лагере труда и отдыха — это модель непрерывного функционирования всех структурных подразделений центра (клубов пос. Загорск и лагеря «Чайка») по реализации образовательных программ в сфере дополнительного образования детей, которая, по сути, представляет собой новый тип образовательного учреждения. Основной характеристикой такой модели является единое образовательное пространство, не разделенное на летний период и учебный год.

Лагерь «Чайка» находится на священной земле села Ацагат, родине выдающегося бурятского деятеля, просветителя, ученого, путешественника, духовного Учителя Далай-ламы XIII в Тибете Агвана Доржиева. Музей А. Доржиева всегда открыт для детей, отдыхающих в лагере «Чайка», где они приобщаются к духовным ценностям бурятского народа, его достойных и известных сыновей и дочерей.

Таким образом, дополняя функциональность основного образования, расширяя и углубляя знания детей в интересных для них формах, дополнительное образование является уникальным звеном во всей системе непрерывного образования, способствуя

овладению ими различными формами познавательной деятельности и усилению их мотивации к различным видам деятельности, являясь неотъемлемой частью социализации и становления будущего гражданина нашего государства.

Х. Т. Санжаева занимается кросс-культурным исследованием развития творческих способностей младших школьников. Работа в монгольско-русской школе в Улан-Баторе позволила рассмотреть проблему в поликультурном аспекте и выделить роль народных детских игр как важного фактора развития творческих способностей, креативности младших школьников в бурятской и монгольской культурах.

Развитие способностей личности важно и в вузе, так как студенты — это личности с развитым личностным, профессиональным, этническим самоопределением. Б. В. Ламаева (соискатель Р. Д. Санжаевой) провела анализ системы современного музыкально-педагогического образования, что музыкальные способности детерминированы этнокультурными особенностями образовательной среды вуза, обусловлены связью музыки (как на образно-содержательном, так и на интонационном уровне) со всеми сферами жизнедеятельности человека, народа, что изучено недостаточно. Исследование развития музыкальных способностей в этнокультурной среде позволяет в определенной степени разрешить основное противоречие между востребованностью и ростом этнического самосознания, с одной стороны, и тенденцией утраты собственной культурной уникальности, самобытности, традиционных ценностей, в том числе и музыкального искусства, с другой стороны. Таким образом, актуализировалась проблема выявления детерминант развития музыкальных способностей студентов музыкальных специализаций, необходимых для овладения не только специальными знаниями, умениями и навыками, но и культурными и национальными традициями в процессе становления их профессионального и личностного саморазвития.

Приобщение человека к родной культуре происходит через взаимодействие и творчество в процессе социализации. Л. С. Выготский подчеркивал, что родившийся человек уже является социальным существом. Творческая переработка музыкальных ценностей и прогрессивных эстетических традиций национальной культуры сопрягается

в сознании детей с ростом и укреплением художественного сознания личности, ее духовной потребности в овладении общечеловеческими музыкально-художественными ценностями, входящими в систему ценностно-смысловых ориентаций личности. Студенты-музыканты являются, на наш взгляд, субъектами успешной социализации данного направления. Период обучения в вузе — это важный этап и в формировании системы ценностно-смысловых ориентаций (А. В. Серый, М. С. Яницкий). Поэтому учебно-воспитательная среда вуза может скорректировать процесс интериоризации традиционных, этнокультурных ценностей студентов-музыкантов.

Рассматривая этнопсихологические детерминанты развития музыкальных способностей, важно отметить тот факт, что мы подразумеваем способ развития и организации человеческой жизнедеятельности, которая представлена в продуктах духовной и материальной деятельности, в духовных ценностях, в системах общественных норм, в совокупности отношения людей к окружающему миру, себе лично, другим людям в определенном этносе. Это подтверждают данные по тесту В. Хотинца (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь показателей этнического самосознания
и музыкальных способностей студентов

Показатели этнического самосознания	Муз. ритм	Муз. слух	Муз. память	Эмоц. отзыв.	Муз мышл.
Осознание особенностей этнической культуры	0,32	0,22	0,43	0,29	0,63
Осознание психологических особенностей этноса	0,24	0,23	0,43	0,58	0,31
Осознание тождественности со своим этносом	0,62	0,34	0,54	0,32	0,44
Осознание своих этнопсихологических особенностей	0,22	0,57	0,43	0,22	0,33
Осознание себя субъектом своего этноса	0,43	0,45	0,66	0,41	0,23

Примечание:* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

При анализе результатов исследования выявлены положительные статистически значимые связи между следующими показателями. Выявлена прямая корреляция между уровнем осознания особенностей этнической культуры и уровнем музыкального мышления ($r=0,63$ при $p<0,01$). Это позволяет утверждать, что чем выше уровень осознания специфических характеристик принадлежности к этносу, тем выше уровень музыкального мышления. Уровень осознания психологических особенностей этноса взаимосвязан с уровнем эмоциональной отзывчивости ($r=0,58$ при $p<0,01$). Уровень осознания тождественности со своим этносом коррелирует с развитием музыкального ритма, например, с традиционным танцем бурят «ёхор» (хоровод), что образует ядро выразительности музыкального комплекса ($r=0,62$ при $p<0,01$). Уровень осознания своих этнопсихологических особенностей коррелирует с уровнем развития музыкального слуха как наиболее важного фактора в профессиональной деятельности музыканта, включающего в себя интонационное чутье, интонационно-певческий слух, свойственный двенадцати бурятским родам ($r=0,57$ при $p<0,01$). Чем выше осознание себя субъектом этноса, тем выше уровень музыкальной памяти, в которой важное место занимает представление целостного музыкального образа этноса ($r=0,66$ при $p<0,01$).

Разработанные программы дисциплин по выбору развития музыкальных способностей студентов «Бурятская профессиональная музыка на современном этапе», «Музыкальная психология», «Основы семиотического анализа музыки» положительно повлияли на интеграцию и интернализацию этнокультурных ценностей студентов-музыкантов в вузе. Апробация и внедрение данных программ дисциплин по выбору способствовали развитию музыкальных способностей студентов через познание психологических особенностей своего этноса, через использование внеучебных форм (проведение творческих встреч, привлечение студентов к участию в деятельности народных ансамблей, этнокультурные тренинги и т. д.).

Литература

1. Басхаева И. И. Модель профессионала как ведущая детерминанта профессионального самоопределения / И. И. Басхаева // Актуальные вопросы современной психологии. Челябинск, 2013. С. 9–14.

2. Басхаева И. И. Психологическая готовность к инновационной деятельности профессионалов деонтологического статуса / И. И. Басхаева, Р. Д. Санжаева // *Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы Городских педагогических чтений*. Улан-Удэ: Молодой ученый, 2017.
3. Гунзунова Б. А. Концептуальная модель системы саморегуляции эмоциональных состояний в профессиональной педагогической деятельности / Б. А. Гунзунова // *Мир науки, культуры, образования*. Горно-Алтайск, 2012. № 4(35). С. 150–155.
4. Гунзунова Б. А. Теоретико-методологические основы саморегуляции в профессиональной педагогической деятельности / Б. А. Гунзунова. Улан-Удэ, 2012.
5. Основы робототехники на базе Lego Mindstorms NXT // *Компьютерные инструменты в школе*. 2010.
6. Занимательная робототехника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edurobots.ru/>
7. *Современные технологии в образовательном процессе: сборник статей*. Челябинск, 2011. 124 с.
8. Буйлова Л. Н. *Дополнительное образование детей в современной школе* / Л. Н. Буйлова, Н. В. Кленова. Москва: Сентябрь, 2004. С. 156.
9. Максимова Т. В. Индивидуальный подход к личности каждого подростка (из опыта работы социального педагога МАОУ ДО ЦДО «Эдельвейс») / Т. В. Максимова // *Дополнительное образование: опыт, проблемы, перспективы развития»: материалы Городских педагогических чтений*. Улан-Удэ: Молодой ученый, 2016.
10. Ильин Е. П. *Психология индивидуальных различий* / Е. П. Ильин. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 701 с.
11. Калугина Н. А. Психолого-педагогические особенности формирования личностных компетентностей учителей-музыкантов в вузах культуры искусств / Н. А. Калугина // *Высшее образование сегодня*. 2008. № 4. С. 20–23.
12. Карнышев А. Д. *Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика* / А. Д. Карнышев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 1997. 184 с.
13. Кыштымова И. М. *Методы диагностики творческих способностей человека: метод. пособие* / И. М. Кыштымова. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2003. 84 с.

14. Подуровский В. М. Психологическая коррекция музыкально-педагогической деятельности / В. М. Подуровский. Москва: Владос, 2001. 320 с.
15. Санжаева Р. Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект / Р. Д. Санжаева, С. Б. Дагбаева. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2010. 210 с.
16. Санжаева Р. Д. Готовность и психологические механизмы ее формирования / Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017. 207 с.
17. Соктоева Б. В. Состояние эмоциональной напряженности у творчески одаренных подростков (на примере лицеза-интерната Республики Бурятия) / Б. В. Соктоева // Культурно-историческая психология. Т. 6. № 2. Москва: Изд-во МГППУ, 2010. С. 50–54.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый человек на Земле принадлежит к какой-то общности — семье, роду, этносу, проводит свою жизнь в группах, коллективе людей. И задача родных, учителей, воспитателей — помочь ему быть готовым к жизни, долгой и счастливой.

Психологическая готовность как сложное динамическое образование является взаимодействием двух основных его характеристик: эмоционального и психического состояния, психологической характеристики личности, которые проявляются в их сбалансированности. Именно единство аффективного, эмоционального начала, когнитивных образований, убеждений и поведенческих актов в виде навыков, устойчивых реакций является выражением сформированности психологической готовности человека к жизнедеятельности, профессиональной деятельности.

Структура этнопсихокультурной готовности представляет собой функциональное многоуровневое образование, включающее мотивационный, ориентационный, операционный, оценочный, регулятивный компоненты, которые трансформируются в зависимости от уровней готовности, особенностей деятельности и т. д. Развитие основных компонентов структуры этнопсихокультурной готовности диагностирует разный уровень ее готовности.

Современная трехкомпонентная структура этнопсихокультурной готовности к традиционной деятельности включает традиционно три вида: нравственную, интеллектуальную и психофизиологическую, характеризуется тем, что в ней действует система механизмов реализации культурно-психических традиций. Эти механизмы иерархизированы, поэтому выделяются базовые или генерализованные механизмы (механизм идентификации, локус контроля и механизм механического баланса). Экспериментальное исследование психологических механизмов подтвердило их продуктивную роль в формировании психологической готовности человека к деятельности в условиях традиционной культуры.

Психофизиологические основы готовности к деятельности, в частности МПА (межполушарная асимметрия мозга), как механизм психологической направленности личности и как социокультурный механизм имеют огромное значение в самоактуализации личности, способствуют повышению уровня психологической готовности к деятельности.

Результаты формирования этнопсихокультурной готовности к деятельности появляются в развитии всех ее компонентов. Мотивационное развитие состоит в том, что происходит устойчивый рост интереса к профессиональной деятельности, «понимаемые» мотивы становятся реально действующими.

Результаты экспериментального исследования подтвердили гипотезу о значении этнопсихокультурной готовности к деятельности в разработанной модели обучения с апробируемой системой средств и при соблюдении выдвинутых нами психолого-педагогических условий. Проблема формирования этнопсихокультурной готовности к деятельности может быть рассмотрена в интеграции светского и духовного знаний, нетрадиционного и традиционного обучения в школе и вузе.

Традиционная личность — это человек, почитающий родителей, молящийся о хорошем перерождении, о здоровье, благоденствии, исправлении кармы, старающийся жить со всеми в ладу, не выделяться, поступать по предписанным нормам и этикету, ценящий знания, мудрость, степенность, обстоятельность, не терпящий предательства, коварства, воровства. Соглашаясь с вышесказанными положениями, мы придерживаемся точки зрения, что традиция — это трансляция, изменение и трансформация культурных ценностей и форм в условиях межпоколенной преемственности. Важнейшую роль в этом процессе играют знаковые системы, выступающие в качестве посредников между человеком и миром, и, в первую очередь, это язык. Способность человека отражать мир в сложных отвлеченных связях и отношениях позволяет ему оторваться от практического опыта путем постепенной эмансипации от симпрактического контекста и выработки синсемантической системы, т. е. системы знаков, связанных друг с другом по значению и образующих систему кодов, которые можно понимать даже не зная ситуации. Все отражаемое человеком в многообразных формах активности категоризуется, именуется в системе значений, поскольку субъект отражает мир не напрямую, а через системы значений, выработанных в культурно-историческом развитии этноса.

Научное издание

Авторы

Римма Дугаровна Санжаева
Татьяна Львовна Миронова
Арюна Раднанимаевна Монсонова
Долгор Раднанимаевна Галсанова
Бальжима Анатольевна Гунзунова

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ БУРЯТ

МОНОГРАФИЯ

Редактор

З.З. Арданова

Компьютерная верстка

А. Г. Мельников

Дизайн обложки

А. Г. Мельникова

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 21.12.2020. Формат 60x841/16.
Уч.-изд. л. 13,41. Усл. печ. л. 15,48. Тираж 500. Заказ 134
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а